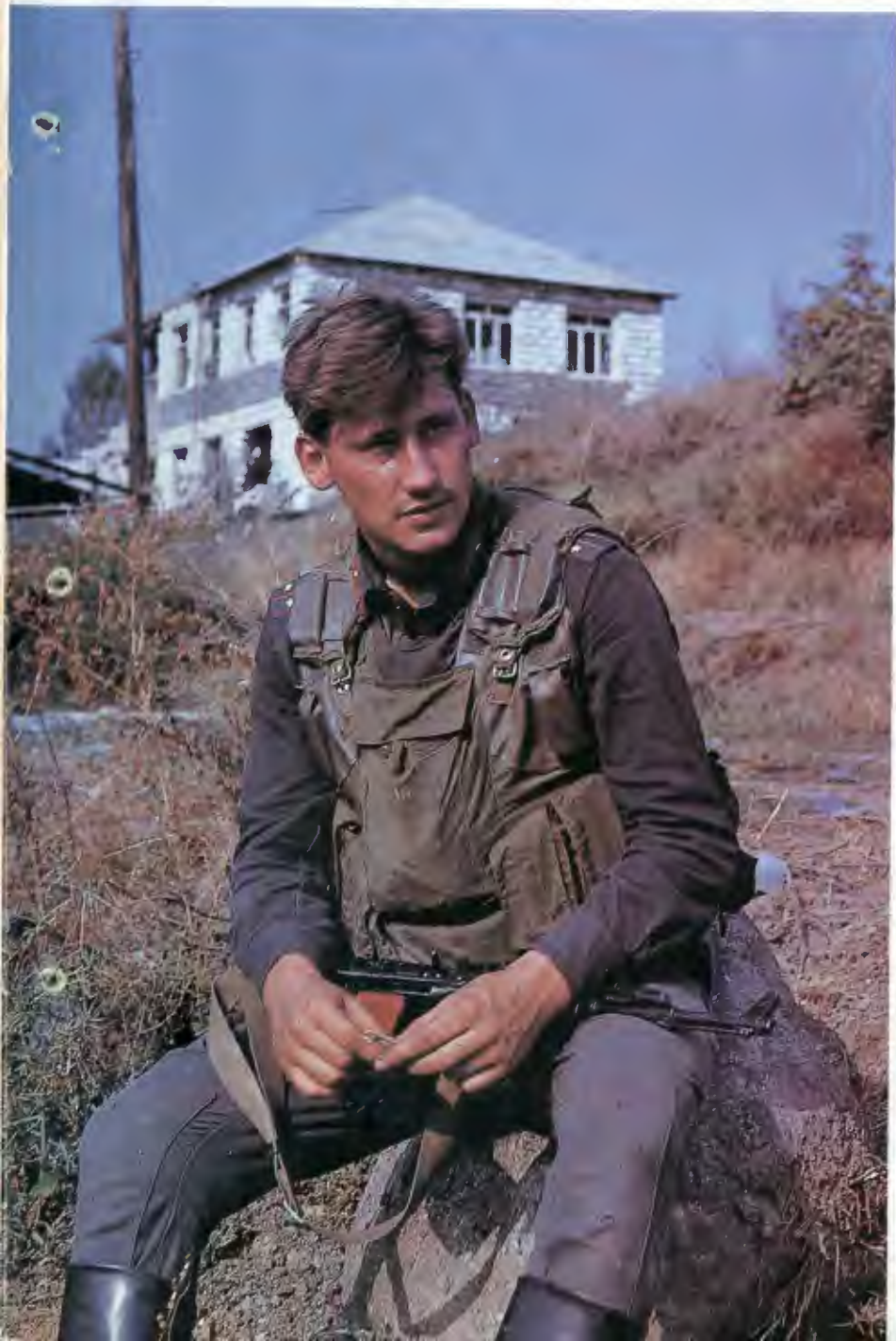

268

На боевом посту **БП** 12'90

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Бой в Баганис-Айруме

И. Стаднюк: деформация истины о войне

Л. Троцкий и репрессии в армии

С НОВЫМ ГОДОМ !

На боевом посту

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК
МВД СССР**

12'90

Издается с 1958 г.

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.
Редакционная коллегия:
В. В. АСТАШИН,
В. В. БАРСУКОВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный секретарь),
Ю. В. ДУРНЕВ,
Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,
А. П. КОТЛЯРОВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Г. А. МАЛЮШКИН,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Ю. Л. РАЖЕВ
(зам. главного редактора),
А. С. СОКК,
П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ
(зам. главного редактора),
В. А. ШОШИН.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ: лейтенант Олег
Черная после боя в Баганис-
Айруме (публикацию об этом
читайте в номере).

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

1991				
	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	
Пн	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	Пн
Вт	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	Вт
Ср	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	Ср
Чт	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	Чт
Пт	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	Пт
Сб	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	Сб
Вс	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31	Вс
	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ	
Пн	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	Пн
Вт	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	Вт
Ср	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	Ср
Чт	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	Чт
Пт	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	Пт
Сб	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	Сб
Вс	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	Вс
	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	
Пн	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	Пн
Вт	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	Вт
Ср	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	Ср
Чт	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	Чт
Пт	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	Пт
Сб	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	Сб
Вс	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	Вс
	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ	
Пн	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	Пн
Вт	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	Вт
Ср	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	Ср
Чт	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	Чт
Пт	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	Пт
Сб	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	Сб
Вс	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	Вс

Фото Б. ПОПОВА.

„ВЗВОД
ЗАРЫВАЛСЯ
В ОБЛАКА...“

Даром, что ли, наших спецназовцев в войсках окрестили скитальцами. Еще вчера «красный десант» нес службу на улицах города, в котором распоясались экстремисты, а сегодня уже оседлал перевал. Увы, горы—это не только завораживающее великолепие заснеженных вершин, это и искусно замаскированные базы боевиков, и тайники с оружием. Отсюда—и специфика боевых задач. Причем никаких скидок на особые условия не делается, подчиненные подполковника Анатолия Додина прекрасно знают об этом. Все—по максимуму. Выход один—учеба до седьмого пота.

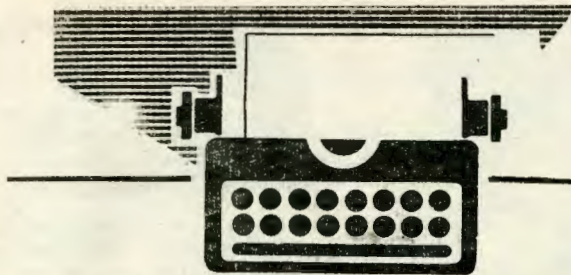

ОНА

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами — с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ.

Кому выгодно расшатать армию?

Не без помощи псевдодемократов, радикалов разных уклонов усугубляется положение в экономике. Разваливаются внутриэкономические связи не только между предприятиями, но и между регионами, республиками. А демократы по-прежнему твердят, мол, виновата командно-бюрократическая система, которая давно уже разрушена. Вместо старых форм и методов управления экономикой ничего радикального не предложив, закройщики из антиперестроечных сил активно взялись за армию.

Их несколько не смущает, что делают это они грязными способами, по принципу «чем гуще ложь, тем лучше». Но кому лучше! Простым смертным, чьи дети завтра должны стать в армейский строй! Отнюдь. Кроме новых переживаний матери — ткачихи, матери — колхозницы, но не матери — кооператорши, не матери — новоявленной миллионерши [за деньги всунут любимое чадо в престижные вузы, а студенты не призываются] — это ничего не дает.

Речи такого новорожденного политика, как Виталий Уражцев, например, почему-то представляющего всюду публицистом, хотя к этой профессии он причастен настолько, насколько близок к космонавтике, — похожи на заигранную пластинку. Набор антивоенных фраз, штампов, призывов. А под конец: «Язова под суд!», «Да здравствует профессиональная армия!» Под улюлюканье таких же дилетантов, как и он сам, под восторженные крики обманутых солдатских матерей. Чем не герой!!

На лене митинговой демократии подобных Уражцеву оказалось немало. Тут и экс-генерал КГБ Калугин, и не то моряк, не то летчик, только что уволенный в запас, майор Лопатин. И хотя все они — бывшие при погонах, но объединяет их неприкрытая неприязнь к армии, КГБ, явный антисоветизм, подогретый на всем антикоммунистическом. Хорошую отповедь этим прорабам развала армии дал недавно в «Советской России» капитан 1 ранга А. Бобраков в своей статье «Заговор диле-

тантов»: «...Существующая армия ни по составу и структуре своей, ни по личным качествам, а главное с тем офицерским корпусом, который был воспитан Коммунистической партией, этим силам не нужна, не нужна по существу и военная реформа. Не нужна им армия граждан, армия патриотов, честь имеющих! Не зря ведь острие удара по армии направлено против офицеров».

К сожалению, такой смелости сегодня не хватает многим средствам массовой информации. В то же время «Молодежный канал» Всесоюзного радио, начиная с утра поливать армию, пытается противопоставить солдатам их командиров, особенно генералов. Центральное телевидение в лице разухабистых комментаторов-депутатов из «Взгляда» ни в чем им не уступает в своей агрессивности к военным, чья социальная защищенность сегодня, кстати, низка как никогда.

Достаётся сейчас и внутренним войскам. Целенаправленно льют на них ушаты лжи и клеветы многие издания в Молдове. Причина: видите ли, они не потопили в крови в октябре—ноябре, как этого хотелось бы экстремистским лидерам народного фронта, Гагаузскую республику, а затем заняли твердую позицию гаранта мира и спокойствия.

В этот трудный час 13 ноября 1990 года Президент страны М. С. Горбачев встретился с депутатами в погонах. Он еще раз подтвердил, что государство, народ нуждаются в сильной армии и никому не будет дозволено ее расшатать.

Президент высказался против каких бы то ни было спекуляций относительно военного переворота, попыток обвинить армию в том, что она вынашивает злоеющие планы. Касаясь появившихся в некоторых республиках устремлений иметь собственные армии, М. С. Горбачев заявил, что в этом больше политических игр, чем признания реальности.

Итак, Президент заявил о своей поддержке армии. Но остановит ли это крикунов и очернителей? Время покажет. Народ ведь понимает, кто есть кто.

БОИ

Подполковник Б. КАРПОВ,
маш. спецкор.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

в Баганис-Айруме

ЭТО БЫЛ ЖЕСТОКИЙ БОЙ. За три года армяно-азербайджанского конфликта много раз случались перестрелки, обстрелы постов, нарядов, застав, мирных сел. Были нападения боевиков на военнослужащих и жителей сопредельной стороны. Бандиты захватывали заложников, угоняли скот.

Но то, что произошло в августе 90-го в азербайджанском селе Баганис-Айрум, с трудом вписывается в деликатно-сдержанное, дипломатичное понятие «международный конфликт». Конфликт — это нечто вроде соседской или семейной ссоры. В Баганис-Айруме был настоящий бой. Армянские боевики, числом до двух сотен, наступали при поддержке артиллерии, гранатометов. Застава из шестнадцати воинов внутренних войск, вооруженных стрелковым оружием, встала на пути бандитов. Солдаты имели приказ — охранять и оборонять мирное село, которое еще в марте подверглось варварскому нападению. Тогда боевики убили нескольких жителей, в том числе стариков, двухмесячного младенца, сожгли дома. Чтобы такого не повторилось, в селе расположилась застава.

Еще не успели предать земле тело погибшего в том бою офицера, еще не высохла на сельской пыльной дороге кровь вероломных бандитов, а средства массовой информации выдавали скороспелые версии случившегося.

В частности, 21 августа в газете «Известия» под заголовком «Обстановка обострилась» было опубликовано сообщение С. Баблумяна из Еревана [1], где утверждалось, что поводом для вооруженного нападения 19, 20 августа на мирных жителей ряда сел Казахского района Азербайджанской ССР, в результате которого имеются погибшие и раненые, якобы «стал захват армянских заложников вблизи села Воскепар Ноемберянского района Армении».

Прокуратура Азербайджанской ССР заявила, что «это не соответствует действительности и общественность страны дезинформируется».

В сообщении МВД Армении, опубликованном в газете «Голос Армении» (бывшая газета «Коммунист»), о разбойном нападении на азербайджанские села, естественно, умалчивается. Зато богатую пищу для досужих рассуждений представляют собой строки: «В конце второй декады августа с. г. резко обострилась обстановка на приграничной территории Ноемберянского района республики. Вследствие обстрела сел Воскепар и Баганис 19, 20 и 21 августа погибли 5 и ранены 25 жителей Армении».

НАКАНУНЕ: ФИДАИНЫ ОТПРАВИЛИСЬ В ПУТЬ

Два жителя Армении были угрюмы и сосредоточены — они ехали в сторону границы. «Пятерка» цвета «белой ночи» послушна, как любовница, ждущая ласк сильного мужчины. Фидаин слился с машиной, руки прочно лежали на баранке, взгляд, устремленный на вьющуюся змейкой горную дорогу, был недвижим, тяжел и темен. В нем холодная пустота автоматного дула. Фидаин вспомнил, как зачем-то заглядывал поочередно в стволы всех пяти автоматов, прежде чем уложить их в багажник. Словно хотел заглянуть в глаза чьей-то смерти. Чьей? Какого-нибудь милиционера, если рыпнется не по делу? Мусульманина с той стороны? Или русского солдата-взвешника: их заставы сейчас словно бельмо в глазу?

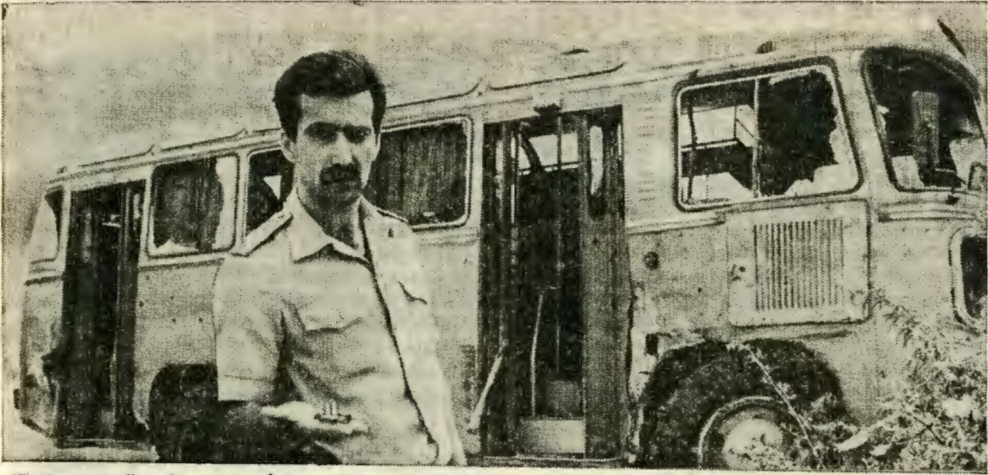
Теперь не время рассуждать. Фидаин вступил в «Легион независимости», получает деньги за ежеминутный риск и противный липкий страх. Самого могут убить. Запросто. На кого нарвешься. Это своя милиция — лапки вверх и сдает оружие, только не бей. А солдаты? В мае на вокзале их караул хотели разоружить, глупо действовали. И получили — шестерых взвешники на месте положили.

Да черт с ней, с этой проклятой жизнью! По крайней мере хоть умрешь мужчиной, героем национальным. Про детей вряд ли кто вспомнит — кругом разор, неразбериха. После землетрясения опомниться не успели, отплакать по родне, а тут — война за Великую Армению. Похоже, это надолго. Вон в «бардачке» лежит вчерашняя газета — там черным по белому написано: «Наша борьба на пути от осуществления в Армении суверенитета до создания Свободной и Независимой Армении будет длительной и трудной». Это заявляет революционная партия Дашнакцютюн, руководствуясь своим вековым опытом вооруженной национально-освободительной борьбы. Ему это крепко запомнилось — про «вековой опыт вооруженной борьбы».

У него, бойца отряда № 28 Армянской национальной армии, такого опыта еще нет. Он отправился сегодня на первое свое серьезное задание и полон решимости, не преклонности, азарта. Ребята, побывавшие в переделках, поговаривают: сделал дело — гуляй смело. И гуляют ведь, да еще как.

НА СНИМКАХ: участники боя в селе Баганис-Айрум — командир взвода внутренних войск лейтенант Олег Чернай, командир мотострелковой роты Советской Армии капитан Алексей Скобелев, рядовой Замир Хашев; здание сельского клуба, подвергшееся обстрелу градобойных пушек.

■ Старший лейтенант Александр Владимирович Липатов погиб 20 августа 1990 года, защищая азербайджанское село. На месте боя осталась обгоревшая фотография, сделанная в день принятия молодыми солдатами военной присяги (А. Липатов — крайний слева).

■ Самодельный миномет боевиков, изъятый на территории НКАО.

■ Здесь разворачивались основные события.

■ Автобус с мирными жителями подвергся варварскому обстрелу, погибли люди.

■ Майор Станислав Борисович Данилов и капитан Тагир Ниязович Абдулов самоотверженно действовали в бою.

Но прежде нужно сделать дело. Частично задание уже выполнили — передали оружие в другой отряд, в Туманянском районе. Но это ведь даже не полдела, а так — малая толика. Пока на своей территории, нечего опасаться. Вот подъедем к мусульманам — там держи ухо востро, их, турков, солдаты охраняют.

Ничего, прорвемся! Есть автомат, пистолет, три гранаты, патронов вдоволь. Командир приказал во что бы то ни стало разведать КПП и заставы военных. Если не удастся по-тихому, то проведем разведку боем. Если пару турков шлепнем — все в актив пойдет. Эх, «пятерочка» классно идет, словно джейран. Авось вынесет, случись что. Погоня со стрельбой — это все-таки лучше, чем нелепая смерть от собственной бомбы.

Вспомнилось лицо парня в траурной рамке на листовке, которая ходила по рукам в отряде. Кажется, Эдиком его звали, того парня, что взорвался. Его еще сравнивали с Христофором Микаеляном, основателем дашнакской партии. Тот ведь тоже взлетел на воздух от собственной «адской машины», в девятьсот пятом. История повторяется. «Бессмертие он выбрал сам» — так было написано в листовке. Эх, лучше не думать об этом.

Скоро Баганис-Айрум, Азербайджан. Если село проскочим, то совсем рядом наш, армянский, Баганис. Там крепкий кулак, там мы вне опасности, там отдохнем. Но в Баганис-Айруме застава. Солдат поставили после мартовских дел. Фиданьи из другого отряда там серьезно поработали — дома пожгли, трупов наделали, все село почти разбежалось. Азеры теперь злые.

Ничего — проскочим! Местная милиция, наверное, виноград охраняет. А солдатам все, конечно, осточертело, расслабились, виноград жрут, зубы им заговорим.

Что-то тучи ходят над перевалами. Может, это и к лучшему. Как там фильм назывался — «И дождь смывает все следы»?

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ: ВЕРОЛОМСТВО

Дождь начался к вечеру, часов в семнадцать. Стрельба поутихла, и рядовой Алексей Криворотов в очередной раз решил пересчитать оставшиеся патроны. Отсоединил магазин, выщелкал на ладонь весь свой боезапас: раз, два, три, четыре, пять... Мало. Надо было стрелять поэкономней. Не получилось. Всегда казалось, что полный рожок — это очень много. На стрельбище ведь патроны только под расписку, по строгому счету. Сэкономил пару тройку патронов на упражнении — будь любезен, сдай. Да еще гильзы после собери. У реально боя, оказывается, другие мерки: плотность огня поддерживать, то-

варища прикрыть, не дать этим сволочам близко подойти. И оставить еще на всякий случай, на крайний. Алексей раздумывал — сколько из пяти патронов оставить в энзе, и будет ли он — этот крайний случай.

Мысли прервал рокот мотора — бэтээр подвез кого-то к заставе. Не комбат ли приехал? Точно, он! С ним еще капитан Абдулов, старший лейтенант Липатов! Теперь не пропадем! Наверняка патронов подвезли, гранат. Живем! Вот только вымок весь, да еще курить охота — прямо страсть. Целый день ведь в окопе.

«Эй, Леха, держи гостинец!» — в рыжую грязь шлепнулись тяжелые, готовые разродиться смертью магазины. Алексей отер их рукавом, вынул верхние патроны, измазанные глиной. Огляделся, хотя и без того знал, что в этой сырой и грязной яме нет ни быллинки, ни тряпицы. Недолго думая, вачисто облизал патроны и вставил их на место — теперь не заклинит.

«Без предупреждения оружие применяется только в случаях: ... — нападения с использованием боевой техники, транспортных средств...»

Из памятки воину внутренних войск в районе чрезвычайного положения.

Потом к нему прилетела плащ-палатка. И хоть успел он уже вымокнуть до нитки, зобота товарищей согрела душу. Сметнув, что тылы обеспечены надежно, Алексей позволил себе чуток расслабиться, насколько позволяли тесноватый окопчик и постреливавшие время от времени боевики. Не теряя готовности продолжать бой, Криворотов еще раз мысленно прокрутил его начало. Сделал это не потому, что боялся забыть какие-то детали, а затем, чтобы предугадать, насколько это возможно, дальнейший ход...

Обстановка в приграничных селах нагнеталась стремительно. На днях в Баганис-Айруме взяли боевика. Вообще-то их было двое, когда на КПП остановили белые «Жигули». Оба враз открыли огонь. Пассажир из этой «пятерки» ушел по-гангстерски ловко. Прикрываясь ребенком, вскочил в проходивший армянский автобус и — ходу. Знал, что стрелять по автобусу не станут. А в нескольких минутах езды — «независимая суверенная Армения», там ишисвици. Зато водителя взяли при оружии, гранатах, патронах. В общем, факт преступления налицо: бандитизм, нападение на комендантский пост, говорят, и машина кра-

деная, без номеров. А раз фиданн на азербайджанской стороне попался, жди в ответ мести, вылазок, ультиматумов.

Так и получилось. Сегодня утром бандиты обстреляли рейсовый автобус «Казах—Юхары Аскипара», убили азербайджанского милиционера, женщину из числа пассажиров. А этот Баганис-Айрум для боевиков, что кость в горле — мешает свободно курсировать между армянскими селами Воскепар и Баганис. Иначе говоря, не прочь они «спрямить» границу. За счет азербайджанской территории, естественно.

«...Они по большому фронту вели наступление. С какой целью? Может, самоутвердиться. Не знаю... Это были хорошо обученные люди — поверьте мне, военному человеку».

Из разговора с майором С. Даниловым.

Словом, дремать тут нельзя никак, сутки напролет ушки на макушке. И хорошо еще, что начальник заставы лейтенант Чернай не давал расслабляться: и теорию, и практику преподавал ускоренным курсом, словно предчувствуя «веселые» дела. Посты наблюдения расставили, окопчики отрыли, боеприпасы распределили. После той белой «пятерки» машин на дороге совсем мало стало. Все поговаривали — затишье перед бурей.

Часов около десяти появился КамАЗ. Солдаты действуют, как учили — со скрытых постов наблюдения держат под прицелом колеса, кабину. Начальник КПП рядовой Алексей Санников направляется к машине, чтобы проверить документы. Оттуда — очередь. И грянул бой...

К вероломству боевиков успели привыкнуть, если вообще можно привыкнуть к вероломству. Огонь на поражение ребята вели метко — сбив шлагбаум, КамАЗ проехал сотню метров и застыл на обочине. Пассажир, отстреливаясь из автомата, ушел к своим. Те уже вели по КПП автоматный огонь с двух направлений, огонь столь плотный, что головы нельзя было поднять. Но ни растерянности, ни мандража ни у кого не было. Ефрейтор Александр Михайлов отогнал в сторону КамАЗ, в кабине которого оставался раненый водитель. Армяни, на затащили в будку из листового железа, на КПП, положили на стол. Рядовой Замир Хашев разодрал свою, еще чью-то майку, стал перевязывать. Пули попали боевику в плечо, ногу, спину. Худо ему было, лежал в отключке. Но он стрелял первым.

Хашев его перевязывает, а по железу пули чиркают — будка та-наквасъ простреливалась.

У наших в первые минуты боя был ранен в ногу сержант Евгений Нелюбиц, Хашев и его из-под огня вытащил. С самого каску сшибли, а он только глазами сверкает — имя-то у него интересное, Замир, а вот воевать пришлось. Ремнем перетянул ногу Нелюбину и снова к своему отделению. Огонь все сильнее. Основные наши силы были в двух домах, еще несколько человек — в окопах на постах наблюдения. Боевики всех наших давно вычислили — по окопам били снайперы, не давая головы поднять, а вот два дома... В верхнем, где располагалась застава, боем руководил лейтенант Олег Чернай. В нижнем оборонялся с ребятами Замир Хашев. По этим двум целям боевики стали стрелять из гранатометов и гранатометов. В верхнем доме снарядом снесло угол, нижний после прямого попадания развалился полностью. За несколько мгновений до этого рядовой Хашев, действовавший за командира отделения, командовал: «Все! Уходим!»

Ночь прошла тихо. На заставе, соблюдая строгую светомаскировку, разожгли костерок, подогрели консервы. Просушиться возможности не было, а в мокрой одежде какой сон? Так, прикорнули солдаты часок и вновь на посты наблюдения, меняя друг дружку. Присутствия духа с первых минут боя не теряли, а с прибытием командира и вовсе окрылились. Патроны теперь есть, гранатомет появился, тяжелые «бронники» еще днем подвез с соседней заставы лейтенант Олег Семенов, услышавший раскаты боя и над перевалами, и в эфире.

Многие высказывали мнение, что боевики на следующий день бой не станут продолжать: показали, мол, зубы, по зубам же и получили — чего им еще? Но ведь как говорят: хочешь мира — готовься к войне. Поэтому, когда лейтенант Чернай сказал рядовому Криворотову: «Ты уже повоевал, опытный, готовь окоп толковый», Алексей взялся за дело всерьез. Сделал все по уму — полочки для боеприпасов, бруствер камнями выложил. Спокойно и грамотно солдат готовился к продолжению боя.

ДЕНЬ ВТОРОЙ: БРАТСТВО НА КРОВИ

Майор Станислав Данилов — человек хладнокровный и не суетный. Ничем не выказал он утром душевное смятение и страх за своих солдат. Утром он увидел три пушки, прямой наводкой нацеленные на заставу. Наблюдая за действиями боевиков, успел отметить их сноровку, выучку, откровенную, вызывающую наглость. На той стороне, в Баганисе, командовал человек

в камуфлированной форме. КраЗы вывезли на позицию градобойные орудия, поставили их, синхронно развернувшись, словно на параде. Когда пушки уже расчехлялись, майор Данилов дал команду отходить.

Сегодня рубеж обороны проходил у самой дороги, в центре села. Часть воинов засела в здании клуба, другие — в окопе напротив. Сразу выяснилось, что напрасно подозревали военные в армянских боевиках остатки благоразумия и человечности. Бандиты решили идти ва-банк, поставив на карту и свои, и чужие жизни.

После солидной артподготовки — командир мотострелковой роты капитан Алексей Скобелев потом скажет, что насчитал восемнадцать дымов, — на дороге появились КраЗы с поднятыми кузовами. Под их прикрытием шла пехота, стреляя из автоматов и винтовок.

«Во время боя страшно не было. Почему! Не могу объяснить. Азарт боя — есть такое понятие. Прежде я такого не испытывал. Все смотрел — где товарищи, все ли живы...»

Из разговора с рядовым Е. Цоем.

Шквальный огонь не давал возможности вести наблюдение из окопа. В здании же обзор ограниченный. Всю обстановку докладывал старший лейтенант Александр Липатов. Сам разрядник по стрельбе, он вел огонь то из автомата, то из снайперской винтовки, сообщая при этом: «Есть один! Еще! Третий! Не подпускаю... Стреляю по колесам... Снайпер сверху, в саду...»

Передний КраЗ остановили выстрелом гранатомета. Боевики стали отходить вверх по дороге, подбирая раненых и огрызаясь очередями.

Одно из орудий поставили совсем близко, чтобы бить из него прямой наводкой. И в то же время достаточно далеко, чтобы военные не могли достать из ручного гранатомета. В этот момент пуля обожгла бок майора Данилова, пройдя у самого срезе бронезилов. В этот момент капитан Тагир Абдулов решил на всякий случай сжечь свой служебный блокнот. В этот момент лейтенант Олег Черная проверил, на месте ли капсула из-под валидола, где вместо таблеток — автоматная «пилюлина» калибром 7,62.

В этот момент сержант Степан Якимов крикнул: «Командира убили!» Алексей Криворотов успел подумать: «Как командира? Вон комбат, живой, ранен только». Два

бэтэра притерлись чуть не вплотную к зданию. Капитан Абдулов кричит Криворотову из окна: «Уходи! Возьми патроны у Липатова!»

Алексей взял магазин, он оказался пустым. Секунду смотрел на Липатова. Лежит спокойно. Мертвый человек. Алексей Криворотов часто бывал на похоронах.

Капитан Советской Армии кричит: «Давай в бэтээр!»

До нижнего люка было каких-то два метра. Солдаты видели, как боевики то и дело промеряют эти двести сантиметров автоматными очередями, как ровнехонько на этой линии ложатся пули снайпера. Солдаты видели смертельную для себя опасность. И пробежали эти два метра, потому что другого пути к спасению уже не было.

Спасителем своим они справедливо считают того самого армейского капитана. Побратались с ним, как говорится, на крови. Сутки спустя на место боя приехал командующий внутренними войсками МВД СССР генерал-полковник Ю. В. Шаталин. Ему представили храброго капитана. Узнав его фамилию, генерал воскликнул: «Скобелев?! Так мы ж с твоим отцом в Афганистане воевали, он у меня начальником штаба был. Вот так встречай! А ты, значит, тут вместе с нашими бой вел?»

Боевой офицер капитан Алексей Евгеньевич Скобелев будет представлен к боевому ордену. Не боясь сглазить, его авансом поздравили. Сглазу он не боится.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА И ЭПИТАФИИ: ТЕЧЕТ РЕКА ВОЛГА

Не боится сглазу и капитан Владимир Алексеевич Демьянчик. Человек без комплексов и предрассудков, он вступил в должность, которую до него занимали сначала капитан Сергей Осетров, потом капитан Александр Липатов (да, именно капитан, хоть и сам он считал себя старшим лейтенантом — приказ о присвоении воинского звания был подписан 16 августа, за четыре дня до гибели, и объявить его просто не успели).

Оба ЗНШ стали жертвами кровавой закавказской междоусобицы. Осетров и трое его солдат пропали без вести в бою с азербайджанскими экстремистами в январе, Липатова убил армянский снайпер-боевик в августе. Во имя чего гибнут сильные красивые мужчины, оставляя в России вдов и сирот?

Александр Липатов по национальности чуваш, родом из деревни Убейкино Исакинского района Куйбышевской области. И военное училище выбирал он на Волге — Саратовское высшее военное командное училище имени Ф. Дзержинского.

Во время последнего отпуска попросил сестру о том, что болью легло ей на душу: «Если со мной что случится — похороните рядом с отцом». «Да бог с тобой, Саша!» — только и промолвила в ответ.

Последнюю волю его исполнили. Все село не ложилось спать, ожидая погибшего земляка. Командир части рассудил правильно, послав в скорбный рейс «черного тюльпана» тех, кто был рядом с Липатовым в бою: иркутянина сержанта Степана Якимова, кировчанина рядового Алексея Кондратьева, москвичей рядовых Алексея Криворотова и Евгения Цоя. Пусть не из газет узнают родные и близкие о жизни и смерти храброго воина. Пусть помнят и гордятся.

О памяти и гордости говорил и командующий внутренними войсками МВД СССР генерал-полковник Ю. В. Шаталин, когда проводил совещание с командованием частей, выполняющих задачи в районе чрезвычайного положения. Казалось бы, совсем недавно отпыхали для советских солдат афганские фронтовые зарницы, а сотни и сотни имен и судеб уже опять приходится возвращать издалека, словно из забытья. Теперь гибнут наши боевые товарищи в огне межнационального конфликта. Гибнут на войне. Гибнут в бою. Гибнут как герои.

Так пусть же воздастся им как героям. В части, переживающей период сложного становления, принимавшей участие в боевых операциях в районе ЧП, боевые традиции скреплены кровью. Художники пишут портреты тех, кто не вернулся из боя. Капитан С. Осетров, ефрейтор А. Мороз, рядовые А. Прижимкин и В. Федотов награждены орденами Красной Звезды. Представлены к наградам самые храбрые участники боя в Баганис-Айруме.

Не имеем мы права забыть о семьях наших павших товарищей. Погиб офицер Липатов, защищая азербайджанское село, благодарный народ всем миром решил помочь семье: деньги собирали сотрудники Казахского РОВД, УВД города Гянджи, однополчане. Но всегда ли вдова с малолетними детьми имеет средства, чтобы не влачить жалкое существование? Всегда ли помогают ей получить жилье или перебраться к родным? Убитые горем женщины вряд ли сами пойдут хлопотать и о приличествующем павшему воину надгробии. Это хорошо, что издан Указ Президента СССР о социальной защищенности военнослужащих. Но одно дело — Указ издать, и совсем иное — его выполнять пунктуально и неукоснительно. Ведь если бы стал законом для всех Указ о разоружении незаконных военных формирований, то, может быть, не отправился бы в свой рискованный рейд тот фиданн на «Жигулях» цвета «белой ночи», не прицелился бы коварный снайпер в голову Александра Липатова, не грянул бы страшный бой в Баганис-Айруме.

Туда, в это прежде живописное, а ныне обезлюдившее село мы приехали вместе с участниками боя и теми, кто накануне там не был. Еще лежала в окопе каска Липатова, а на белых камнях бруствера темнели ручейки его крови, которую впитывала азербайджанская земля. Безобразно ощерившись развороченным двигателем, громоздился на обочине дороги подбитый лейтенантом Николаем Ягуновым КраАЗ. Дорога ведет к армянскому Баганису — туда и отступали боевики: вдоль плетня рассыпаны гильзы от СВД, автоматов калибра 7,62 и 5,45, там и сям проступают пятна крови граждан «независимой Армении», провозглашенной всего-то спустя два дня после боя в Баганис-Айруме.

А еще через несколько дней в Армении будет введено чрезвычайное положение — терпеть бесчинства всякого рода вооруженных бандитов стало немыготу.

И снова повисли вопросы, на которые никто не может дать ответы: когда образуются воинствующие? все ли сдадут оружие? сколько продлится опасное противостояние?

«К утру 22 августа обстановка в Казахском районе несколько стабилизировалась. Ослаблению напряженности способствовали ответные меры внутренних войск МВД СССР...»

Из газет.

Виноград в этих местах отменный. Бесконечные, до горизонта, шпалеры, которые военные называют на афганский манер «зеленой», окружены горами. Горы заслоняют от холодных ветров. За каменные вершины цепляются тучи, и приходится гадать: то ли благодатная влага из них прольется, то ли беспощадный град ударит.

Еще до пресловутой конверсии здешние виноградари получили в свое распоряжение самую настоящую артиллерию — 100-миллиметровые зенитные пушки. Из них расстреливали черные тучи, защищая будущий урожай.

Настали смутные времена. Недобрые люди нацелили пушки на мирные села. Спасать урожай для многих нынче не главное. Жизнь спасти бы! Детей своих, стариков.

Лежат в руинах села. Горят сады и виноградники. Прибавляется могил и в азербайджанских селах, и в армянских. А после боя в Баганис-Айруме стало одной могилкой больше и в далеком от этих мест селе, где течет река Волга.

«Кому бесславье, а кому бессмертие...»

...За совершенный подвиг Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1989 года рядовой **ВАЛЬКОВ С. Б.** награжден орденом «За личное мужество» (посмертно).

ПРИКАЗЫВАЮ:

За проявленное мужество и самоотверженность при исполнении служебного долга зачислить навечно в списки личного состава части рядового **ВАЛЬКОВА Сергея Борисовича.**

Из приказа министра внутренних дел СССР.

П РОШЛОЙ осенью рядовой Сергей Вальков должен был вернуться домой, в Ленинград, на Васильевский остров. Сергей уже представлял тот день, когда он проедет по своему острову на синем троллейбусе, разбрызгивающем лужи с плавающими в них золотыми листьями, помахивая «дембельским» чемоданчиком, вбежит во двор дома номер сорок восемь на Среднем проспекте, перепрыгивая через ступеньки, замрет у старой, много раз крашенной двери, нажмет кнопку звонка и...

Но ничему этому не суждено было сбыться. Как оказалось, уходя на службу, Сергей покинул свой остров навсегда.

Официальная информация о чрезвычайном происшествии гласила: «В караульное помещение временного объекта по преступной халатности начальника караула сержанта Ю.Юрковичуса проник осужденный и завладел автоматом с патронами. На его пути встал безоружный рядовой Вальков. Между преступником и солдатом завязалась схватка...»

Да, все так и было. В первое мгновение Сергею удалось выхватить автомат из рук преступника. Но тут он допустил ошибку, которую на его месте допустил бы, наверно, любой человек. Сергей, видимо, посчитал, что, обезоруженный, противник должен признать свое поражение и сдаться. Вальков до армии занимался борьбой, в его сознании прочно укоренился кодекс спортивной чести, согласно которому поверженного противника не бьют. Словом, он расслабился, и тут же был за это наказан, так как логика

поведения преступника далека от джентльменской. Воспользовавшись заминкой, бандит зверем бросился на солдата.

И тут мы должны признать слабость нашей контрпропагандистской работы. Она ведется у нас зачастую, так сказать, в мировом масштабе, когда ближайшим врагом изображается незримый для нас блок НАТО. А между тем находящиеся под охраной отпетые рецидивисты нападают на караулы, убивают солдат, терроризируют заложников.

Возможным это становится чаще всего из-за поразительной беспечности и моральной неподготовленности караульных и часовых.

Дерзкий побег осужденного Отса, о котором идет речь, не был результатом спонтанного решения преступника. Ему предшествовала длительная подготовка, оставшаяся незамеченной караулом из-за беспечности. Это видно по показаниям осужденных, работавших вместе с Отсом, да и сам он был достаточно откровенен.

Из объяснительной записки осужденного И. Берсалухаева: «...Отс каждый день сидел на штабеле у караульного помещения и жег костер. В последнее время он отдалился от бригады, а раньше всегда был с бригадой...»

Штабель, на котором преступник устроил себе наблюдательный пункт, был сложен всего в трех-четыре (!) метрах от проволочного ограждения, однако никто из состава караула, да и из проверяющих на своеобразный НП не обратил внимания. Это и позволило Отсу спокойно изучить систему охраны и прилегающую к объекту местность, дожидаясь

подходящего момента для броска к оружию. Вот как он это описал сам: «...Конкретного плана побега у меня не было. Я увидел, что начальник караула ушел в лес без автомата. Прошло некоторое время, и за ним ушел караульный без автомата и подсумка — я это точно видел. У костра возле караульного помещения сидел один караульный без автомата. Я пошел до фляги попить воды, она находилась в двух метрах от колодезьной проволоки. Я попил воды, одновременно обращая внимание на часового, находившегося от меня справа. Он в это время смотрел на вышку соседнего часового...»

Комментировать показания Отса нет нужды. Они говорят сами за себя. Халатность — от мелкой до преступной — на каждом шагу. И при этом чуть ли не в каждом караульном помещении аршинными буквами выведено: «Пост свят — помни это, солдат». Какая тут святость?! Очередная абстракция из области декоративно-оформительского искусства, не имеющая ничего общего с практикой. Печально, но и устав для многих остается лишь теоретическим пособием для получения положительной оценки на итоговых занятиях. А в результате нет-нет да и приходится читать о героизме, ставшем следствием чьей-то беспечности, гольотапства, безответственности... Как в данном случае: двое караульных, в том числе начальник караула, поправ чувство долга, требования присяги и уставов, отправились за малиной, а третий за их преступную халатность расплатился жизнью.

...Подсумок с магазинами остался в руках преступника, и тот, зная, что автомат не заряжен, бросился на солдата, со всей силы ударил его ногой в живот и, выхватив оружие, нанес колющий удар стволом в лицо. Компенсатором он выбил Сергею глаз, а мушкой до кости рассек бровь. От этого удара Сергей упал и на несколько секунд потерял сознание. Прядя в себя, он увидел преступника, прячущегося за дверным косяком и заряжающего автомат...

Вот на этот момент я хочу обратить особое внимание. Именно он является моментом подвига. Здесь у рядового Валькова была возможность сохранить свою жизнь. Его никто, пожалуй, не упрекнул бы, если бы он, раненный, остался на месте, не предпринял бы попытки задержать рецидивиста.

Собирая материал для очерка, я встречался со многими людьми, знавшими Сергея, как в подразделении, так и вне. Все они утверждали, что Сергей Вальков не мог пожалеть себя, зная, что вооруженный преступник сейчас нападет на его товарищей.

...Сергей бросился вперед и схватил своего врага за ногу, стремясь повалить. Но тот устоял и выстрелил в солдата.

Когда военрук ленинградского ПТУ № 29 подполковник запаса В. Варбалюк прочитал своим ученикам заметку о под-

виге выпускника училища Сергея Валькова, один мальчишка спросил:

— Зачем же он безоружный бросился на вооруженного уголовника? Пусть бы того задержали солдаты, стоявшие на постах с автоматами.

Мальчишка понять можно: им руководили эмоции, чувство боли за погибшего солдата и, увы, запоздалое желание Сергею другой судьбы. Но, к сожалению, время вспять не повернешь. И сменившему Валькова за партией пареньку еще предстоит познать чувство долга, способное управлять действиями человека в любых ситуациях.

Когда Сергей шагнул навстречу преступнику, за спиной у него были его товарищи, жители поселка, пассажиры речного катера, который, возможно, попытался бы захватить беглеца, чтобы подалеже уйти от преследования. В ту минуту Сережа не думал о том, что товарищи его вооружены, а сам он безоружен. Он видел, что им грозит опасность, и этого было достаточно, чтобы принять именно то решение, которое он принял... Да, Вальков не был последним, кто мог остановить преступника, но он оказался первым и счел своим долгом предпринять все для того, чтобы больше ничья жизнь не подверглась опасности. Пусть ему не удалось одолеть бандита, но подвиг — категория прежде всего морально-нравственная, а тут он ничем не поступился — сделал все что смог.

Даже будучи раненным пулями в бедро и в живот, Сергей продолжал выполнять то, что считал своим долгом и не мог переложить на плечи товарищей. Усилим волю заставив себя добраться до пирамиды с оружием, зарядить автомат, вернуться к двери. Но здесь, на пороге, силы оставили его...

...Часовой ближайшего к караульному помещению поста рядовой Куаныш Жекмурзанов оглянувшись на караульное помещение, увидел окровавленного Сергея Валькова, прыгнул с вышки и, как ему и положено было по боевому расчету, устремился за беглецом.

Тут из оврага выскочил начальник караула и побежал вооружаться. Зарядив автомат, Юржавичус на преследование, однако, не пошел, послал в погоню подоспевших ефрейтора Нуржана Ержанова и рядового Аскара Атембаева. Согласно боевому расчету, он поступил зряне. А по совести? Ведь это начальник караула оказался по сути дела главным виновником случившегося. Естественным было ожидать, что, движимый чувством неискупимой вины перед израненным товарищем, он пойдет навстречу опасности. Не по документу, а по долгу чести... Впрочем, о чем это? Какая честь у командира, бросившего подчиненных на произвол судьбы?! Все логично: неспособный вести за собой посылает вместо себя.

Тем не менее было бы несправедливо всю вину за случившееся взвалить только на плечи сержанта Юржавичуса. Его уход со службы стал возможным не

только потому, что контроль за ней осуществлялся формально: проверяющие приходили в караул строго по графику, в строго определенное время и только, хотя до подразделения и штаба батальона — метров сто пятьдесят. Причины тут гораздо глубже. Их можно обнаружить во многих подразделениях, ибо речь идет о забвении таких общечеловеческих ценностей, как достоинство, честь, отвага и доблесть, товарищество, верность традициям, присяге и долгу, служение Отечеству. Прикиньте: часто ли обо всем этом ведется речь на различных мероприятиях, проводимых командирами, политработниками, партийными, комсомольскими организациями, всевозможными советами? Оказывается, не часто. Не в чести нынче все это, духовность и душевность задавлены казенщиной, формализмом, текучкой, бумаготворчеством. А если и прозвучит иногда слово о присяге, святости поста, его не слышат.

Всего лишь через несколько дней после траурного митинга, прощальных залпов над гробом рядового Валькова караул на машине, управляемой гражданским водителем, отклонился от установленного маршрута только потому, что шоферу понадобилось заехать домой по семейным делам. Меж тем начальнику караула, его помощникам накануне напоминали не раз: отклонения от маршрута чреваты тяжкими последствиями. Сегодня они не наступили, завтра может случиться непоправимое. Не помогло.

Еще пример. Караул, снаряженный от того самого подразделения, в котором служил Сергей Вальков, при проверке осужденных одного недосчитался. Прозвучал сигнал тревоги, для усиления охраны были выставлены часовые на дополнительные посты.

Через десять минут после объявления тревоги, мы с командиром батальона и начальником инженерной службы части шли вдоль проволочного ограждения. И здесь увидели одного из часовых дополнительных постов сидящим на нижнем бруске основного ограждения. Автомат лежал у него на коленях, а сам солдат крепко спал. Настолько крепко, что комбат лишь с третьего раза до него докричался.

Чем же пронять эту нерадивость? Как докричаться если не до совести, то хотя бы до здравого смысла и чувства самосохранения тех, кого даже смерть товарища оставила равнодушными?

Год назад, сразу после гибели Сергея Валькова, я с тревогой задавал вопрос: кто следующий? Сейчас, увы, можно назвать не одну фамилию военнослужащих, поплатившихся жизнью за свою или чужую беспечность. Поэтому я с тем же чувством острой тревоги, как удара, жду очередного ответа на вопрос, кто следующий? Ведь предпосылки чрезвычайных происшествий, обрекающих одних на бесславье, других на бессмертие вместо жизни, остаются.

Майор Б. БУЛГАКОВ.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

**ЗА ОТВАГУ И САООТВЕРЖЕННОСТЬ,
ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ,**

НАГРАЖДЕННЫ

орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

полковник ПЕТРОСЯН Лев Мурадович;
полковник САОСЬКИН Виктор Алексеевич;

орденом «ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ
В ООУРОЖЕННЫХ СИЛАХ СССР»
III степени

майор ДУДАРЕВ Виктор Константинович;

подполковник ЕНЯГИН Владимир Николаевич;

орденом «ЗА ЛИЧНОЕ МУЖЕСТВО»
капитан ЧЕРНЫШЕВ Валерий Александрович;
рядовой ЧИТАЕВ Рамазан Казиевич;

медалью «ЗА ОТВАГУ»

майор ПРОНИН Александр Михайлович;
старший лейтенант СУСЛОВ Игорь Николаевич;

медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»

старший лейтенант ВАСИН Владимир Петрович;
прапорщик ВНУКОВ Олег Борисович.

ПРИСВОЕНО

ОЧЕРЕДНОЕ ВОИНСКОЕ ЗВАНИЕ
ДОСРОЧНО

подполковник

майору ТИХОМИРОВУ Сергею Адольфовичу;

майор

капитану ЗАЙЦЕВУ Владимиру Алексеевичу;

капитану КАМАЛОВУ Ильдару Анваровичу;

капитан

старшему лейтенанту ЖАБИНСКОМУ Владимиру Михайловичу;
старшему лейтенанту ЖАРКОВУ Игорю Викторовичу.

244

На боевом посту

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ВОПРОС ПО СУЩЕСТВУ

НУЖНЫ ЛИ ВОЙСКАМ ЮРИСТЫ?

Служу в войсках двадцать четвертый год, имею высшее юридическое образование. Должен заметить, что эти две профессии — военного и юриста — у нас в роду потомственные вот уже несколько поколений. Однако в родных войсках совмещать их не представляется возможным — нет у нас, к сожалению, должности такой. А почему? Ведь ввели же в Советской

Армии должность помощника командира части по правовой работе. Мне лично кажется, что уж где-где, а во внутренних войсках такая должность просто необходима.

Хотелось бы знать: делается ли что-либо в этом плане у нас?

Майор В. КРЕМЯНСКИЙ.

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

ЖИЛЬЕ? НЕТ ПРОБЛЕМ!

В воинской части, где служит подполковник А. Матросов, все офицеры и прапорщики (за исключением тех, кто прослужил менее пяти лет) обеспечены благоустроенными квартирами. Городские власти — а это благодаря их участливому отношению к военным удалось успешно преодолеть жилищную проблему — отмечают, что за последние месяцы заметно возросла эффективность патрульно-постовой службы, которую выполняют солдаты порядка. За про-

шедший год войны подразделения задержали около трех тысяч правонарушителей, 17 преступников. При этом изъяли десять единиц огнестрельного оружия, а государству и гражданам возвращено большое количество похищенного имущества.

Что ж, все тут закономерно. Обретя нормальные жилищные условия, люди в погонах получили возможность все силы отдавать службе.

Майор В. КОРКОДЫМ.

ПОВТОРНЫЙ ЗАПРОС

СКОЛЬКО СТОИТ НЕПРИЯТНОСТЬ?

Отвечаем: 350 рублей. Ровно на столько обчислили прапорщика запаса Т. Синяеву при увольнении. Именно эта сумма плюс унизительные и безрезультатные хождения с протянутой рукой по кабинетам [а дома маленький ребенок!] и заставили женщину обратиться в редакцию. Смысл полученного на наш запрос ответа из управления внутренних войск по Западной Сибири предельно ясен — факты подтвердились. Однако нас просто восхитило то, как мягко выражается подписавший ответ генерал-майор В. Гафаров по поводу вопиющей безответственности своих подчиненных:

«Финансовая служба... поступила неверно, не выплатив вам...», начальнику финансовой службы «дано разъяснение по этому вопросу» [интересно — какое именно!]. И в заключение совсем по-светски: «Просим извинить нас за доставленные вам неприятности».

То, что перед женщиной извинились за причиненную ей обиду, само по себе от- радно. Хорошо бы еще назвать поименно должностных лиц, так некомпетентно, без- душно выполняющих свои служебные обя- занности.

ПРОДАЙТЕ МНЕ АВТОМОБИЛЬ

...И МНЕ

Через несколько месяцев у нас в части будет списываться автомобиль «УАЗ-469». Дальше его дорога — в металлолом. А нельзя ли сделать иначе? Например, продать машину кому-нибудь из офицеров и прапорщиков. Я бы от такой машины не отказался. «Уазик» в наших условиях вещь незаменимая. Тем более для розыскника.

Прапорщик Ф. НЕГУРА,
начальник оперативного
розыскного поста.

Разве не нужны сейчас государству лишние деньги? А в наших частях уничтожаются списанные автомобили «УАЗ». Ведь выгоднее продать эти подлежащие списанию машины по остаточной стоимости, чем ликвидировать их без пользы... А может, все-таки можно приобрести списанный «УАЗ-469»? Если да, то на каких условиях?

Прапорщик И. ЛОБЗОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. На состоявшейся в конце прошлого года первой Всесоюзной ярмарке-продаже имущества и техники Министерства обороны и Коммерческого центра Мосгорглавснаба покупателями могли быть все желающие: не только предприятия, организации, кооперативы, но и население (!). И купить они могли все, начиная с грузовика и кончая платформой от зенитного орудия. Запросы прапорщиков Ф. Негуры и И. Лобзова гораздо скромнее. Они хотели бы приобрести всего-навсего списанные «уазики». В своем желании руководствуются прежде всего интересами службы.

Прокомментировать письма мы попросили офицера автобронетанковой службы управления тыла ГУКВВ МВД СССР полковника В. Шутенко и начальника службы розыска ГУКВВ МВД СССР полковника А. Удинцева:

Полковник В. ШУТЕНКО:

— Каких-либо руководящих документов на этот счет у нас нет. Поэтому на сегодняшний день мы не продали нашим военнослужащим, частным лицам ни одного легкового автомобиля. Хотя в принципе это возможно.

Допустим, в воинской части имеется списанный «УАЗ-469». Жилищно-бытовая комиссия части предоставляет право его покупки одному из очередников на приобретение легкового автомобиля. Она же выходит к нам с ходатайством по существу вопроса.

Полковник А. УДИНЦЕВ:

— Из десяти лет службы в отдаленном гарнизоне семь исполнял обязанности командира роты розыска. Как там несут службу розыскники? Как правило, в составе отдельных розыскных постов. Их действия в условиях бездорожья, отсутствия транспортных средств и связи чрезвычайно затруднены. Даже для того, чтобы оповестить местных жителей, охотников, геологов и т. д., им приходится тратить уйму времени. И зачастую впустую. Будь у розыскников такие машины, как «УАЗ-469», действия их были бы намного эффективнее.

В постановлении Съезда народных депутатов СССР «Об усилении борьбы с организованной преступностью» говорится, что необходимо решить вопрос о коренном (!) улучшении технического оснащения правоохранительных органов. Решение его — дело не одного дня. А пока надо использовать имеющиеся возможности. В частности, и те, что предлагают прапорщики Ф. Негура и И. Лобзов.

**ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО**

НА БАЗАР НЕ НАХОДИШЬСЯ

В своем письме в редакцию прапорщики А. Батунин, Ю. Шутенков, В. Виноградов и их товарищи из взвода контролеров (всего 17 подписей) рассказали о том, как решается у них в части продовольственный вопрос. «...В штабе есть магазин, и два раза в месяц там можно отовариться по государственным ценам. У нас же одна дорога — на

базар. Килограмм мяса здесь стоит 6—7 рублей, колбасы — 10—12 и т. д. Про ветчину, конфеты, сгущенку мы давно уже забыли, а ведь у нас тоже есть дети!»

Письмо военнослужащих мы адресовали начальнику управления внутренних войск по Северо-Западу и Прибалтике. И вот получен ответ. В нем сообщается,

что продуктами и товарами повышенного спроса прапорщики-контролеры будут обеспечиваться через магазин, расположенный на территории военкомата. Заключен договор с ЛТП о продаже им мяса с подсобного хозяйства учреждения. Командованию части указано на несвоевременность реагирования на запросы и нужды подчиненных.

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

О ЗАРПЛАТЕ КУЛЬТПРОСВЕТА РАБОТНИКОВ

Работаю в воинской части с 1976 года, заведую полковой библиотекой, имею высшее специальное образование, общий рабочий стаж 19 лет. Работа нравится, а вот зарплата... Конечно, не хлебом единым жив человек (и мы, библиотекари, стараемся внушать это нашим читателям), но все же и хлебом тоже, а по нынешним временам и подавно. Так вот хотелось бы знать, когда же и на нас, войсковых работников культпросветучреждений, распространится то повышение зарплаты, которое уже имеют в нашем городе гражданские библиотекари?

Л. ШУЛЬГИНА.

Такое письмо—не единственное в редакционной почте. Интересуются перспективой улучшить свое материальное положение не только библиотекари, но и другие работники культурно-просветительных учреждений. Поэтому мы попросили ответить на важный для людей вопрос офицера финансового отдела ГУКВВ МВД СССР подполковника Ф. ЛИХОМАНОВА.

— В соответствии с принятыми в 1990 году решениями правительства СССР во внутренних войсках МВД СССР с 1 января 1990 года введены новые условия оплаты трудящихся работников (невоеннослужащих) культурно-просветительных подразделений внутренних войск (Домов офицеров, Центрального архива, Центрального музея, Ансамбля песни и пляски внутренних войск, а также клубов и библиотек воинских частей и военно-учебных заведений).

Со дня вступления в действие новых условий оплаты труда работникам культурно-просветительных подразделений введена выплата процентной надбавки за непрерывную работу в соответствии с Инструкцией о порядке ее выплаты с одновременной отменой этим работникам повышения должностных окладов на 10 процентов за непосредственное обеспечение постоянной боевой готовности. Кроме того, введена выплата премий за основные показатели в работе в порядке и размерах, предусмотренных приказом МВД СССР от 23 февраля 1988 года.

В связи с этим соответствующим начальникам, командирам соединений и частей внутренних войск необходимо провести внеочередную аттестацию руководителей, специалистов и служащих культурно-просветительных подразделений, для чего должностные обязанности этих работников следует привести в соответствие с квалификационными справочниками и фактически выполняемой работой.

В случаях, когда вновь введенные должностные оклады с учетом коэффициентов, надбавок и льгот окажутся ниже действующих окладов с учетом коэффициентов, надбавок и льгот, то этим работникам за время их работы в данном культурно-просветительном подразделении в той же или высшей должности выплачивается разница в заработной плате.

«ПАСЫНКИ, ИЛИ ДЛЯ КОГО ЗАКОН НЕ ПИСАН!» (1990, № 5)

Начальник политотдела, подчеркнув актуальность поднятой журналом проблемы, отметил, что в настоящее время в соединении «сделаны необходимые выводы из упущений и искривлений в практическом применении Положения о прохождении воинской службы офицерским составом Вооруженных Сил СССР». Соблюдение его требований ныне контролируют и Офицерские собрания.

«В ОЧЕРЕДИ НА... ПОБЕГ» (1990, № 6)

Статья обсуждена на совместном совещании командования части и руководства отдела по исправительным делам МВД Калмыцкой АССР, сообщает в редакцию командир части. Комиссионно определен порядок погрузки вывозимой продукции. Подготовка личного состава караула и организация контроля за службой приведены в соответствие с требованиями устава.

Вместе с тем, несмотря на неоднократные обращения командования части, руководство отдела по исправительным делам по-прежнему не принимает мер для устранения недостатков в инженерно-техническом оборудовании объектов, укреплении режима содержания осужденных. Последние продолжают заведовать складами, территория у ограждения завалена отходами производства, что, естественно, затрудняет охрану.

Выходит, очередь на побег не ликвидирована, начатый журналом разговор не окончен.

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

ИСТИНУ

НЕ ЛОВЯТ

НА ЛЕТУ

ВЕЛИКА сила печатного слова. Оно и ранит и лечит, разрушает и созидает, подводит к истине или извращает ее. Гласность, плюрализм, к сожалению, породили и безответственность к слову. Говорят, что у лжи короткие ноги. Может, и было когда-то так. Но ныне в пору НТР старая мудрость заметно видоизменилась. Ложь на коротких ногах, тиражируемая миллионами газетных полос, со скоростью звука формирует общественное мнение, способна повергнуть людей в шоковое состояние. И порой это первое впечатление бывает настолько устойчивым, что из качества впечатления переходит в качество убеждения.

Это относится и к захлестнувшим прессу материалам о сталинских лагерях. Всех нас, безусловно, потрясают и масштабы беззакония, и жестокость той административно-командной системы. Но нам нужна не искусственная сенсационность при освещении этой трагической темы, не шабаш на костях безвинных жертв. Нужна истина о том, как и почему все это происходило, чтобы никогда не повторилась трагедия. И потому в основе истины должна быть правда — одна только она, чистая, как кристалл, и ничего больше. Иначе же... Ведь и в основе сталинизма лежит, если разобраться, искаженная до неузнаваемости истина, подмена великой, святой правды изощренной ложью.

В этой связи нельзя обойти молчанием три публикации газеты «Комсомольская правда», рассказавшие о строительстве на Дальнем Востоке, между материком и островом Сахалин, подводного тоннеля. «Материк — Гулаг — Сахалин», «Секретная стройка», «Тоннель под проливом» — так назывались материалы, леденящие душу описанием того, как воплощался в жизнь

один из великих замыслов «главного зодчего страны». Объект номер 508, по мнению авторов статей А. Полонского и Г. Мирановой, это «стройка на костях», где «похоронены тысячи наших безвестных граждан». «Рыли вручную. Грандиозные сооружения способны делать только технически вооруженные люди или ...рабы». «Заклоченных охраняли десятки тысяч военных». «Лагеря и сейчас не надо искать. Колючая проволока живуча. А летом в тайге натыкаешься на кучи мисок, ложек, ботинок...» «До сих пор в Лазареве живут две бабушки, которые были в здешних местах за проволокой. Мы познакомились с ними, но говорить о прошлом они не могли — в глазах у обеих стоял ужас».

Итак, что же — еще одна позорная страница нашей истории? Еще одна трагедия, кровоточащая рана в памяти народной?..

Непредубежденного, привыкшего сомневаться читателя в упомянутых публикациях не может не смутить множество нестыковок фактов, нелогичностей, несовпадений. Авторы часто ссылаются на анонимных свидетелей вроде тех «двух бабушек», неизвестно где и по какому поводу оказавшихся когда-то «за проволокой», или «пожилого, крепкого еще мужчину», который остановился проездом на Сахалин у знакомых А. Полонского, — был он-де когда-то «политическим», строил этот тоннель и чудом выжил.

Отдельные сюжетные линии в повествовании вдруг ни с того ни с сего обрываются, одно в них без всяких объяснений подменяется другим (например, сперва утверждается, что тоннель строили заключенные, затем говорится, что строительство вело Министерство путей сообщения). А чего стоит ссылка на чей-то рассказ о дерзком побеге большой группы заключенных, «сгинувших где-то на севере», если, как признаются сами авторы, «никто из рассказчиков этого не видел»?..

Недостаток информации, отсутствие документов, видимо, несколько не смущали авторов, но очень уж хотелось им опрокинуть на читателя сенсационный ушат, прошибить слезу, а заодно отдать дань модным течениям («ну хотя бы памятный камень всем погибшим за Сахалинский тоннель, которого нет, поставить на берегу»)... И вот уже изобретается объяснение авторской фантазии: «Секретная стройка и есть секретная». И нечего, дескать, удивляться, если что-то приходится домысливать.

Архивы хранят документы, проливающие свет на весь ход строительства № 507, как, впрочем, и № 508, от решения о них и до закрытия. Из документов мы узнаем много такого, что, прямо скажем, уличает авторов «Комсомолки» в неумеренной фантазии.

Обо всем этом, а также о том, что представляла собой стройка номер 508, какое отношение имел Гулаг к сооружению тоннеля в действительности, я передавал материалы в «Комсомолку» и «Собеседник», но популярные издания не захотели прислушаться к голосу документов. Понятно, что опровергать себя как-то неловко. А что вдруг подумает об этом доверчивый читатель?

Действительно, в мае 1950 года было принято решение о строительстве железной дороги Комсомольск-на-Амуре—Победино (на Сахалине), тоннельного перехода и паромной переправы через Татарский пролив. Верно, что руководство строительством возлагалось на подполковника внутренней службы А. Ф. Арайса. Но на этом истина, пожалуй, кончается. Все остальное в материалах газеты — домыслы авторов, коегде подкрепляемые непроверенными свидетельствами.

Начнем с того, что строительство тоннеля никогда не носило номера 508. Строительство МВД под таким номером дислоцировалось в районе Советской Гавани и выполняло совсем иные задачи. Возглавлял эту стройку генерал-майор С. Е. Егоров, и числилось там перед амнистией 1953 года 10657 осужденных. Так называемый «трест Арайс» имел номер 507. Но это, как говорят в Одессе, «без разницы». Теперешнему читателю все равно — 507 или 508. Гораздо важнее другое.

Начнем с того, что охраняли лагерь 1530 человек, а не «десятки тысяч». Далее возьмем условия содержания заключенных. В

истории лагерей было всякое. Но в данном случае авторы, рисуя картины ужасов, искажают истинное положение вещей. Хотя объекты стройки находились на значительном удалении от транспортных путей, там были введены в строй коммунально-бытовые помещения — бани, столовые, медпункты, больница, прачечные, парикмахерские, сушилки. Осужденные проживали в бараках, разделенных на секции. Для питания их на всех лагпунктах имелось 3—4 сорта крупы, жиры, соленая рыба (горбуша, корюшка, сельдь), мясо-солонина, мясные консервы, сухие овощи и картошка. Для предупреждения цинги выдавались витамины. Поскольку с 1950 года осужденные стали получать на руки заработную плату, в некоторых лагпунктах наряду с общими столовыми работали коммерческие и во всех — буфеты с оплатой блюд за наличный расчет. Продолжительность рабочего дня составляла 8 часов при четырех выходных днях в месяц. В связи с поступлением с этапов ослабленного контингента был организован оздоровительный пункт на 60 человек.

Вспоминая те несытые годы, откровенно скажу, что миллионы честных советских людей жили хуже, чем заключенные-уголовники, а их на указанных стройках было абсолютное большинство.

Что касается «тысяч похороненных безвинных жертв», то и тут неувязка. Во-первых, не только о тысячах, но и о сотнях похороненных не может идти речь. В 1951 году, например, умерло 50 осужденных (0,054 процента, т. е. меньше, чем в среднем по стране), в том числе от болезней — 28. Остальные — из-за несчастных случаев, травм, ножевых ранений на почве конфликтов между осужденными. Во-вторых, можно ли назвать безвинными жертвами 888 «воров в законе», содержащихся, как свидетельствуют документы тех лет, в лагпункте № 3, или 552 вора вне закона, отбывавших наказание в лагпункте № 5? И еще одна воровская масть — «беспредел» — 33 человека. Да, часть заключенных была осуждена по статье 58, точнее, их было 1552 чел., в том числе за измену Родине (кто служил верой и правдой гитлеровцам — 1045), за террористические намерения — 12, за контрреволюционный саботаж (побеги, членовредительство, отказы от работы) — 70, за антисоветскую агитацию — 340 и прочие контрреволюционные преступления — 85. Все они содержались отдельно от уголовных преступников на одном лагерном пункте. Часть из них находилась на положении расконвоированных (шоферы, механики, слесари).

Упомянут в «Комсомолке» побег «большой группы заключенных, сгинувших на севере». Снова неправда. Документы архивов свидетельствуют о том, что побеги были, но одиночные. И несколько групповых по 2—3 человека.

Теперь о тоннеле.

В перечне работ на строительстве номер 507, связанных с проходкой тоннеля, заключенные попросту не значатся. Нет такого перечня работ и при начислении им зачетов рабочих дней в срок наказания, а они начислялись по норме один день работы за три дня срока. Зато в архивах есть приказ МВД СССР, датированный июлем 1950 года, который обязывал начальников ИТЛ обеспечить отправку на строительство номер 507 таких специалистов, как шоферы, ремонтники, трактористы и машинисты экскаваторов.

Чем же занимались заключенные на стройке? И на этот вопрос архивы дают вполне ясные ответы. Трест имел четыре отделения. Первое из них, дислоцировавшееся на месте будущей станции Виданово, строило железнодорожный подход от главной магистрали до морского причала и дамбу с причальными сооружениями на материке. Другое сооружало электростанцию и обустроивало поселок Де-Кастри. Третье находилось на Сахалине, на месте будущей станции Береговая, и возводило железнодорожные подходы к причалу. И последнее, четвертое, располагалось на мысе Муравьева и заготавливало лес и камень. К прокладке тоннеля, как видим, ни одно из них отношения не имело. Никаких других лагерей в этих местах не было. Архивные документы, связанные с деятельностью исправительно-трудовых лагерей на территории Хабаровского края, как секретные, так и совершенно секретные, не содержат даже косвенных сведений о причастности осужденных к строительству тоннельного перехода через Татарский пролив. Тоннель строили работники МПС и лучшие специалисты Московского метрополитана, а паромную переправу через пролив — осужденные.

В пятидесятых годах при Сталине, в самом узком месте между материком и Сахалином, начали бить подводный тоннель.

«Комсомольская правда».

В конце марта 1953 года, за два дня до амнистии, Совет Министров СССР принял постановление о переводе строительства № 507 на длительную консервацию. Сохранившаяся пояснительная записка и финансовые расчеты по консервации объектов также не имеют указания на то, что тоннель возводили заключенные.

И как тут не поразиться удивительному непрофессионализму, с каким журналист А. Полонский пересказывает очередную не-

проверенную легенду о том, как его собеседник вместе с другими ссыльными (?) «вгрызлся на Сахалине в толщу земли», как он заболел однажды и фельдшер освободил его от работы, «а более двухсот человек, как обычно, ушли в шахту. Там накрыла их прорвавшаяся вода».

И таких вот «мыльных пузырей» в серии публикаций «Комсомолки» о тоннеле более чем достаточно.

Обратимся еще к одному материалу «КП» под интригующим заголовком «Зона «Б». В нем раскрываются «тайны» строительства главного здания МГУ. Автор корреспонденции Ф. Ратавнин, по всей видимости, считает себя весьма компетентным в «зекских делах», если позволяет себе утверждать: «...Главное здание на Ленинских горах строили заключенные, имевшие, как мы знали, большие сроки наказания». Здание стройки усиленно охранялось: колючая проволока, вышки с вооруженным караулом. «Зона» жила по своим законам. Расправиться с «неугодным» было несложно, подтолкнул к краю, и...»

Для того чтобы приблизиться к истине, обратимся к документам тех лет, чтобы ответить на вопрос: действительно ли заключенные, и если да, то какие строили этот комплекс? Приведем текст документа: «Совет Министров СССР постановлением от 30 мая 1950 г. разрешил МВД и Управлению строительства Дворца Советов отобрать по согласованию с Генеральным прокурором СССР 2000 заключенных из впервые осужденных, кроме за особо опасные преступления, и освободить их (выделено мной.— С. К.) для работы по вольному найму на строительстве Московского государственного университета до конца срока осуждения или до конца срока с остатком срока наказания не менее 3-х лет, с хорошим поведением. Всю работу провести в 2-месячный срок» (архив УВД Леноблгорисполкомов, 1950, д. 482, л. 219—224). К приказу МВД СССР от 24 июня 1950 г. приложена разнарядка для каждой области по отбору конкретных специалистов.

Ну а какая же сталинская стройка без тайн и легенд! Такого быть не может, и автор этого не допускает. И вот уже готов местный политический «Икар» из зеков.

Вот как романтично его представляет корреспондент: «Человек в телогрейке, стоя на карнизе, слонил палец и внимательно полпевывал по тугому ветру. Затем перекрестился и повернулся лицом к Москве-реке.

Его самодельный летательный аппарат представлял собой всего лишь большой лист фанеры. В течение «двух этажей» обдумывал он свой воздушный побег: кирпичик за кирпичиком, пока он перепроверял расчеты, еще на два уровня поднялось высотное здание — огромный каменный торт Московского университета. Но не было больше сил строить этот храм науки, в ко-

247

тором не было суждено учиться ни ему, ни его детям — детям врага народа.

Он разбегался, оттолкнулся от края и... полетел. Полетел!»

Просто позавидуешь спецкору клуба «Эврика» «Комсомольской правды» Ратавнину, как он, «слюня палец и внимательно поплеывая», совершает «открытия». Оказывается, уже и враги народа строили МГУ.

Но если уж создавать мифы, то только крупномасштабные. И вот уже публикуется статья Н. Савельева «Туда возврата нет» о строительстве трансполярной магистрали Салехард-Игарка протяженностью 1263 км, «убытки от строительства которой составили 42 миллиарда 100 миллионов (обратим внимание на миллиарды.—С. К.). С ведома Сталина стройка № 503 финансировалась щедро. Люд подневольный — политические по ст. 58 и уголовники». Начало строительства автор относит к 1949 году.

Чтобы разобраться в этом, вновь пролистаем документы тех лет. Первый «прокол» автора публикации состоит в том, что эта стройка никак не могла там быть. Строительство за номерами 500, 503, 505 входило в состав Нижне-Амурского ИТЛ, о чем свидетельствует отчет этого лагеря о производительности труда осужденных за 1947 год (архив УВД Благовещенского облсподкома, ф. 37, оп. 37, д. 2, л. 7).

Раз стройка начиналась в четвертой пятилетке, следовательно, она должна была финансироваться. Между тем на все железнодорожное строительство силами Гулага отпускалось для освоения 5,5 миллиарда рублей (архив УВД Леноблгорисполкомов, 1946 г., д. 302, л. 1—57).

В строительстве железной дороги автор не ошибся. Он только чуть-чуть перепутал, надеясь на то, что читатель все равно не разберется и вряд ли будет в это вникать. Да, в том районе велось железнодорожное строительство и стройка была, вот только ее номер 501. И строили осужденные, и построили, и действует дорога от ст. Чум до Обской губы. Решение о ее строительстве было принято Советом Министров СССР от 22 апреля 1947 г. Отбору на строительство подлежали 30000 осужденных, годных к труду в условиях Заполярья. Причем это была единственная стройка, на которую осужденный мог поехать и по собственному желанию. В основе этого желания лежали введенные там зачеты рабочих дней один за три.

Возьмем несколько выдержек из этой статьи. «Политическим заключенным было особенно худо. Большинство из них гибло в первые же морозы». «В лагере на речке Таз привиннившегося ставили летом под вышку. Гнус кровососный лицо раздрает, а пошевелиться не смей, охранник с вышки стреляет».

Не кажется ли вам, уважаемые читатели, что с подобным вы уже встречались в описании жизни на Соловках?

Но если стройка, как пишет автор, началась в 1949 году, то вполне уместно задать вопрос: каким образом могли попасть туда политические заключенные? Раскроем вновь архивные документы. Вот постановление Совета Министров СССР от февраля 1948 г. «Об организации особых лагерей и тюрем МВД для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении последних после отбытия наказания в ссылку под надзор». Постановлением предусматривалось в течение восьми месяцев перевести осужденных к лишению свободы шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, меньшевиков, правых, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов, участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности, из общих ИТЛ и тюрем в организуемые МВД особые лагеря. Этими особыми лагерями были: Минеральный (Комин АССР), Горный (Норильск), Дубравный, Стенной (Казахстан), Береговой (Магадан) (архив УВД Леноблгорисполкомов, 1948, д. 423, л. 96—97).

Как известно, по ст. 58 судили и тех, кто присягал фюреру — оуновцев, бандеровцев, «зеленых братьев». Но что до этого автору публикации Н. Савельеву? Важно, что есть ст. 58 и этого, по его разумению, достаточно, чтобы отнести к категории политических всех бандитов и душегубов, которые жгли, вешали, расстреливали украинских и белорусских крестьян и рабочих.

Авторы «Комсомолки» страдают какой-то странной манией: будто все «тайные стройки» возводились руками политзаключенных. Такой же порок присущ и еще четырем публикациям 1989 года: «Мраморное ущелье», «Мраморная пыль», «Мраморное станет заповедным», «Дорога в Мраморное». Правда, в последней корреспонденции пришлось, как говорится, давать задний ход и признать, что все-таки подавляющее большинство отбывавших там наказание были заурядные уголовные преступники.

Навязчивая идея поставить памятники на всех тех стройках и превратить их в музеи пронизывает все публикации. Ах, какие мы стали жалостливые к уголовникам! Да и ныне, в перестроечные времена, нет-нет и раздастся прискорбный глас: «Как плохо им в колониях, как страдают сердешные!» Впору всем миром ринуться к осужденным и помочь им валить лес, строить дома. Оборудовать для них теннисные корты, завести цветные телевизоры, возвести пивные бары. А потом пригласить «вора в законе», чтобы он разрезал ленточку обустроенной фешенебельной колонии...

Право же, все хорошо в меру. Эта мудрость касается и нашей любимой «Комсомолки».

Станислав КУЗЬМИН, доцент,
кандидат юридических наук.

О трудностях в молодежном коммунистическом движении страны написано немало. И это факт, что, несмотря на попытки XXI съезда ВЛКСМ указать пути выхода из кризиса, политическая апатия, недоверие комсомольцев идеям социализма нарастают. И это можно понять, если вспомнить, сколько карьеристов, стяжателей принимали от имени КПСС решения, носившие откровенно антинародный, антирабочий и антикоммунистический характер. Надо ли удивляться, что в нынешних условиях и иные комсомольские лидеры стремятся превратить ВЛКСМ то ли в кооператив, то ли в ведомство по делам молодежи, стараются отмежеваться от КПСС в интересах своей дальнейшей политической карьеры.

В августе этого года газета «Московский комсомолец» опубликовала своего рода «программу действий» столичного комсомола. Среди обширной подборки материалов о государственной

и общественной службе по делам молодежи, вопросах ее финансирования нашлось место лишь для небольшой заметки о движении комсомольцев, открыто заявивших о своих коммунистических убеждениях. В их заявлении было сказано:

«Нас, сторонников молодежного движения «Коммунистическая инициатива», заставляет выступить подмена идей обновления общества. Перестройку начинали с лозунгом «Сделать каждого человека хозяином в своем Отечестве!», но среди новых хозяев жизни мы видим все больше коррумпированных чиновников и дельцов, многие из которых процветали и в эпоху застоя. Легализуются миллионы, украденные в годы «развитого социализма»; спекуляция, труд наемных работников позволяют увеличивать несправедливое богатство.

Особенно больно подмена идей перестройки ударила по молодежи. Сегодня молодой человек может

стать рабочим, инженером, офицером, как это ни трагично — ветераном войны, но он не может добиться человеческих условий существования для себя и своей семьи, сказать в полный голос о своих бедах. Социальная несправедливость ведет к росту подростковой преступности, наркомании, проституции. Обострение социального неравенства, ухудшение условий жизни молодых людей труда делают необходимым объединение левых сил в молодежном движении на социалистических и коммунистических принципах.

К сожалению, текст заявления был произвольно сокращен редакцией. Вот почему, заинтересовавшись позицией этих ребят, в полный голос заявивших о себе с трибуны Учредительного съезда КП РСФСР, мы предоставляем слово одному из членов оргкомитета молодежного движения «Коммунистическая инициатива».

ВЕРНУТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ ТРУДЯЩИМСЯ

**ТРЕБУЕТ
МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ
«КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ИНИЦИАТИВА»**

КОММУНИСТОМ сегодня быть немодно. Окрепши в массовом сознании новые догмы типа: «Коммунизм—это миф», «73 года социализма развалили страну», «Как показывает опыт развитых стран, при капитализме мы будем жить лучше». Но сама общепризнанность такого рода суждений заставляет задуматься: а не оборачивается ли эдакое «обновление мышления» всего лишь сменой существовавшей полярности: то, что раньше расценивалось как положительное, теперь имеет знак «минус», и наоборот.

Даже попытка понять, в каком же обществе мы живем, указывает на утвердившуюся в нем странную мифологию. Странную потому, что наряду с новыми мифами присутствует, например, и миф, зародившийся в эпоху застоя. Речь идет о концепции «общенародного государства». Благодаря ей мы имеем сегодня и народных депутатов, и партию, выражающую интересы всего народа, а рядом—массу народных фронтов со своими специфическими народными интересами.

Тезис об общенародном государстве был сформулирован именно в ту пору, когда началось стремительное расхождение общества на простых труженников и противосто-

ящий им союз теневых дельцов и коррумпированной части государственного аппарата. В результате сегодня в стране имеются десятки тысяч (оценки разнятся, и цифра порой дорастает до 100 тыс.) наших сограждан — простых советских миллионеров. Так что же, интересы совбуров и интересы трудящихся — одни и те же «общенародные» интересы? Думается, что это не так, и мы имеем дело с противостоянием классовых сил.

В стране существуют не только разные классы, но и разные экономические уклады. По оценкам специалистов, уже к началу 80-х годов в СССР имелось до 18 миллионов людей, неофициально занимавшихся индивидуальной трудовой деятельностью (Мировая экономика и международные отношения, 1987, № 7, с. 43). Это — уклад мелкотоварный. Значительный размах приобрела подпольная и частнопредпринимательская деятельность, фактически — уклад частнокапиталистический. Было бы слишком смело и наши государственные предприятия с их уравниловкой в оплате труда и отчуждением работников от участия в управлении производством записывать в однозначно социалистические.

Все это говорит о том, что мы поторопились объявить социализм построенным в 1936 году и отождествлять с ним нашу застойно-болотную реальность. Наличие разных социальных, а по сути — классовых сил, многоукладная экономическая структура позволяют определить наше общество как общество переходного периода.

Сегодня любят поговорить о приоритете общечеловеческого над классовым. Как будто бы отравить природу или развязать ядерное побоище — в интересах пролетариата! Общечеловеческие же ценности предстают в виде набора абстрактных истин всех времен и народов. Более того, под шумок протаскивают и такие «ценности», как частная собственность, эксплуатация.

Разумеется, идеология пролетариата впитывает в себя все лучшее, созданное мировой цивилизацией. Но она идет дальше, к построению общества свободного труда, и в этом смысле выступает в качестве общечеловеческого идеала в самом высшем, гуманистическом его проявлении.

Не следует, однако, считать, что строительство нового общества есть исключительно монополия государств, называющих себя социалистическими. И в капиталистических странах отчетливо видятся некапиталистические элементы, развивающиеся внутри буржуазной системы и отрицающие ее. К этому ведут классовая борьба трудящихся да и сама логика истории человеческого развития.

Надо отметить, что цели перестройки в нашей стране изначально отвечали этой логике. С высокой трибуны были провозглашены задачи: поставить во главу угла «человеческий фактор», сделать тружени-

ка подлинным хозяином страны, передать ему реальную экономическую и политическую власть, осуществить научно-техническую модернизацию экономики, поднять технику и технологию на мировой уровень; на этой базе — обеспечить подъем жизненного уровня трудящихся. Однако реальность, как это уже не раз бывало в нашей истории, оказалась далека от замыслов.

Сбрасывать со счетов классовые, групповые интересы, уповая на приоритет общечеловеческих ценностей, значит ничего не понять в калейдоскопе событий и явлений, характеризующих экономику, социальную и политическую жизнь общества на современном этапе.

Формирование «чувства хозяина» связывалось с усилением зависимости доходов трудящихся от результатов их труда, во-первых, и вовлечением на деле в управление производством, во-вторых. На практике же были открыты шлюзы для спекулятивных доходов некоторых кооперативов и научно-проектных учреждений, и в то же время — заморожена зарплата для многих категорий рабочих. Сегодня предприятия не заинтересованы увеличивать производство из-за налогообложения на прирост фонда заработной платы выше 3 процентов; рабочие отказываются выпускать больше продукции из-за угрозы пересмотра расценок.

Еще своеобразней обстоит дело с «чувством хозяина» в кооперативах. На одном полюсе — пять-шесть членов-собственников, распределяющих прибыль соответственно вложенному паю (т. е. капиталу), на другом — наемные работники, не имеющие даже права голоса на собрании. Набирает силу кампания за свертывание деятельности советов трудовых коллективов, ограничение выборных начал на производстве. Наконец, все более отчетливо слышны призывы к распродаже предприятий в частные руки и введению свободной продажи акций на фондовой бирже.

Естественно, не оправдались и надежды на прорыв в научно-технической революции, техническом перевооружении силами отдельных самфинансирующихся предприятий. Мы имеем сегодня незавидный итог — распыление инвестиций, рост незавершенного строительства. Так, число новостроек в результате «опоры на самофинансирование» выросло в 1988 г. против 1985 г. почти на треть, а в 1989 г. — еще на 40 процентов (Экономические науки,

1989, № 11, с. 30). Заводы стали обраться многочисленными полукустарными производствами, где омертвляются техника и ресурсы. Но это малозффективное производство обеспечивается фондом заработной платы.

По мере обособления предприятий неизбежно усиливается научно-технический застой. Основная масса рационализаторских предложений и изобретений в СССР не выходит за рамки одного-двух предприятий. Сразу же после перехода к новым условиям хозяйствования положение еще более ухудшилось: многие предприятия и организации вообще перестали передавать сведения о научно-техническом прогрессе и производственном опыте (Экономическая газета, 1988, № 33).

Одна из целей перестройки — помочь трудящимся почувствовать себя хозяевами страны. Кому же пока больше знакомо это чувство — рабочему человеку или дельцу теневой экономики? Вряд ли можно услышать два разных ответа на этот вопрос.

Углубление экономического кризиса, научно-технический застой не могут не вести к снижению жизненного уровня многих категорий населения. В самом деле, если инфляция на рынке потребительских товаров составила, по оценкам в 1989 г., 7,5 процента (Коммунист, 1990, № 3), то это означает точно такое же снижение жизненного уровня для лиц с фиксированными доходами. Более всего рост цен бьет по малообеспеченным, как правило, молодым семьям: там, где среднедушевой доход менее 75 рублей и наиболее высока доля потребляемых товаров, на которые цены возросли.

Ширится межа социального неравенства общества. Рыночная экономика создает по сути не один, а два рынка потребительских товаров: на первом — не могут купить необходимых предметов потребления старики, многодетные семьи, молодежь. На другом... Странное впечатление производят заметки об автомобильном аукционе, на котором дельцы платили по сто тысяч рублей за легковушку; о совместном предприятии — ресторане «Пекин», где порция экзотического супа из акулих плавников идет по сто рублей за тарелку (и ведь берут — по сто пятьдесят порций в сутки!).

Когда в этих условиях ряд экономистов-идеологов реформы призывает заплатить «социальную цену» перестройки в виде «временного» снижения жизненного уровня, безработицы и т. д., не покидает ощущение, что речь идет о том, чтобы трудящимся оплатить эту цену для привилегированных слоев общества, его элиты.

Если использовать общепринятую на Западе классификацию, то можно определить, что предлагаемые нам варианты экономических преобразований по немедленному введению свободного рынка с широкомасштабной приватизацией, ограничением социальных гарантий приводят к подмене ключевых задач перестройки. И самое главное — превращение трудящихся в подлинных хозяев страны подменяется политикой их подчинения новым «хозяевам жизни».

Альтернатива состоит в том, чтобы вернуть экономику страны лицом к удовлетворению реальных потребностей трудящихся, а не платежеспособных запросов обуржуазившейся и бюрократившейся элиты.

С УЩЕСТВУЕТ ли программа «пожарных мер», которая даст возможность немедленно улучшить положение широких слоев трудящихся и снизить остроту социальной напряженности? Она есть. Подробно анализируется в вышедшем недавно сборнике «Альтернатива: выбор пути» (М., Мысль, 1990). О чем идет речь? Прежде всего необходимо дать заработать трудящимся на общественных предприятиях, отменив налог на прирост заработной платы, полностью оставляя в распоряжении трудовых коллективов всю сверхприбыль, полученную за счет снижения издержек производства; прекратить на ближайшие годы увеличение норм выработки, снижение расценок и тарифных разрядов.

Пресса полна отчаяния по поводу десятков и сотен миллиардов неотоваренных денег! Думается, при всем нашем дефиците миллиарды «лишних» рублей — это все-таки проблема отнюдь не миллионов наших соотечественников, оказавшихся за чертой бедности: рабочих, учителей, врачей, живущих от зарплаты до зарплаты... Основное давление на рынок оказывают капиталы богатейшей прослойки граждан, в том числе дельцов теневой экономики и высокопоставленных бюрократов. И не стоит спешить все это богатство немедленно отоварить, в том числе — через предлагаемую распродажу заводов, квартир и даже земли.

Коммунисты выступают за безотлагательную денежную реформу с обменом денег и представлением доказательств трудового происхождения сумм, превышающих некоторую величину (например, 10, 15 тысяч рублей). Острой необходимостью стало введение прогрессивного налога на на-

следство (принятого, кстати, во всем мире): освобождение от налогов трудового наследства и установление высоких налогов на миллионные состояния. Требованиям дня является наведение порядка в кооперативном движении, обеспечение работой кооперативов на условиях, равноправных с государственными предприятиями. Мы предлагаем также ввести единые именные счета в сбербанке, дифференцировать с учетом инфляции процент выплат по вкладам в зависимости от их величины, установить максимальный процент за небольшие вклады и отменив его на наиболее крупные.

Именно это соответствовало бы как первоначально заявленным целям перестройки, так и общей направленности развития мировой цивилизации в сторону перехода к новой общественно-экономической формации. Однако на практике реализуется альтернативный вариант, сторонники которого видят спасение в свободном рынке и частной собственности. И корни спора состоят не в состязании различных школ экономической науки, а в противостоянии классовых интересов.

Высказываясь за свободу деятельности различных партий, за альтернативные выборы, мы против того, чтобы считать высшей ступенью демократии фактически действующую под видом Советов парламентскую систему, при которой один раз в пять лет избиратели голосуют за некоего деятеля, который затем будет бесценно выступать от их имени с разного рода трибун и экранов. Порок данной системы состоит в том, что власть отрывается от народа. Более того, сами выборы становятся в определенной мере нормой манипуляции массовым сознанием. Парламентская система выборов превращает политику в конкурс кошечек, материальных и организационных возможностей кандидатов, при котором любые положения о «равных возможностях» неизбежно остаются только на бумаге.

Не надо строить иллюзий—на прошедших выборах мы избрали именно парламенты и муниципалитеты, и результат был предсказуемым: при достаточном безразличии избирателей (в Москве, кстати, даже в первом туре на участки для голосования не явились более трети граждан, имевших право голоса) в Советы прошли преимущественно представители академической интеллигенции, средств массовой информации и руководители разных уровней—люди, умеющие хорошо говорить, обладающие немалыми средствами и возможностями, прочными связями. И в то же время ничтожно мала оказалась по сравнению с ролью в жизни страны доля депутатов—рабочих, труженников села, врачей, учителей...

Альтернатива существовала. Была выдвинута идея о проведении выборов в Со-

ты по территориально-производственным округам. В этом случае люди знали бы своих кандидатов по делам, а не только по листовкам, которыми были обклеены все стены домов; становилась реальной возможность отзыва не оправдавшего доверия депутата; избранные депутаты обладали бы реальной властью, так как за ними стояли бы трудовые коллективы, а не абстрактная «улица». Сочетание территориального и производственного принципов могло бы дать законный механизм согласования интересов территории и предприятия. Однако эта идея была провалена аппаратом бывшего Верховного Совета РСФСР при шумном содействии «демократических сил».

Жизнь все больше убеждает в необходимости чаще и последовательней использовать референдумы, ибо должен существовать круг вопросов государственной жизни, решение которых не может быть передано народом ни одному представительному органу власти. Но еще более важно разработать механизм проведения референдумов на уровне города, района, завода, отдельного дома. Необходимо также первоочередное развитие органов прямой демократии—комитетов территориального самоуправления, рабочего контроля, общества потребителей, экологических групп.

Меры, обеспечивающие экономическую и политическую власть трудящихся, должны дополняться активной социальной политикой. Главным здесь становится борьба за равные стартовые условия, и прежде всего—для молодежи. Сегодня стали модными кооперативные лицеи, «элитные» гимназии; формируется прослойка «золотой молодежи»—одна семья начинает жизнь, имея шикарную квартиру, машину, дачу, солидные счета на сберкнижках, в другой—идет беспросветная борьба за выход из нищеты. Общество теряет на этом не только в социальном, но и в чисто экономическом плане, так как рост дифференциации в среде молодежи затрудняет дорогу в науку, в управление талантливым людям, прежде всего с периферии. Думается, ныне внимание должно быть оказано массовой школе, техническим училищам, и особенно—поиску талантов в рабочих и крестьянских семьях.

Молодежное коммунистическое движение призвано стать действительно самостоятельным, осознанно бороться за право людей с открытыми глазами выбирать свое будущее, участвуя в управлении государством и обществом. Возможность предотвращения грозящей обществу катастрофы видится нам в объединении всех левых сил коммунистического и социалистического выбора.

Игорь МАЛЯРОВ.

Ко всему живому на земле

Капитан Вячеслав САЛОМАТИН

ДОЛГ

Тревожная служба привычна,
Когда — выше жизни подчас! —
Становится близким и личным
Казенное слово «Приказ».

И нет для солдата преграды,
Коль он среди житейских щедрот
Суровую истину «Надо!»
Всем прочим навек предпочтет.

Победа во славу России...
Жестокий, невысказанный труд...
И крылья ее золотые
Не вдруг за спину растут.

НЕОБХОДИМОСТЬ

Испытать все горести на свете.
Пусть тоска. Пусть траурная медь...
Чтобы понимать, как солнце светит,
Должен сам неистово гореть.

Одолеть удачи и невзгоды,
Словно вехи на своем пути,—
Но любовь, как истину, сквозь годы
До вершины жизни донести.

И смириться, как с концом полета,
С тем, что равно, сути не тая,
Первый и последний для кого-то
Каждый миг земного бытия.

И забыть про корысть и усталость,
Чтобы в непроглядной вещи мгле
Ощутить пронзительную жалость
Ко всему живому на земле.

ПРОЩАНИЕ «СЛАВЯНКИ»

Проснулся город спозаранку,
Когда мы шли по мостовой
И марш «Прощание славянки»
Играл оркестр духовой.
Нас жизнь вводила по порядку
В казармы, а порой—в палатки.
И снилось часто нам чуть свет,
Как мамы плакали украдкой
И как рукой махали вслед.

ПОЭЗИЯ

Горело знамя полковое
 Нетленным кумачом побед.
 Мы добывали славу боем.
 Мы шли к заветной цели строем.
 И марши нам гремели вслед.
 Нас на расвете поднимали,
 Водили средь песка и льдин,
 Чтоб наши мамы ожидали
 Уже не мальчиков—мужчин.

ЛЕЙТЕНАНТ

Еще надлежит мне поверить
 В любовь—что навечно она,
 И жизнью своею измерить
 Дороги солдата сполна.
 Покуда свинцовая заметь
 Мне волосы не обмела
 И скорбной звездой моя память
 Над смертью друзей не взошла.
 А все же тревог было вволю,
 И пота мной пролито всласть
 За то, чтоб солдатская доля,
 Как форма, мне впору пришлась.
 И ветром, и зноем сушило.
 Совсем не за так для меня
 Открылась вся страшная сила
 Разящего насмерть огня.
 И ныне так жарко бывает...
 Но тает в глазах моих страх.
 Но стойкость, как соль, выступает
 В скупых и суровых словах.

БЫЛЬ

Солдат качает грустной головой.
 Он лишь до первой утренней зарницы
 Пришел домой,
 Чтоб матери присниться,
 А утром вновь уйти
 В последний бой.
 Но сердце изболевшее,
 До точки
 Дойдя, остановилось.
 И тогда
 Уснула мать навечно...
 Чтоб с сыночком
 Уже не разлучаться никогда.

ПАМЯТНИК

Бой утих. Но злой осколок взрезал
 Воздух—
 И на бруствер я упал...
 Смерть явилась в толике железа,
 А теперь я весь железным стал.
 Ведь железо
 Свойством накапливаться
 Обладает всюду и во всем...

О, как тяжко памятником зваться!—
 Ни вздохнуть, ни повести плечом.
 Нет, я не подобье человека,
 Если, от живых тоску тая,
 Вторит грозным потрясеньем века
 Каждый пуд чугунного литья.
 Надо мною лет седая заметь.
 Но несут цветы к стопам моим.
 Памятник рожден от слова

«память»,

А она присуща всем живым.
 И как только вспыхивают грозы,
 Пахнущие гарью и свинцом,
 То ли частый дождик, то ли слезы
 Льются по моим щекам тайком...

ЧУДАК

С цепи не рвался.
 По ночам не выл.
 Начхал, как видно,
 На собачьи святцы...
 И как его приятель ни учил—
 Он ни в какую не желал кусаться.
 И хоть страдал от простоты своей,
 Не делал исключения из правил:
 Как бы назло сородичам—людей
 От всей души ни разу не облаял.
 Но морда пса сияла за версту
 Такой счастливой и спокойной
 Силой,
 Что мнилось: всю собачью доброту
 Природа в его сердце поместила.
 Недаром пес любимцем детским
 Стал.
 Он—стойко все перенося побои—
 В хозяйский сад
 Детишек пропуская...
 За их любовь
 Быть битым, право, стоит.

ИЩИТЕ... МУЖЧИНУ

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ О ДВИЖЕНИИ СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ

«Ищите женщину», — говаривали французы, и они знали, что говорят: ни одна политическая интрига не обходилась без их оборожительного участия ни во времена храброго д'Артаньяна, ни теперь, в эпоху сплошной эмансипации. Но искать все труднее. Верховные Советы дружно и с обидой в голосе констатируют, прямо скажем, невысокую политическую активность депутатов, станочниц и домохозяек. В сладкой дреме уплывают в забвение со всеобщим размахом созданные по половому признаку советы. А тем временем ширится и набирает силу действительно перспективное и жизнеспособное, без пяти минут массовое и почти уже авторитетное движение — движение солдатских матерей.

Основанное не на абстрактных, во многом далеких от реальной жизни идеях женского равноправия (или превосходства?), а на свягом чувстве материнской любви, древнем инстинкте продолжения рода, тревоге и страхе за судьбу ребенка, оно способно в считанные дни собрать под свои знамена всю лучшую половину взрослого населения страны, ведь вступить в организацию солдатских матерей может каждая женщина, сын которой служил, служит или будет служить в армии.

Чего же добиваются солдатские матери?

Судите сами. На учредительном съезде солдатских матерей Украины, состоявшемся этой осенью в Запорожье, и доклад председателя оргкомитета съезда Л. Трухмановой, и многие выступления носили деструктивный антиармейский и сепаратистский характер. Основной их мотив: юноши Украины должны служить в пределах республики в собственных вооруженных силах. Советскую Армию, внутренние войска некоторые ораторы (ораторши?) пытались выставить в неприглядном свете — и антинародные они, и оккупационные, и правда не имеют существовать в нынешнем виде.

На съезд их привело беспокойство о судьбе своих сыновей, желание гарантировать им жизнь, здоровье, достойные чело-

века условия службы. Вера-Алексеевна Яскула хочет помочь сыну Валерию получить новое хлопчатобумажное обмундирование — с ноября прошлого года он ходит в старом. Маргарита Петровна Донец, сын которой Андрей после самовольного оставления части переведен в другой город, просила переслать ему к новому месту службы военный билет и удостоверение на право управления автомобилем. Лидия Васильевна Балагура решила напомнить своему Михаилу, что мать долго и безуспешно ждет от него писем.

Иными словами, пожелания каждой матери предельно конкретны. Однако нашлись мужчины (если уместно это слово), которым хотелось (и до сих пор хочется!) поставить благородные материнские порывы на службу своекорыстным интересам. И делается это очень просто: справедливые требования мастерски вплетаются в одну фазу с сомнительными, более того — заведомо невыполнимыми.

Добиваясь, например, перевода Вооруженных Сил на профессиональную основу, соблюдения прав военнослужащих, укрепления порядка и дисциплины (а кто против?), они в то же время требуют деполитизировать армию. Иными словами, разрушить какой-никакой механизм социальной защиты военнослужащих.

Совершенно обоснованные требования уравнивать в правах матерей и близких погибших в мирное время военнослужащих с родителями и членами семей погибших в Афганистане, распространить льготы гражданских «ликвидаторов» на воинов, участвовавших в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, соседствуют, например, с требованием предусмотреть в законе о Вооруженных Силах Украины... личную уголовную ответственность офицеров и командиров за казарменное хулиганство... Неужто мало избивали командиров за честный доклад о происшествии? Разве не породила подобная практика целую систему укрывательства всего негативного? Кому-то захотелось лейтенантской крови?

Вопору создавать союз офицерских матерей для разговора на равных, если солдатские матери не верят компетентным специалистам в погонах.

И потом, разве мало у нас невосребованных, неисполнявшихся законов, чтобы плодить новые?

Не добавит дисциплины и порядка и требование ликвидировать как ведомственный анахронизм институт военной прокуратуры и военных трибуналов, передав их функции территориальным следственным органам, прокуратуре, судам. У нас что, избыток квалифицированных юристов? Или гражданские судьи и прокуроры изнывают от безделья? А взвали на них еще многочисленные дела о казарменном хулиганстве, уклонении от службы, оставлении частей — и отечественная мафия может спать спокойно: в ее сторону следователям даже глянуть некогда будет. Другое дело, что для гарантии непредвзятого разбирательства неплохо бы по желанию потерпевшего разрешить передавать в гражданский суд отдельные дела, подсудные военному трибуналу.

Переход к профессиональной армии авторы резолюции съезда тесно увязали с принципом добровольного призыва в войска КГБ и МВД с осени текущего года. Вообразим на минуту, что не нашлось желающих за триста-четыреста рублей в месяц охранять убийц и насильников в исправительно-трудовых колониях. Ошибаются те, кто полагает, что это проблема министра внутренних дел — это наша общая проблема. Специалистам известны цифры, да и граждане не только по статистическим сводкам ощутили всплеск преступности после поспешной, не до конца продуманной амнистии. А ну разбегутся оставшиеся? Избравшие альтернативную, трудовую службу парни, уверенные, что благополучно избежали неприятностей, огказавшись от призыва во внутренние войска, будут гибнуть на городских улицах, в парках и на порогах собственных домов от рук распоясавшихся преступников. И хотите стучите по дереву, хотите плюйте через левое плечо положенное число раз — не заклинания, а полнокровные войска нужны для надежной изоляции преступников от общества.

Вдруг появились у солдатских матерей и другие, уже не столько военные, сколько политические цели. Деятельность организа-

ции направлена на учреждение Министерством обороны Украины, назначение министром гражданского лица из числа рекомендованных ею. Тема отдельного разговора, насколько удачен принцип подбора министра обороны матерями солдат. Речь о другом — организация солдатских матерей Украины добивается контроля за формированиями КГБ и МВД, собирается иметь свой счет в банке, печать (штемпель), помещения, необходимый транспорт, технический персонал, членские взносы...

Смекаете?

Многого можно достичь, если опереться на женщин — ослепленных тревогой за детей, падких на участливое слово и безоговорочно доверчивых, на все готовых ради жизни, здоровья и счастья своих сыновей. Они хотят видеть сына каждый день и не задумываются, каково стеречь одноклассника или сверстника-соседа, который вместо военной формы совершенно заслуженно носит темно-синюю или, того хуже, полусагаю робу осужденного. Сомнительное это благо — служить в родном городе, если служить во внутренних войсках...

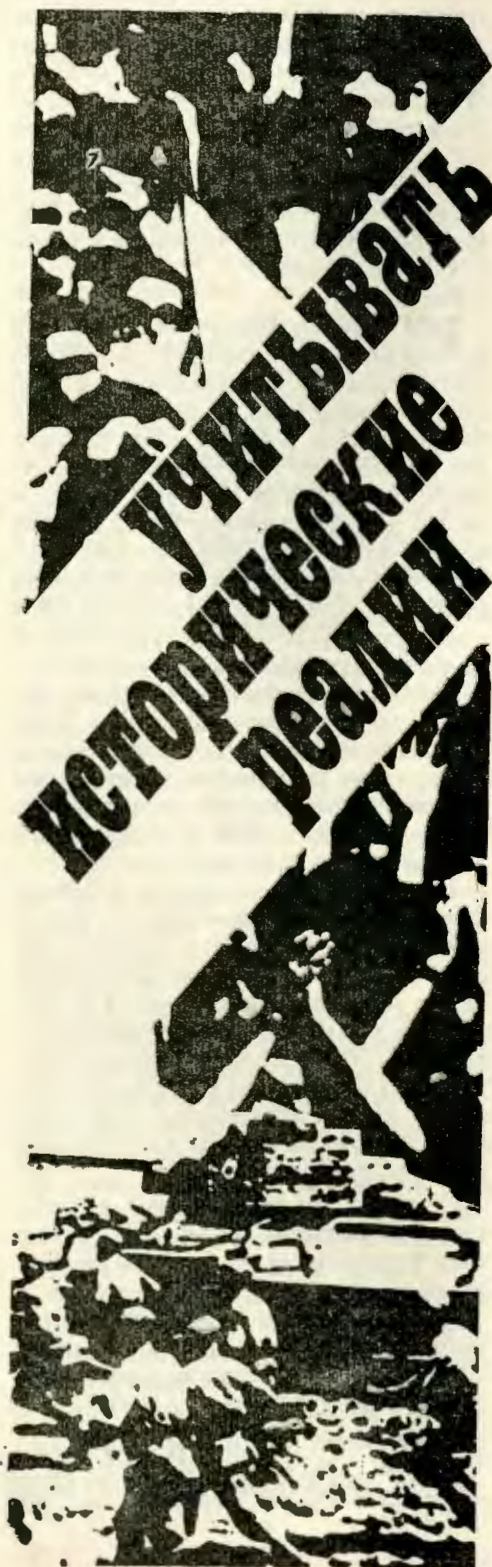
Хорошо, что на украинском съезде здравый смысл возобладал над эмоциями. Поняли солдатские матери: нельзя отгораживаться стеной презрения от представителей Советской Армии и внутренних войск — именно от них зависит разрешение многих конкретных вопросов.

Увы, по-другому развивались события в Москве, на съезде, претендовавшем на ранг всесоюзного. Организаторам этого мероприятия — деятелям «Щита» — удалось разбудить горе матерей, чьи сыновья не вернулись с афганской войны, и направить несчастных против кадровых военных. Вместо заботы о женщинах, переживших собственных детей, профессиональные политиканы используют их боль для удовлетворения своих честолюбивых амбиций.

Движение солдатских матерей — перспективное движение. Непререкаем материнский авторитет для солдата. Значит, надо искать пути и возможности для плодотворного сотрудничества с организациями солдатских матерей всех уровней. Чтобы не мучили воду позавчерашние «отцы-командиры», срочно подавшиеся в матери.

И. ДЖЕРГОВИЧ,
мать солдата внутренних войск.

Иван СТАДНЮК

СЕГОДНЯ мы пришли к пониманию, что существовать и творить только с прежним видением мира нельзя. Нужны обновленная духовная атмосфера, иные аспекты понимания наполняющих жизнь событий и уточненные оценки нашей роли в современном историческом процессе. Все это верно. Никакой трагедии в том нет, ибо мы вступили в новую эпоху развития общества. Однако в это сложное время находятся у нас и такие силы, которые стараются превратить диалектическое развитие общества в социальный конфликт, в размежевание народов, возвращают плеveled зла, неверия и противостояния. Если мы не опомнимся, не настроимся на взаимопонимание, то в ближайшем завтра конфронтация застелет нам глаза на действительность. И я полагаю, что история, историческая наука сейчас могут сыграть колоссальную роль в том, чтобы мы удержались на верных позициях, при этом памятуя, что историю переделать невозможно. События имели место—конкретные, обусловленные какими-то обстоятельствами, связанные с конкретными личностями, и мы и не имеем права смотреть на них ни через увеличительное стекло, ни, наоборот, в бинокль с обратной стороны. Например, если я в своих книгах буду заставлять героев 1941 года мыслить категориями сегодняшнего дня, мне ни один читатель не поверит. Да и у меня не появится то чувство, то состояние творчества, без которого за письменным столом писателю делать нечего. Но и понимание проблем нынешних должно во мне, как и у каждого пишущего, присутствовать.

В развитии литературы о войне и армии, пожалуй, большую роль, чем критика, сыграли мемуарные произведения наших прославленных полководцев. Одно время они, эти произведения, заметно потеснили наши романы и повести в читательском спросе. Это заставило многих писателей кинуться в архивы, искать встреч с полководцами, чтобы раздвинуть свое видение войны, свое понимание психологии военачальников на разных этапах их боевой деятельности. И это дало свои плоды: появились объемные по содержанию книги, в которых писатели перешагнули границы пережитого ими и виденного на войне. Не погрешу против истины, если скажу, что в этом смысле первым преподал нам урок своими романами Александр Чаковский.

Похвально и то, что многие писатели целиком посвятили свои произведения конкретным полководцам. Я имею в виду документальные книги о Петрове и Жукове

Владимира Карпова, о Черняховском Акра-
ма Шарипова, о Лукине Виктора Мурато-
ва и Юлии Городецкой, Ларисы Василье-
вой «Книга об отце», ряд других книг.
Можно соглашаться или не соглашаться со
всеми концепциями и толкованиями собы-
тий в этих книгах, но их авторы делают
полезное, благородное дело.

В последние годы в литературе о войне
первенство держит публицистика—печатная
и звучащая за «круглыми столами» и по-
радно. В ней много противоречивостей,
предвзятостей, безразличия к подлинности
исторических событий и их участникам. Я
уже говорил об этом со страниц «Военно-
исторического журнала». Случается, что,
когда я читаю некоторые публикации о вой-
не, о нашей военной истории, мне, как че-
ловеку, прошедшему всю войну от начала
до конца, кажется, что у меня начинается
бред, что-то я не так понимаю.

Не беру на себя смелость судить о рас-
становке сил в партии при Ленине, после
его смерти и в те годы, когда партию воз-
главлял Сталин. Я и мои сверстники обу-
чались по учебникам, которые предоставля-
ла нам партия, верили, что постигаем прав-
ду. А теперь говорят, что это была неправ-
да. Неправда отравила нас, как иным ка-
жется, необратимо, и мы уже зачислены в
покойники. Во всяком случае находятся из-
датели, которые вопреки читательскому
спросу уже исключают наши книги из изда-
тельских планов.

Сейчас перед писателями встают задачи
не только сугубо литературные. Создавая
новые произведения, мы должны восстанав-
ливать историческую правду. Свежие вет-
ры перестройки помогают нам наполнять
паруса истины. А истина всегда мстит за
насилие над собой. Насильников над исти-
ной немало. Находятся приспособленцы и
перевертыши, ищущие в карете времени ме-
ста на передних сиденьях.

Я напомню некоторые исторические со-
бытия, а вы мысленно переключайте от
них мостки в сегодняшний день и задавай-
те себе вопросы.

Уже никому не надо доказывать, что Гит-
лер, замыслив поход против Советского
Союза, намеревался осуществить его при
участии Англии, Польши и других госу-
дарств. Но не сумел сторговаться с ними
и уже 3 апреля 1939 года принял решение
начать войну против Польши не позднее
1 сентября.

Напомню, что, подписывая договор с
Германией о ненападении, Сталин реши-
тельно вычеркнул предложенную немецкой
стороной преамбулу, где говорилось о дру-
жбе. Что же касается договора от 28 сен-
тября 1939 года о дружбе и границе и
подписания секретных протоколов, то такое
сообщение наших ученых лично для меня
оказалось полной неожиданностью. Тем бо-
лее что был убежден, как убежден и сей-
час: договор с Германией о ненападении
был в условиях тайно созревшей военной

антисоветской коалиции вынужденной и
единственной для СССР мерой, хотя и по-
сле подписания этого договора Сталин, ис-
пользуя разные каналы, пытался возобно-
вить военные переговоры с Лондоном и
Парижем, назначив даже и срок: 30 авгу-
ста.

К чему я утомляю читателя размышле-
ниями о столь отдаленных временах? Дело
в том, что иные политики и историки пред-
взято вплетают их сейчас в события, про-
исходящие в Прибалтийских республиках,
судьба которых для нас далеко не безраз-
лична.

И ТАК, мы не можем не признать,
что подписанием советско-герман-
ского договора о ненападении
был на время положен предел
германскому продвижению на во-
сток и что секретные протоколы этого до-
говора защищали Прибалтийские госуда-
рства от немедленного немецкого вторжения
на их территории.

Но нельзя не согласиться и с тем, что
события лета 1940 года, когда происходи-
ло присоединение к СССР Прибалтийских
республик по просьбе их правительств, яв-
лялись прямым следствием заключения со-
ветско-германского договора о ненападении.

Правда, есть и иные толкования, основан-
ные на документах. Любопытно обратиться
к тому, что писал о тех событиях доктор
исторических наук профессор Вильнюсского
университета Робертас Жюгжда (Советская
Россия, 24 августа 1988 г.):

«14 августа германский посол в Москве
Ф. Шуленбург по поручению Риббентропа
передал Советскому правительству, что Гер-
мания не имеет агрессивных намерений
против СССР и что между обеими страна-
ми на всем протяжении между Балтийским
и Черным морями нет таких вопросов, ко-
торые нельзя было бы урегулировать мир-
ным путем, будь то вопросы о Балтийском
море, Прибалтийских странах, Клайпедо,
Юго-Восточной Европе и т. д. 16 августа
Риббентроп поручил ему же срочно сооб-
щить Молотову, что Германия согласна за-
ключить с СССР договор о ненападении, га-
рантируя при этом суверенитет Прибалтий-
ских стран, и обещает повлиять на Японию
для улучшения ее отношений с СССР.»

Продолжаю цитировать профессора Жюг-
жду: «В отчете старшего пилота самолета,
на котором Риббентроп летел в Москву,
имеется следующая запись:

«Поскольку мы шли на посадку с выклю-
ченными моторами, я услышал, как Риббе-
нтроп говорил сопровождавшим его совет-
никам: «Партия, которую нам придется сы-
грать, обещает быть трудной. Нужно
усыпить недоверие советских руководителей
—завтра, как и сегодня, они останутся на-
шими врагами. Придет время—и свастика
заполочется здесь на месте серпа и молота».
И далее: «Участвовавший в перегово-
рах руководитель юридического департа-
мента министерства иностранных дел Гер-

манни Ф. Гаус свидетельствовал, что и для СССР цели гитлеровцев тайной не были: встречу с В. Молотовым, писал он, «Риббентроп хотел начать с долгой пространной речи и сказал, что «дух братства, который связывал русский и немецкий народы...» Молотов его оборвал: «Между нами не может быть братства, если хотите, поговорим о цифрах».

В своем письме Гитлеру Риббентроп сообщил, что появившийся в этот момент И. Сталин, отвечая на его вопрос, заявил: «Не может быть нейтралитета с нашей стороны, пока вы сами не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР». Затем он уточнил: «Мы не забываем того, что вашей конечной целью является нападение на нас».

Не понимаю, мог ли после таких заявлений появиться договор от 28 сентября о дружбе с Германией, оригинал которого до сих пор не обнаружен? Тем более, что именно 28 сентября 1939 года правительство СССР подписало договор с правительством Эстонии о вводе и размещении советских войск на ее территории.

Цитирую заключение по этому поводу кандидата исторических наук Юрия Емельянова (см. Советская Россия от 6 августа 1989 г.):

«Никаких сомнений в законном характере этих международных документов не было и нет. Они были подписаны полномочными представителями соответствующих правительств и ратифицированы парламентами четырех стран.

Условия советско-литовского договора 1939 года предусматривали передачу города Вильнюса (Вильно) и прилегающего района под суверенитет Литвы. В этой связи уместно заметить, что, сокрушаясь по поводу аморальных разделов «малых» стран, происходивших в те годы, некоторые исследователи забывают упомянуть о той роли, которую сыграли в этом разделе тогдашние правительства их стран».

«Если рассматривать изменения в советской западной Государственной границе после 23 августа 1939 года как следствие незаконного договора, то автоматически результатом отказа от договора 1939 года должно быть восстановление советской западной границы на момент 23 августа 1939 года. Это будет означать утрату советского суверенитета над тремя Прибалтийскими республиками, западными областями Украины и Белоруссии, Северной Буковины и Молдавии, северной части Ленинградской области (Карельский перешеек и северный берег Ладожского озера) и части Карельской АССР.

Далее. Автоматическое восстановление границ Прибалтийских республик, существовавших до подписания договора 23 августа 1939 года, означало бы передачу Вильнюса (Вильно) и Виленского района Польше. Встал бы вопрос и о статусе Клайпеды и прилегающего к ней района.

Это позволяет поставить под сомнение законность пребывания на землях Прибалтики и других западных территориях миллионов советских граждан, переселившихся туда после 1939 года.

И следовало бы вернуть в Прибалтику сотни тысяч немецких граждан или их потомков, покинувших три республики в 1939—1940 годах и после 1944 года, позаботиться о возвращении собственности этих лиц или ее материальной компенсации».

ПОНИМАЮ, что, прикасаясь к этим проблемам, я, возможно, создаю политическую неловкость. Но коль гласность стала законом нашей жизни, то не будем закрывать глаза на правду. Тем более, в боях за освобождение Прибалтийских республик от немецких оккупантов сложили головы сотни тысяч советских воинов, чьи могилы сейчас подвергаются там осквернению. А сколько союзных средств вложено в Прибалтийские республики для ликвидации разрухи как следствия войны?

Полагаю, что все мы не против того, чтобы республики Прибалтики были сами кузнецами своей дальнейшей судьбы, но при рассмотрении проблем 1939 года надо учитывать подлинные исторические реалии. По поводу событий 1939 года очень точно высказался в свое время М. С. Горбачев.

«Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении, не было лучшим. Возможно, и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени. И в этих условиях вопрос стоял примерно так же, как во время Брестского мира: быть или не быть нашей стране независимой, быть или не быть социализму на Земле» (Правда, 1 сентября 1988 г.).

Однако странно, что позже эту точку зрения иные теоретики стали истолковывать в другом контексте. Поставив под сомнение необходимость и правомерность советско-германского договора от 23 августа 1939 г., некоторые наши печатные органы и «круглые столы» развернули атаки на нашу Победу в Великой Отечественной войне и на наши Вооруженные Силы.

Много ломается критических копий по поводу причин наших поражений в приграничных боях летом 1941 года.

Ставится вопрос: почему войска западных округов получили приказ о боевой готовности с опозданием, а с началом войны план прикрытия был введен не в полном объеме нужных мер. Отдельные ученые отвечают однозначно: Сталин, мол, виноват в том, что мы встретили агрессию гитлеровской Германии неподготовленными.

Сталин, разумеется, виноват во многом. Но был бы он виноват меньше, если бы последовал советам, дающимся задним числом иными кабинетными стратегами?

Которые, кстати, не нюхали военного пороха или видели самые трудные периоды войны с курсов переподготовки.

Один из них писал: «...по крайней мере за месяц до начала войны надо было объявить мобилизацию. Надо было привести в состояние полной боевой готовности наши войска в западных округах...» (Книжное обозрение, 19.2.89 г.).

Смею утверждать, что если бы преждевременно была объявлена мобилизация, война стала бы реальностью немедленно, наши подтянутые к границам резервы стали бы легкой наживой врага, а Советский Союз перед всем миром оказался бы агрессором, чего и добивался Гитлер до последней минуты вторжения его войск на территорию СССР. Утверждение же, что войска не были в боевой готовности, не соответствует действительности. Верно, они были развернуты не на боевых рубежах, что тоже диктовалось осторожностью, которая, к сожалению, оказалась чрезмерной.

Я много занимался изучением причин этой осторожности, принесшей нам большие потери войск, техники и военных складов. Назову эти причины, хотя не утверждаю, что они полностью оправдывают случившееся.

Не только боязнь провокации сдерживала советское руководство от решительных действий, а, главное, открытые акции Гитлера склонили Англию к совместному походу против СССР, и поведение английского правительства, не отклонявшего этих попыток. Сие наиболее ярко выразилось в том, что еще 10 мая 1941 года в Англию прилетел заместитель Гитлера по нацистской партии Рудольф Гесс якобы по приглашению фашистски настроенного лорда Ланга Гамильтона, приближенного английского короля Георга VI. Наша разведка донесла, что Гесс ведет переговоры с представителями английского правительства. О чем переговоры? Тут сомнений не было ни у Сталина, ни у Молотова, тем более что стало известным (опять же по каналам нашей разведки): инициатива полета Гесса в Англию принадлежала английской разведке Интелидженс сервис, которая от имени лорда Гамильтона послала Гессу дружественные письма и заманила его в Англию.

СИТУАЦИЯ становилась критической, ибо Англия, как стало ясно, по своей воле пошла на сговор с Гитлером. Наш закордонный агент сообщил в Москву о том, что Гесс предложил представителям английского правительства заключить мир с Германией на условиях (цитирую документ):

«...признать германские колонии в Африке, узаконить германское господство в некоторых других районах и признать захватнические претензии фашистской Италии».

Но еще раньше стало известно советской разведке и о тайных антисоветских переговорах англичан с немцами по смежным каналам. Эти переговоры велись еще накануне вступления Англии во вторую мировую войну. Источником такой информации стал британский посланник на Кубе Джордж Оджилви Форбес, в прошлом советник английского посольства в Берлине (об этом уже писалось в советской печати).

За несколько дней до нападения гитлеровских войск на Польшу, о сроках которого хорошо было известно английскому правительству, с Форбесом связался человек, назвавшийся шведом Далерусом. Швед сообщил Форбесу, что имеет поручение наладить переговоры между представителями правящих кругов Англии и Гитлером, как самым приближенным лицом Гитлера. Переговоры велись на берлинской квартире Далеруса. Последний на своем личном самолете ежедневно летал из Берлина в Лондон, докладывая там о результатах переговоров и возвращаясь с ответами английского правительства Гитлеру, как сообщил наш разведчик, уже был готов «поладить с англичанами, но переговоры сорвались из-за его непримиримости в вопросе о Польше».

Но главное все-таки состояло в том, что Англия искала пути сближения с Германией, имея в виду общий военный поход против СССР. И это не могло не тревожить советских руководителей, понимавших, что если Англия выступит вместе с Германией против СССР, то немедленно нападут на советские границы Япония, Турция и многие другие страны капиталистического мира.

Но и это еще не все. Есть и другие обстоятельства, от которых наши ученые мужи не имеют права отмахиваться, оценивая военно-политическую ситуацию Советского Союза, в которой он оказался в канун агрессии против него Германии.

Да, Сталин действительно допустил ошибку, навязав Высшему Военному Совету страны точку зрения, что гитлеровское командование, если решится на войну с нами, изберет главным направлением для действий своих войск Украину—Донбасс.

Но он понимал: в 1941 году созрела такая ситуация, что, сделав Советский Союз один неосторожный шаг, и он окажется один на один с объединенными вооруженными силами мирового империализма во главе с Германией. Гитлер и Черчилль были «законодателями» в мировой политике того времени. Стояла невероятно трудная задача—не дать им сговориться, не позволить фашистам подтвердить чем-либо агрессивность Советского Союза. Парадокс и трагичность положения заключались в том, что перед лицом мирового общественного мнения Советский Союз не имел другого выбора, кроме как выжидательной позиции. Ведь даже одна Германия, ее союзни-

ки и оккупированные ею страны превосходили СССР силами, вооружением и экономическим потенциалом настолько, что невозможно было в 1941 году представить себе, как развернется противоборство на случай агрессии против Советского Союза. Ссылаюсь на документ с цифровыми данными:

«Германия, ее союзники и оккупированные ею страны имели население 283 миллиона человек, СССР — 194 миллиона человек. Электроэнергии Германия выдавала 110 миллиардов киловатт-часов в год, СССР — около 49-ти. Стали — 43,6 миллиона тонн, СССР — 18,3. Угля — 348 миллионов тонн, СССР — 165».

Вдумайтесь только в эти цифры! Немцы перед нападением на СССР, оснащая свою армию вооружением и запасами, взяли их у 30 чехословацких дивизий! Еще за год до этого они вывезли в Германию вооружение 6 норвежских, 12 английских, 18 голландских, 22 бельгийских и 92 французских дивизий!..

На базе трофейного транспорта, особенно за счет французских машин, гитлеровцы сформировали 90 своих дивизий!»

А сейчас мы удивляемся, почему своевременно не были развернуты и не приведены в боевое состояние наши войска вдоль западных границ. Конечно, надо было развернуть их хотя бы за сутки перед началом агрессии. Более того, следовало держать главные силы, как предлагали это Жуков и Шапошников, на старых границах с Польшей. Но нельзя нам быть столь категоричными в суждениях о ситуации 1941 года и в оценках его событий. Ведь сейчас ясно, что, сложись для нас ситуация более благоприятно, то есть, если бы нам удалось, как планировалось по лозунгам Ворошилова, отбросить агрессоров и ворваться в Европу, против нас немедленно организовалась бы могучая коалиция империалистических государств.

И ЛИ вспомните, как мы печались, когда немецким генералам и офицерам-заговорщикам не удалось покушение на Гитлера 20 июля 1944 года. Но мы не знали тогда, что в этот же день заговорщики пригласили парижские аэродромы для принятия английских воздушных эскадр с десантниками. Готовился сепаратный мир между Германией и Англией. Во что бы он вылился для нас?

Или можно ли позабыть о семи телеграммах Кейтеля от своего имени, имени Гитлера и Геринга, адресованных Эйзенхауэру и Монтермери во время штурма Красной Армией Берлина? В тех телеграммах фашисты просили наших союзников остановить на Западе свои войска на 100 дней, дав возможность бросить оттуда немецкие дивизии против Красной Армии и уничтожить ее между Эльбой и Одером.

Только дальновидная политика советских руководителей, подписавших Ялтинское со-

глашение, в котором были наши обязательства вступить после Победы в войну с Японией, связывала руки Англии и Америки. Они, конечно же, не радовались появлению Красной Армии в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Как все было сложно, тяжело и страшно. Так что не будем утверждать, как это делают некоторые ученые и публицисты, а за ними другие «правдолюбцы», будто мы победили в войне «...не благодаря, а вопреки Сталину». Мы победили благодаря советскому народу, советскому строю, Коммунистической партии, в которой состоял и Сталин в качестве Генерального секретаря.

Если следовать законам марксистско-ленинского историзма, то мы должны продолжать исследование в художественной литературе, как жили, трудились, боролись и во что верили миллионы людей, как чередовались или соединялись победы и неудачи, достижения и ошибки, светлое и трагическое, революционный энтузиазм масс и нарушения социалистической законности. Что же касается деятельности Сталина, то она четко определена в постановлении ЦК партии в 1956 году о преодолении культа личности и его последствий.

Перед нами стоят задачи овладеть новым политическим мышлением, дабы поставить литературу на службу стоящих перед народом и армией проблем, связанных с перестройкой в нашем государстве и экологического равновесия на планете.

Но при этом мы не должны терять бдительности, не должны закрывать глаза на то, что на отдельных участках нашей идеологии, исторической науки под лозунгом борьбы со сталинизмом идет уничижительный для нас пересмотр итогов Великой Отечественной войны под торжественные литавры реакционных сил буржуазного мира. Нашлись в нашей стране, нашей партии люди, взявшие на вооружение ложь, фальсификацию, тенденциозные суждения наших идейных противников. Сошлюсь на примеры, возможно, не новые.

Верно, что одной из причин наших неудач, особенно в первый период войны, явилось отсутствие в нужном количестве опытных командных кадров. Отрывать это невозможно и не нужно, тем более что имели место жестокие репрессии в 1937—39 гг. Но вдумайтесь в механику подтасовок, которая делается по этому поводу. Газета «Социалистическая индустрия» 14 мая 1988 г. (автор А. Жильченко) писала:

«Только военных, как говорил в свое время маршал Р. Малиновский, в предвоенные годы была репрессировано 300 тысяч человек. Красная Армия по существу осталась без командного состава». Не правда ли, ужасная цифра? Но это полный абсурд, ибо численность всего командного состава Красной Армии в 1937—1938 гг., как свидетельствуют документы, составляла 130—140 тысяч человек.

ВЫСОКИЕ ЗАРАБОТКИ

ГАРАНТИРУЕТ до 550 рублей в зависимости от квалификации и избранной профессии
Московский метрополитен им. В. И. Ленина

**НАШ АДРЕС: 129110, г. МОСКВА,
ПРОСПЕКТ МИРА, 41.
ТЕЛ.: 288-04-43, 288-05-79,
288-06-77, 288-08-85.**

На работу приглашаются: слесари, водители, станочники, монтеры пути, электромонтеры, тоннельные рабочие, сантехники, сварщики, строители, помощники машинистов и машинисты электропоездов. Желающие могут пройти курс обучения непосредственно на рабочем месте или в технической школе метрополитена.

Став работником подземных магистралей, вы не только обеспечите достаток и благополучие себе и своей семье. Достичь этой цели вам помогут различные льготы. В их числе:

- выплата вознаграждения по итогам работы за год и за выслугу лет после года работы;
- бесплатный проезд до метрополитена и на пригородных поездах;
- ежегодный бесплатный проезд в любой конец СССР;

— выдача бесплатной форменной одежды работникам, связанным с обслуживанием пассажиров;

— бесплатное питание работникам ночных смен и рабочим с тяжелыми условиями труда;

— денежные начисления на годовую заработок с учетом непрерывного стажа работы на метрополитене;

— дополнительные ежегодные оплачиваемые отпуска после двух лет непрерывной работы.

Метрополитен имеет детские сады, ясли, профилактории, пионерские лагеря, туристскую базу, стадион, санаторий в Крыму.

Не упускайте великолепной возможности удачно устроить свою судьбу в трудный период перехода к рыночной экономике. Метрополитен ждет воинов запаса, имеющих прописку в Москве и Московской области.

ЕСТЬ ШАНС

ПОЛУЧИТЬ ИНТЕРЕСНУЮ,
ПЕРСПЕКТИВНУЮ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ.
НЕ ПУСТУЙТЕ ЕГО!
В ЗАПАС НА НОВОВЯТСКИЙ
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД

На живописном берегу Вятки высятся производственные корпуса механического завода. Это современное машиностроительное предприятие, уверенно идущее в ногу с научно-техническим прогрессом. Разнообразные выпускаемой продукции, в ее числе электроплита «Электра», которая изготавливается по итальянской технологии, обуславливает широчайший диапазон профессий.

Предприятию требуются специалисты в области электроники и автоматики, слесари по ремонту оборудования, слесари-инструментальщики, слесари-сборщики, токари, фрезеровщики, штамповщики. Лица, не имеющие специальностей, обучаются без отрыва от производства.

Принятием на работу предоставляются места (семейным — комнаты) в заводских общежитиях. МЖК предприятия поможет вам быстро решить проблему с получением квартиры. При заключении трудового договора выплачиваются подъемные в размере 300 рублей.

Завод располагает хорошо развитой производственной и социальной базой.

Вои, если ты еще не решил, куда пойти работать после увольнения в запас, оставь свой выбор на Нововятском механическом заводе. Не ошибешься!

НАШ АДРЕС: 610008, г. КИРОВ,
НОВОВЯТСКИЙ р-н,
ул. ОРДЖОНИКИДЗЕ, 19,
ОТДЕЛ КАДРОВ. ТЕЛ.: 9-60-00,
9-61-71, 9-63-87, 9-62-26.

ЕСТЬ ШАНС

ПРЕСТИЖНО

Автозавод «Коммунар» — крупнейшее в стране предприятие по выпуску микролитражных автомобилей «Запорожец» и «Таврия» — приглашает воинов, заканчивающих службу, на работу по специальностям: токарь, фрезеровщик, слесарь-инструментальщик, слесарь механосборочных работ, электрогазосварщик, электрник, станочник, оператор станков с ЧПУ, наладчик агрегатных станков, наладчик автоматических линий и др. Есть условия для обучения без отрыва от производства.

АВТОМОБИЛЕСТРОИТЕЛЬ — ЭТО ПРЕСТИЖНО

так считают во всем мире. Хотите убедиться? Тогда, не теряя времени, заключайте договор с руководством автомобильного завода «Коммунар» производственного объединения «АвтоЗАЗ»

К услугам работников предприятия — здравницы, базы отдыха, современный спортивный комплекс, Дом культуры, общежития.

Непрерывно улучшаются жилищные условия заводчан.

Налажено обеспечение дефицитными товарами. Имеющие стаж работы более двух лет могут приобрести автомобиль прямо на заводе.

Добро пожаловать на «Коммунар»!

НАШ АДРЕС: 330600,
г. ЗАПОРОЖЬЕ,
ПРОСПЕКТ ЛЕНИНА, 8,
ОТДЕЛ КАДРОВ.

ПРЕСТИЖНО

Вместе с первой зарплатой рабочие получают аванс в сумме 300 рублей, а при наличии высокой квалификации — 500 рублей. К первому отпуску выплачивается денежное пособие в размере 200—300 рублей.

При создании семьи в течение двух лет работы выдается возвратная ссуда до 500 рублей с рассрочкой выплаты на 2 года. Молодожены могут приобрести через фирменный магазин-салон два наименования предметов домашнего обихода повышенного спроса за наличные деньги или оформить оплату в кредит.

Семейным, при трудоустройстве на завод обонх супругов, места для детей в дошкольных учреждениях предоставляются вне очереди.

Объединение имеет прекрасную спортивную базу, санаторий - профилакторий, несколько баз отдыха. Ведется большое жилищное строительство. Одиноким предоставляются места в общежитиях.

Дорогие воины, устраивайтесь после увольнения в запас на работу в КЭМПО им. Лепсе. Завод приглашает станочников, слесарей-инструментальщиков, строителей всех специальностей, специалистов в области электроники и наладчиков станков с ЧПУ.

Добро пожаловать!

для бывших воинов предусмотрены
на Кировском электромашинно-
строительном производственном
объединении им. Лепсе

НАШ АДРЕС: 610006, г. КИРОВ,
ОКтябрьский проспект, 24,
ОТДЕЛ КАДРОВ.

Большиние льготы
ТЕЛ.: 3-96-80,
3-96-90,
3-78-29.

Чуть раньше (26 марта 1988 г.) в газете «Красная звезда» (автор В. Филатов) приводятся слова К. Ворошилова, заявившего перед войной о том, что «армия почищена до белых костей»; из нее «вычищено» 40 тысяч человек. В последующих публикациях чьими-то стараниями слово «вычищено» заменено на «40 тысяч репрессированных». А «Вечерняя Москва» (21 июня 1988 года) словами академика Самсонова уже заявляет об истреблении 40 тысяч командиров.

Кому и зачем нужна столь грубая фальсификация? На самом деле 5 мая 1940 г. заместитель наркома обороны по кадрам Е. А. Щаденко подписал «Отчет о работе управления по начальствующему составу РККА за 1939 год». В одиннадцатом разделе отчета, именуемом «Очистка армии и пересмотр уволенных (без ВВС)», указывается, что за 1937, 1938, 1939 годы из списков Красной Армии было уволено около 37 тысяч командиров (36 898), в том числе по возрасту, болезням, морально разложившихся, по разным политическим мотивам и т. д. По причинам ареста за эти годы было уволено 9 579 человек. Далее: в справке-докладе Главного управления кадров от 15 июня 1941 года указывается, что к 1 января этого же года из 37 тысяч ранее уволенных по разным мотивам в кадры армии возвращено 13 тысяч человек.

Кому нужна такая деформация истины? И во имя чего? Ведь она продолжается и сейчас, после того, как появились в печати подлинные документы о тех трагических событиях (я имею в виду публикации в «Молодой гвардии», 1989, № 9 и «Военно-историческом журнале», 1990, № 2). Совсем недавно и «Советская Россия» (8 марта 1990 года) вновь твердит, что в 1937—38 гг. «...был уничтожен по существу весь цвет Вооруженных Сил СССР—около 50 тысяч командиров и политработников армии и флота...»

Хочу оговориться, что нельзя простить виновным в репрессиях, а тем более в расстрелах, ни одного безвинного человека! Тем более, что потери вооруженных сил от произвола вливаются в безбрежную реку народной крови, пролитой в годы сталинско-бериевского геноцида. Но нельзя же бить по рукам тех, кто порочит нашу Победу над фашистской Германией и ее сателлитами, кто неправдой замутняет разум нашей молодежи.

Н АХОДЯТСЯ сейчас печатные органы и их услужливые авторы, которые пытаются скомпрометировать Победу и тем, что мы понесли слишком большие людские потери в войне. Да, действительно, понесли! За свою свободу и свободу Юго-Восточной Европы, за освобождение всего мира от угрозы порабощения фашизмом мы заплатили очень дорогой ценой. И сейчас, разумеется, есть над чем нам задумываться, есть повод для непростых тревог. Но

не буду уклоняться от главной нашей боли. Итак, о потерях советского народа в Великой Отечественной войне.

Я не смею позволить себе со всей категоричностью давать оценки происшедшим на наших фронтах событиям в 1941—42 годах. Но знаю и видел это собственными глазами: были со стороны советского командования крупные просчеты, ошибки, приведшие к неоправданным потерям. Нельзя отрицать, что военный опыт и техническая оснащенность гитлеровских войск нередко возвышались над боевыми возможностями Красной Армии. Но с полной убежденностью могу утверждать, что в тяжелых неравных боях 1941—42 годов Красная Армия заложила фундамент победы 1945 года. А что касается соотношения потерь, понесенных нами и нашими противниками (повторяю—противниками, ибо против нас выставляли войска кроме Германии—Финляндия, Венгрия, Румыния, Словакия, Испания, Италия), то, во-первых, нельзя не учитывать потерь, понесенных сателлитами Германии, о чем мы почему-то забываем. Во-вторых, нельзя также не учитывать, что в число наших потерь включены и советские люди, погибшие в немецких концентрационных лагерях на территории советских республик, а также при карательных операциях гитлеровцев против нашего мирного населения.

Издательство юридической литературы издало книгу под названием «Ни давности, ни забвения», в которой на основании материалов Нюрнбергского процесса сообщается, что в советских республиках фашистами уничтожено следующее количество людей: в РСФСР—1 млн. 793 тыс.; на Украине—4 млн. 497 тыс.; в Белоруссии—2 млн. 198 тыс.; в Латвии—644 тыс.; в Литве—666 тыс.; в Эстонии—125 тыс.; в Молдавии—64 тыс. Итого—9 млн. 987 тысяч человек, которые включены в 20 миллионов потерянных жизней советских людей в Великой Отечественной войне. Нам еще точно неизвестно, сколько погибло в фашистских лагерях в Германии из общего числа погибших там 11 млн. 200 тыс. человек.

Вполне вероятно, что сведения Нюрнбергского процесса сейчас требуют уточнения, ибо время, как и полагается, вносит свои поправки. Ныне утверждается, что наши потери в войне превышают цифру 20 миллионов. Но на сколько превышают? Кто и где взял новые цифры? Я обращаю свой вопрос к глашатаям, оповестившим мир, будто потери Советской Армии в войне составляют в одном случае 42, а во втором—46 миллионов человек (В. Колядратьев, Литгазета), то есть почти четверть от численности народов, населявших СССР в 1941 году. А чтобы усилить впечатление о слишком дорогой цене, заплаченной нами за Победу, и унижить ее, stalkивают цифры советских потерь с угсом людей в Германию. Вот подтверждение этого:

В № 15 «Огонька» от 7 апреля этого года кандидат экономических наук Сергей Иванов сообщает последние «данные» о потерях в войне. «Оказывается,—пишет он,—наша армия потеряла 22 миллиона солдат (общие потери вместе с мирным населением —46 миллионов), а Германия на Восточном фронте против нас и Польши—1,5 миллиона. То есть на каждого убитого немца—четырнадцать наших...»

Не пойму, бред ли это или провокация, каких еще не знала история войн! Большего оскорбления павшим и живым воинам Великой Отечественной не придумаешь.

Сошлюсь на публикацию в «Военно-историческом журнале» (№ 3 за этот год) интервью с начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генералом армии М. Моисеевым:

«В 1988—89 годах работали две комиссии по анализу и подсчету потерь Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Одна—по личному составу, другая — по вооружению и боевой технике. Итоги работы комиссий в Генеральном штабе рассмотрены и утверждены. Советские Вооруженные Силы потеряли в годы Великой Отечественной войны (в том числе и в кампании на Дальнем Востоке против империалистической Японии в 1945 г.) убитыми, пропавшими без вести, попавшими в плен и не вернувшимися из него, умершими от ран, по болезням, от несчастных случаев 8 млн. 668 тыс. 400 человек... Эти цифры выведены из донесений фронтов, флотов, отдельных армий, учреждений тыла и сведены с учетом, который велся в Генеральном штабе всю войну...»

«Следует сказать, — говорится дальше, — что названные цифры максимально возможные, так как часть пропавших без вести и попавших в плен возвращалась...»

В этом интервью дается оценка и немецких потерь:

«...потери фашистской Германии были несколько не меньшеми, ведь фашистскому командованию к концу войны пришлось проводить тотальную мобилизацию. Об этом не следует забывать. По имеющимся у нас документам, безвозвратные потери фашистской Германии составили около 5,5 млн. человек... только в боевых частях и соединениях... Потери армий сапелитов фашистской Германии определяются в 1,2 млн. человек».

РАЗМЫШЛЯЯ о потерях, мы не должны забывать, что Советские Вооруженные Силы сражались с самой могущественной армией в мире. Например, все мы искренне преклоняемся перед нашими великими воздушными асами Кожедубом и Покрышкиным, сбившими соответственно 62 и 59 самолетов противника. «Результат фантастический,—пишет в своей статье кандидат юридических наук Юрий Ильин (Молодая гвардия, 1990, № 3),—если принять во вни-

мание качество немецких летчиков. У них ведь было 104 пилота, каждый из которых сбил больше 100 наших самолетов. Лучший немецкий летчик Хартман, прибывший на Восточный фронт в октябре 1942 года, успел сбить до конца войны 352 самолета (347 советских и 5 американских). Десять лучших немецких пилотов сбили вместе 2588 самолетов».

А немецкий флот, особенно подводный? Это была могущественная сила. Да и сейчас армия ФРГ занимает ведущее место в НАТО. Поэтому надо напомнить давнее наставление Ленина о том, что наши шаги к миру мы должны сопровождать напряжением всей нашей боевой готовности. Вместо же этого мы печатно и устно с удивительной безответственностью разглаговствуем о том, какой должна быть наша современная армия, идем на поводу у людей, которые оберегают свои чада от воинской службы. Трудно согласиться с тем, что, по решению 2 сессии Верховного Совета СССР, из армии уволены более ста тысяч студентов. Это была интеллектуальная и наиболее технически образованная основа Вооруженных Сил. Боеспособности армии нанесен колоссальный урон. Примечательно и то, что сорок две тысячи из уволенных студентов не продолжили учебу в вузах (такая цифра сообщается в «Советской культуре» от 31 марта с. г.). Значит, сорок две тысячи дезертиров с охранными мандатами верховной власти! Задумайтесь над этим!. А если еще учесть, что и получившие высшее образование практически избавляются от военной службы? С другой стороны, как замечает в том же номере газеты доктор юридических наук, полковник юстиции Н. Артамонов, чтобы не служить в армии, выдвигаются и религиозные мотивы. В результате армия постепенно обретает облик рабоче-крестьянской, что вызывает вполне объяснимое напряжение в обществе, обусловленное практически неприкрытым социальным расхождением мужской половины молодого поколения. Снять напряжение в обществе при сохранении всеобщей воинской обязанности, видимо, позволит альтернативная служба. Опыт ее во многих странах имеется. Если человек искренен в своих религиозных, мировоззренческих взглядах, не позволяющих ему брать в руки оружие, он отдает себя служению обществу на самых трудных и непристижных работах, причем на срок куда более длительный, нежели собственно служба в армии.

Но как быть с другими проблемами, о которых говорилось выше? Как быть с неравенством перед Законом о всеобщей воинской обязанности молодых парней, принадлежащих к разным слоям населения страны? Мы, писатели военной темы, должны искать ответы на эти важные социальные вопросы, но не только для уяснения истины, а и для обналичения корней зла, для изболечения тех сил, которым безраз-

лично обороноспособность нашего государства. Ведь ко всему этому тесно примыкают попытки дискредитации нашей армии, атаки на итоги Великой Отечественной войны. Нельзя не согласиться с нашим известным публицистом Анатолием Салуцким, который в «Литературной России» от 23 февраля этого года утверждает, что

«Пересмотр итогов второй мировой войны фактически состоялся. Событие такого масштаба и значения, — пишет он, — это уже забота не только политиков и дипломатов, тут без совета с народом обойтись невозможно. Можно ли без совета со всем народом строить новую политику в германском вопросе? Можно ли не сверить ее с чувствами ветеранов Великой Отечественной, прошедших от Москвы до Берлина? Не возопиют ли миллионы отцов и сыновей, убиенных на полях брани от Волги до Одера? Не поднимутся ли возмущенно из братских могил тени павших, чтобы издать вопль отчаяния и предупредить о новой беде? А спрошено ли у солдатских вдов, в превеликой бедности доживающих свой век в заброшенных, «неперспективных» российских деревнях? Спрошено ли у жен и матерей? Спрошено ли у всего народа, который понес страшные, неисчислимые жертвы ради великого Дня Победы?»

И весьма прискорбно, что иные печатные органы, например «Огонек» (1989, № 50; 1990, № 8), пытаются ввести в заблуждение читателей, категорически утверждая, что Советскому Союзу никто в военном отношении не угрожает. Была бы это истина, нам бы легче жилось. Но до истины тут, к сожалению, очень далеко, и убаюкивать народ и его армию — значит творить черное дело. Конечно, нам не нужен военный психоз. Но мы должны помнить (я ссылаюсь на далеко не устаревшие лишь некоторые сведения нашего Генерального штаба (Лит. Россия, 2 февраля 1990 г.):

«Страны Североатлантического союза содержат так называемую «триаду НАТО», включающую стратегические наступательные силы США, ядерные силы театра войны, обычные вооруженные силы.

Стратегические наступательные силы США, по данным американской прессы, — это 1000 пусковых установок МБР, 36 атомных ракетных подводных лодок с 656 баллистическими ракетами, свыше 630 стратегических бомбардировщиков. Всего около 2300 стратегических носителей, способных поднять в одном пуске (вылете) около 16 тысяч ядерных боеприпасов. Они нацелены прежде всего на объекты Советского Союза и могут достигнуть их в течение нескольких десятков минут».

А если учесть все остальные НАТОвские силы, составляющие пресловутую триаду? Ведь только одни Соединенные Штаты имеют более 8600 единиц доставки ядерного оружия оперативно-тактического и тактического назначения и около 20000 ядерных

зарядов для них. Более 1600 ядерных зарядов «поля боя» имеют Великобритания и Франция.

Вся эта военная мощь уже в мирное время сведена в крупные стратегические объединения со своими штабами и другими органами управления, находящимися в постоянной готовности к руководству войсками в ходе военных действий.

С БЛАГОДАРНОСТЬЮ воспринимаем колоссальные усилия руководителей нашего государства, направленные на ликвидацию угрозы новой войны. Но коль нам противостоит реальная военная сила, мы не можем благоденствовать. Более того, мы обязаны в области теории военной экономики и строительства Вооруженных Сил исходить из здравого смысла вопреки мудрствованиям, скажем, уважаемого академика Г. А. Арбатова, который с трибуны Съезда народных депутатов доказывает, что сумма, расходуемая на оборону страны, выходит за рамки разумной достаточности. Что же это за сумма? Сегодня оборона страны обходится в 70,9 миллиарда рублей. Сравните эту сумму с 450 миллиардами рублей, на которую ежегодно погибает у нас промышленная продукция, и плюс сумму от 47 до 95 миллиардов рублей, на которую гибнет в стране сельскохозяйственная продукция. Да еще 83 миллиарда рублей от потери рабочего времени. Итак, 628 миллиардов рублей на нашу бесхозяйственность и около 80 миллиардов на оборону. Да еще, как сообщает Прокуратура СССР, криминальный капитал в стране равен 210—240 миллиардов рублей (по другим источникам значительно больше!). Эти цифры приведены в открытом письме доктора военных наук генерал-майора Киряленко академику Арбатову в «Литературной России».

Нападки на бюджет армии, при условии, что в настоящее время свыше 173 тысяч семей военнослужащих не имеют квартир, а оклад по должности даже командира полка не превышает оклада водителя городского автобуса, безответственны, аморальны и антипартийны.

Военные историки подсчитали, что за последние пять тысяч лет человечество не знало войн всего лишь 273 года! И поэтому нельзя без печали размышлять о том, сколько империй и государств сверзались в небытие под напором завоевателей и как вообще бесчеловечны в своей сущности захватнические войны. Но не было в истории более страшной войны, чем та, которую развязали в 1941 году против нашей страны заправили фашистской Германии. И не было в истории примера, когда бы столько народов, слившись в нерушимый монолит, по велению высшего разума устремились в едином порыве свои усилия на отпор агрессору. Народы эти объединены в Союз Советских Социалистических Республик.

ДЕТЕКТИВ

рецидивах

ОПЕРАЦИЕЙ руководил заместитель начальника управления по исправительным делам МВД Грузинской ССР подполковник внутренней службы

Д. Микадзе.

— Добытые вами сведения подтверждаются, — ставя задачу, сказал он прапорщикам. — Преступник вооружен огнестрельным оружием, будет сопротивляться до последнего. Времени у нас в обрез. Действовать решительно.

Под натиском четырех тел дверь с грохотом слетела с петель, и розыскники ворвались в квартиру...

Потом, остывая после схватки, они будут долго вспоминать, кто первым вышиб из рук рецидивиста обрез, кто успел перехватить приготовленную им гранату, кто, навалившись всем телом на отчаянно сопротивлявшегося преступника, болевым приемом заставил выпустить нож.

Демури Георгиевич Микадзе — профессионал в самом высоком смысле слова, ранее возглавлял отдел уголовного розыска в УВД города. Говоря о действиях прапорщиков-розыскников, он был многословен:

— Молодцы. Бесстрашные, преданные делу. Будь моя воля — без всяких разговоров зачислил бы их себе в штат на офицерские должности.

Высокую оценку профессиональной выучке военнослужащих, принявших участие в задержании особо опасного преступника, дал командующий внутренними войсками МВД СССР. За проявленное мужество прапорщики Г. Арутюнов и Т. Дедуашивили награждены деньгами в размере месячного оклада. Поощрены также прапорщики В. Оганезов и С. Абуашивили.

Стоп. На этом детективная часть повествования кончается. Читателю будет предложен не туго закрученный сюжет со стремительной фабулой и «хэппи энд» в финале, а возможность увидеть проблемы, накопившиеся в подразделениях розыска, то, как относятся здесь к людям, выполняющим эту нелегкую службу.

СЕЙЧАС много пишут и говорят о взрыве преступности среди осужденных в ИТУ. Количество побегов по сравнению с 1987 годом, например,

увеличилось более чем в два раза. Прискорбно, но факт: служба розыска внутренних войск оказалась неподготовленной к резкому обострению криминогенной обстановки в местах лишения свободы. И хотя нашими розыскниками в 1989 году задержано вдвое больше бежавших, чем в предыдущем, — время, затраченное в среднем на розыск одного преступника, увеличилось в полтора раза. Такая вот невеселая статистика. Объяснять ее только неготовностью розыскников к умелым действиям в новой обстановке было бы, наверно, не совсем верно.

...Беглец из колонии должен был прийти к сожительнице, которая работала в пивном баре. Посланный «на разведку» сообщник осужденного заметил на подходе к бару двоих, а в павильоне еще четверых молодых людей в штатском, но с короткой армейской стрижкой. Сметнув, что его связи в Москве «засвечены», преступник покинул столицу.

Случайность? Стечение обстоятельств? Если бы. Провал, что называется, был просто запрограммирован. Запрограммирован банальным требованием одного из лиц командования части: «Знать ничего не знаю, но чтобы к строевому смотру все без исключения прапорщики имели короткие уставные прически». Я далек от того, чтобы спорить с уставом или подрывать авторитет командира. Речь о другом: в каждом конкретном случае нужен конкретный подход.

Или вот факт из серии «нарочно не придумаешь». В одной из частей Приволжского управления внутренних войск службу засад в городе инспектировал старший офицер штаба. Мало того, что майор был в военной форме, он еще, не стесняясь в выражениях, стал публично распекают подчиненных за недостатки в организации службы. Естественно, такой «спектакль» не мог не привлечь внима-

ния родственников и знакомых разыскиваемого осужденного. Предупрежденный об опасности, преступник скрылся.

Известно: у семи нянек дитя без глаза. К розысникам это имеет прямое отношение. Даже далекий от оперативной работы человек ахнет, узнав, что прапорщик Арутюнов и Дедуашвили выезжали на захват вооруженного преступника чуть ли не с голыми руками. Неужели в части, где они служат, нет защитных жилетов, касок, бронешитков?

Святая наивность: защитные жилеты в части, конечно, имеются. Каски — тоже. Да вот беда, не закреплены эти средства за взводом розыска. Нет в подразделении и автоматов, которые в Закавказье при проведении розыскных мероприятий часто просто необходимы. Попробуйте в таких условиях быстро экипироваться и вооружиться.

— Что там говорить, у нас даже телефона нет, чтобы позвонить в город, — сетует командир взвода розыска капитан Т. Циклаури. — О возможности связаться с отделениями милиции за пределами города и не мечтаем. Скрытоносимые радиостанции? Это просто на грани фантастики. Не поверите, у личного состава — ни одного комплекта наручников.

Не лучше обстоит дело и с транспортом. Во многих частях прапорщики считают за счастье, когда для розыска осужденного выделяют хотя бы спецмашину. Очевидно, и тот, кто дал «автозак», считает себя благодетелем. А на деле как это выглядит? Представьте на минуту: по предместьям города в поисках нужного адреса на пресловутом «воронке» или в «уазике», где за рулем водитель в краповых погонах, развезают «замаскированные» в штатское платье розысники. По мысли некоторых начальников, никто из горожан не догадается, кто они такие и зачем колятся по округе.

Другая сторона проблемы. Некоторые прапорщики при проведении розыскных мероприятий пользуются личными автомобилями. Но нигде и речи не идет хотя бы о частичной компенсации затрат на горючее. Между тем существует приказ МВД СССР, где черным по белому записано: военнотранспортному, следующему в командировку на личном транспорте, оплачивается стоимость проезда в междугородном автобусе или жестком вагоне.

Готовы использовать в интересах розыска личные автомобили и прапорщики С. Ахвледиани, С. Абуашвили, будь они у них. Но вот незадача: Ахвледиани с 1977 года стоит в «автомобильной» очереди и вдруг узнает, что его фамилия появилась в списке очередников, который датирован 1986 годом. Слово по мановению волшебной палочки оказались зачеркнутыми 10 лет добросовестной службы одного из самых опытных специалистов. Безуспешно ждет своей очереди и прапорщик С. Абуашвили, имеющий льготы, как участник войны в Афганистане.

Зато некоторые старшие офицеры части и штаба соединения за 10 лет уже дважды успели поменять личные автомобили.

П ОПЫТКИ прапорщиков отстаивать законные права незамедлительно влекут суровые санкции. Бывают случаи, когда строптивых поборников правды в порыве «начальственного гнева» лишают погон. В воинском коллективе, о котором идет речь, за полтора года без особых причин уволены пять розысников.

В результате таких скоропалительных решений мы теряем опытных, преданных делу борьбы с преступностью людей. Кто придет им на смену?

В подразделении розыска одной из частей Центрального управления внутренних войск имеется 6 вакантных мест. Ясное дело, для розыскной работы в столице нужны надежные люди. Вот и решил командир переманить к себе коекого из контролеров. Но не тут-то было. Все как один ответили отказом: «У вас в розыске пахать придется без продыху — ни дня спокойного, ни ночи».

Если к этому добавить, что должностные оклады у розысников одни из самых низких по войскам, что квартирами они обеспечиваются, как правило, в последнюю очередь, — станет ясно, почему до 20 процентов прапорщиков подразделений розыска в 1991 году намерены не продлевать подписку.

* * *

Не хотелось бы завершать сей «печальный детектив» на пессимистической ноте. Есть надежда, что дела на одном из самых нелегких участков деятельности войск пойдут наконец в гору. Эту надежду вселяют такие люди, как капитан Циклаури. Инициативный, энергичный, профессионально подготовленный (окончил Высшую школу МВД СССР), он умеет принимать обдуманные, взвешенные решения и настойчиво проводит их в жизнь.

С приходом капитана Циклаури у прапорщиков-розысников появился свой «угол» — учебный класс. Налаживается деловой контакт с оперативными аппаратами МВД Грузии и УВД города. Увеличилось количество задержаний бежавших осужденных. И все же, пока розысники не обеспечены средствами связи, транспортом, пока в родной части они находятся на положении пасынков, о настоящей перестройке остается только мечтать...

Полковник А. УДИНЦЕВ,
начальник службы розыска
Главного управления командующего
внутренними войсками МВД СССР.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда номер готовился к печати, стало известно, что в связи с оргштатными мероприятиями в части сокращены офицерская должность командира взвода розыска и четыре должности прапорщиков — помощников начальников оперативно-розыскных постов (это при напряженной криминальной обстановке в регионе). Капитан Циклаури назначен... командиром автозвезда.

Такое впечатление, что происходит какой-то спектакль в театре абсурда.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Недавно литературно-художественный журнал «В мире книг» обрел новое название — «Слово». Новое название потребовало создания иного типа литературно-художественного «тонкого» журнала, который бы отвечал самым высоким духовным потребностям читателей. Такую цель мы поставили перед собой. Надо сказать, что подобные издания — редкость не только у нас, но и в мировой практике.

Широкое представительство авторов, разнообразие литературных новинок, в том числе мало или совсем недоступных, возвращаемых из зарубежья и спецхранов, из-под идеологических племб, — вот наш принцип. Мы не всегда имеем возможность печатать целиком большие произведения, но мы стараемся представить как можно больше авторов, помочь в выборе литературных, исторических первоисточников. Это делает издание единственным, в своем роде своеобразным «дайджестом» —

путеводителем в современном отечественном и мировом книжном мире.

В нашем журнале впервые читатель получил возможность познакомиться с воспоминаниями секретаря Г. Распутина, А. Симановича, английского премьера У. Черчилля, генерала вермахта Р. Гелена, работой А. Авторханова «Загадка смерти Сталина», документальной повести Д. Жукова «Встречи с ясновидцами», мемуарами фрейлины А. Вырубовой, записками Л. Троцкого «Ленин и Сталин», книгой «Новый класс» лишь недавно реабилитированного югославского диссидента М. Джиласа, рассказами донского казачьего писателя Ф. Крюкова...

Такие публикации нашли горячую поддержку у читателей, поэтому мы продолжим эту линию и в будущем году. Открываются в «Слове-91» и новые разделы и рубрики, такие, как «Народная жизнь» — своеобразный «Домострой XX века». В материалах этого раздела читатель сможет почерпнуть сведения о том,

А. ДЕНИКИН

после приказа № 1

СОБЫТИЯ застали меня далеко от столицы, в Румынии, где я командовал 8-м армейским корпусом. Оторванные от Родины, мы если и чувствовали известную напряженность политической атмосферы, то не были подготовлены вовсе ни к какой неожиданно скорой развязке...

Утром 3 марта подали телеграмму из штаба армии «для личного сведения» о том, что в Петрограде вспыхнуло восстание, что власть перешла к Государственной Думе и что ожидается опубликование важных государственных актов. Через не-

сколько часов телеграф передал манифесты императора Николая II и великого князя Михаила Александровича...

Бойска были ошеломлены — трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифеста. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14 и 15 дивизий весть об отречении своего императора. И только местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы.

289

как созидать свой дом, семью, основываясь на вековых традициях, на философских и нравственных идеалах народа, причем часть публикаций составят материалы из готовящейся к изданию «Русской энциклопедии».

Одна из постоянных рубрик «Слова» — «От Февраля до Октября». Здесь публикуются фрагменты из того поистине безбрежного, многоликого и захватывающего интересного наследия, оставленного потомкам участниками и свидетелями событий 1917 года, оказавшего на весь ход мировой истории такое огромное влияние. Тема истории, осмысления уроков прошлого — одна из определяющих в «Слове». Поэтому мы и хотим, чтобы знакомство читателей журнала «На боевом посту» с нашими публикациями началось с материалов этой рубрики — фрагментов из воспоминаний главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, который в 1918 году возглавлял Добровольческую белогвардейскую армию, генерал-лейтенанта Автона Ивановича Деникина.

В наше переломное время особенно необходимо учитывать опыт былых потрясений. В воспоминаниях А. Деникина четко прослеживается мысль, как от Февральской революции до Октябрьской, вследст-

вие нерешительности, бездействия Ставки и Генералитета, разваливалась русская армия.

«Слово-91» от событий Февраля—Октября переходит к последующим—открывается новый раздел «Террор и гражданская война», в котором планируется публикация материалов из таких редчайших изданий 20-х годов, как «Архив русской революции» Гессена (Берлин), «Архив гражданской войны» (Берлин), «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев» (сост. С. Алексеев, М.—Л., Госиздат), а также материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР.

Будет продолжена и «Библиотечка журнала», начатая репринтными книгами-приложениями «Окаянных дней» И. Бунина и «Воспоминаний» фрейлины ее Величества Анны Вырубовой. Надеясь, эта новинка привлечет внимание читателей — каждый подписчик нашего журнала сможет приобрести книги, еще недавно практически недоступные.

В. КАЛУГИН,
заместитель главного редактора
журнала «Слово».

Спустя некоторое время, когда улеглось первое впечатление, я два раза собирал старших начальников обеих дивизий с целью выяснить настроение и беседовал с частями. Эти доклады, личные впечатления, донесения соседних корпусов, которые я читал потом в штабе армии, дают мне возможность оценить объективно это настроение. Главным образом, конечно, офицерской среды, ибо солдатская масса — слишком темная, чтобы разобраться в событиях, и слишком инертная, чтобы тотчас реагировать на них,—тогда не вполне еще определилась.

Чтобы передать точно тогдашнее настроение, не преломленное сквозь призму времени, я приведу выдержки из своего письма к близким от 8 марта:

«Перевернулась страница истории. Первое впечатление ошеломляющее благодаря своей полной неожиданности и грандиозности. Но в общем войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но в настроении массы можно уловить совершенно определенные течения:

- 1) Возврат к прежнему немислим.
- 2) Страна получит государственное устройство, достойное великого народа: вероятно, конституционную ограниченную монархию.
- 3) Конец немецкому засилью и победное продолжение войны.

Отречение государя сочли неизбежным следствием всей нашей внутренней политики последних лет. Но никакого озлобле-

ния лично против него и против царской семьи не было. Все было прощено и забыто. Наоборот, все интересовались их судьбой и опасались за нее...

Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек, что армия не создала своей Вандеи...

Мне известны только три эпизода резкого протеста: движение отряда генерала Иванова на Царское Село, организованное ставкой в первые дни волнений в Петрограде, выполненное весьма неумело и вскоре отмененное, и две телеграммы, посланные государю командирами 3 конного и гвардейского конного корпусов, графом Келлером и Ханом-Нахичеванским. Оба они предлагали себя и свои войска в распоряжение государя для подавления «мятежа».

ВРЕМЯ ШЛО. От частей корпуса стало поступать ко мне множество крупных и мелких недоуменных вопросов.

Кто же у нас представляет верховную власть: Временный комитет, создавший Временное правительство, или это последнее? Запросил, не получил ответа. Само Временное правительство, по-видимому, не отдавало себе ясного отчета о существовании своей власти.

Кого помнить на богослужении?

Петь ли народный гимн и «спаси, Господи, люди твои?»..

Скоро, однако, другие вопросы стали занимать войска: получен был первый приказ военного министра Гучкова с изменениями устава внутренней службы в пользу «демократизации армии». Этим приказом, на первый взгляд довольно безобидным, отменялись титулование офицеров, обращение к солдатам на «ты» и целый ряд мелких ограничений, установленных для солдат уставом,— воспрещение курения на улицах и в других общественных местах, посещения клубов и собраний, игры в карты и т. д.

Последствия были совершенно неожиданные для лиц, не знавших солдатской психологии. Солдатская масса, не вдумавшись нисколько в смысл этих мелких изменений устава, приняла их просто как освобождение от стеснительного регламента службы, быта и чиновничества.

Но если все эти мелкие изменения устава, распространительно толкуемые солдатами, отражались только в большей или меньшей степени на воинской дисциплине, то разрешение военным лицам во время войны и революции «участвовать в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью», представляло уже угрозу самому существованию армии. Ставка, обеспокоенная этим обстоятельством, прибегла тогда к небывалому еще в армии способу плебисцита: всем начальникам, до командира полка включительно, предложено было высказаться по поводу новых приказов в телеграммах, адресованных непосредственно военному министру. Я не знаю, справился ли телеграф со своей задачей, достигла ли назначения эта огромная масса телеграмм, но все те, которые стали мне известны, были полны осуждения, во всех сквозил страх за будущее армии.

А в то же время военный совет, состоявший из старших генералов, якобы хранителей опыта и традиции армии, в Петрограде в заседании своем 10 марта постановил доложить Временному правительству: «Военный совет считает своим долгом засвидетельствовать полную свою солидарность с теми энергичными мерами, которые Временное правительство принимает в отношении реформ наших вооруженных сил, соответственно новому укладу жизни в государстве и армии, в убеждении, что эти реформы наилучшим образом будут способствовать скорейшей победе нашего оружия и освобождению Европы от гнета прусского империализма».

Нам трудно было понять, какими мотивами руководствовало военное министерство, издавая свои приказы. Мы не знали тогда о безудержном оппортунизме лиц, окруживших военного министра, о том, что Временное правительство находится в плену у совета рабочих и солдатских депутатов и вступило с ним на путь соглашательства...

1 марта советом рабочих и солдатских депутатов был издан приказ № 1, приведший к переходу фактической военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу и смене солдатами начальников,— приказ, имеющий такую широкую и пе-

чальную известность и давший первый и главный толчок к развалу армии.

Результаты приказа № 1 отлично были поняты вождями революционной демократии. Говорят, что Керенский впоследствии патетически заявил, что отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ не был подписан... Произведенное военными властями расследование «не обнаружило» авторства его. Чхеидзе и прочие столпы совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии отвергли свое участие — личное и членов комитета — в редактировании приказа.

5 марта совет рабочих и солдатских депутатов отдал приказ № 2 «в разъяснение и дополнение № 1». Приказ этот, оставаясь в силе все основные положения, установленные № 1, добавлял: приказ № 1 установил комитеты, но не выборное начальство; тем не менее все произведенные уже выборы офицеров должны остаться в силе; комитеты имеют право возражать против назначения начальников; все петроградские солдаты должны подчиняться политическому руководству исключительно совета рабочих и солдатских депутатов, а в вопросах, относящихся до военной службы, — военным властям. Этот приказ, весьма несущественно отличавшийся от № 1, был уже скреплен председателем военной комиссии Временного правительства...

Быстрое и повсеместное, по всему фронту и тылу, распространение приказа № 1 обусловилось тем обстоятельством, что идеи, приведенные в нем, зрели и культивировались много лет, — одинаково в подпольях Петрограда и Владивостока, как заученные прописи, проповедовались всеми местными армейскими демагогами, всеми наводнившими фронт делегатами, снабженными печатью неприкосновенности от совета рабочих и солдатских депутатов...

Мало-помалу солдатская масса зашевелилась. Началось с тылов, всегда более развращенных, чем строевые части, среди военной полуинтеллигенции — писарей, фельдшеров, в технических командах. Ко второй половине марта, когда в наших частях только усилились несколько дисциплинарные проступки, командующий 4-й армией в своей главной квартире ожидал с часу на час, что его арестуют распущенные нестроевые банды...

Прислали, наконец, текст присяги «на верность службы Российскому государству». Идея верховной власти была выражена словами:

«...Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское государство, впредь до установления воли народа при посредстве Учредительного собрания».

Приведение войск к присяге повсюду прошло спокойно, но идилических ожиданий начальников не оправдало: ни подьяема, ни успокоения в смятенные умы не внесло.

В половине марта я был вызван на совещание к командующему 4-й армией генералу Рагозе. Участвовали генералы Гаврилов, Сычевский и начальник штаба Юнаков. Отсутствовал граф Келлер, не признавший новой власти.

Нам прочли длинную телеграмму генерала Алексеева, полную беспросветного пессимизма, о начинающейся дезорганизации правительственного аппарата и развале армии... На всех телеграмма произвела одинаковое впечатление.

Ставка выпустила из своих рук управление армией. Между тем грозный окрик Верховного командования, поддержанный сохранившей в первые две недели дисциплину и повиновение армией, быть может, мог поставить на место переоценивавший свое значение совет, не допустить «демократизации» армии и оказать соответственное давление на весь ход политических событий, не нося характера ни контрреволюции, ни военной диктатуры. Лояльность командного состава и полное отсутствие с его стороны активного противодействия разрушительной политики Петрограда превзошли все ожидания революционной демократии... Мы составили сообща ответную телеграмму, предлагая решительные меры против чужого вмешательства в военное управление.

18 марта получил приказание немедленно отправиться в Петроград к военному министру. Быстро собравшись, я выехал в ту же ночь и, пользуясь сложной комбинацией повозок, автомобилей и железных дорог, на шестой день прибыл в столицу.

По пути, проезжая через штабы Лечицкого, Каледина, Брусилова, встречая много лиц военных и причастных к армии, я слышал все одни и те же горькие жалобы, все одну и ту же просьбу:

— Скажите им, что они губят армию...

Телеграмма не давала никакого намека на цель моего вызова. Полная, волнующая неизвестность, всевозможные догадки и предположения. Только в Киеве слова пробежавшего мимо газетчика поразили меня своей полной неожиданностью: «Последние новости... Назначение генерала Деникина начальником штаба Верховного Главнокомандующего»...

ЧЕТЫРЕ ГОДА я не видел Петрограда. Но теперь странное и тягостное чувство вызывала столица... начиная с разгромленной гостиницы «Астория», где я оставался и где в вестибюле дежурил караул грубых и распущенных матросов; улицы такие же суетливые, но грязные и переполненные новыми господами положения в защитных шинелях — далекими от боевой страды, углубляющими и спасающими революцию. От кого?.. Я много читал раньше о том восторженном настроении, которое якобы царило в Петрограде, и не нашел его нигде. Министры и правители с бледными лицами, вялыми движениями, измученные бессонными ночами и бесконечными речами в заседаниях, советах, комитетах, делегациях, представителям, толпе... Искусственный подъем, бодрящая, взвинчивающая настроение, опустылевшая, вероятно, самому себе фраза и... тревога, глубокая тревога в сердце. И никакой практической работы: министры по существу не имели ни времени, ни возможности хоть несколько сосредоточиться и заняться текущими делами своих ведомств;

и забеденная бюрократическая машина, скрипя и хромая, продолжала кое-как работать старыми частями и с новым приводом...

Рядовое офицерство, несколько растерянное и подавленное, чувствовало себя пасынками революции и никак не могло взять надлежащий тон с солдатской массой. А на верхах, в особенности среди генерального штаба, появился уже новый тип оппортуниста, слегка демагога, игравший на слабых струнах совета и нового правящего класса, старавшийся угрождением инстинктам толпы стать ей близким, нужным и на фоне революционного безвременья открыть себе неограниченные возможности военной-общественной карьеры.

Следует, однако, признать, что в то время еще военная среда оказалась достаточно здоровой, ибо, невзирая на все разрушающие эксперименты, которые над ней проводили, не дала пищи этим росткам.

ВЛАСТЬ падала из слабых рук Временного правительства, и во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной действительной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследство во всеоружии реальной силы. Этим фактом в октябре 1917 года был произнесен приговор стране, народу и революции. Троцкий имел основание сказать в Совете за неделю до выступления: «Нам говорят, что мы готовимся захватить власть. В этом вопросе мы не делаем тайны. Власть должна быть взята не путем заговора, а путем дружной демонстрации сил»...

Итак, пусть гибнет страна во имя революции!

Когда 25-го в столице началось вооруженное столкновение, на стороне правительства не оказалось никакой вооруженной силы. Несколько военных и юнкерских училищ вступили в бой не во имя правительства, а побуждаемые к тому сознанием общей большевистской опасности; другие, считавшиеся лояльными части, вызванные из окрестностей столицы, после моральной обработки их посланными Троцким агитаторами отказались выступить; казачьи полки сохраняли «доброжелательный» к большевикам нейтралитет. Весь остальной гарнизон и рабочая красная гвардия были на стороне Совета; к ним присоединились прибывшие из Кронштадта матросы и несколько судов флота.

Снова, как восемь месяцев назад, на улицы столицы вышел вооруженный народ и солдаты, но теперь уже без всякого воодушевления, с еще меньшим, чем тогда, пониманием совершающегося, в полной неуверенности и в своих силах, и в правоте своего дела, даже без чрезмерной злобы против свергаемого режима.

Описание жизни обеих столиц в эти дни свидетельствует о невероятной путанице, нелепости, противоречиях и о той непроходимой, подавляющей пошлости, которая вместе с грязно-кровавым налетом облекла первые шаги большевизма. Вообще самый переворот перейдет в историю без легенды, без всякой примеси героического элемента, заслоняя декорациями из «Вам-

пуки и подлинные личные драмы, и великую трагедию русского народа. Не многим лучше была обстановка и в противном лагере: наступление войск Краснова на Петроград, отъезд-бегство Керенского, диктатура в Петрограде в лице глубоко мирного человека доктора Н. М. Кишкина, паралич штаба Петроградского округа и метания «Комитета спасения», рожденного петроградской Думой.

Только военная молодежь — офицеры, юнкера, отчасти женщины — в Петрограде и в особенности в Москве — опять устлали своими трупами столичные мостовые, без позы и фразы умирая... За правительство, за революцию? Нет. За спасение России. Генерал Алексеев в эти дни принимал самое живое участие в работе «Совета Республики», предоставляя свой авторитет, свой богатый опыт и знание русской армии либеральному блоку. Одновременно он проявил большое участие в судьбе бездомного нищего офицерства, выброшенного буквально на улицу... Ему удалось в качестве почетного председателя одного богатворительного общества распространить боготворительную деятельность на пострадавших воинов. Общество с тех пор стало оказывать негласную помощь офицерам, юнкерам, кадетам и другим военным лицам в целях спасения их от преследования большевиков. Помощь оказывалась самая разнообразная: советом, деньгами, одеждой, фальшивыми пропусками на большевистских бланках...

Еще 25-го видели характерную фигуру генерала Алексеева на улицах города, уже объятая восстанием. Видели, как он резко спорил с удивленным и несколько опешившим от неожиданности начальником караула, поставленного большевиками у Марининского дворца с целью не допускать заседания «Совета Республики». Видели его, спокойно проходившего от Исаакя к Дворцовой площади сквозь цепи «войск революционного комитета» и с негодованием обрушившегося на какого-то руководителя дворцовой обороны за то, что воззвания приглашают офицерство к Зимнему дворцу «исполнить свой долг, а между тем для них не приготовлено ничего — ни оружия, ни патронов...»

В ближайший день вечером в конспиративную квартиру, в которую перевезли генерала Алексеева с Галерной, прибыл Б. Савинков в сопровождении какого-то лица и с холодным деланным пафосом, скрестив руки на груди, обратился к генералу:

— Итак, генерал, я вас призываю исполнить свой долг перед родиной. Вы должны сейчас же со мной ехать к донским казакам, властно приказать им седлать коней, стать во главе их и идти на выручку Временному правительству. Этого требует от вас родина.

Генерал Алексеев отклонил предложение Савинкова, как совершенно безнадежное. Опять патетическая фраза Савинкова:

— Если русский генерал не исполняет своего долга, то я, штатский человек, исполню за него.

И в эту же ночь он уехал. Но не к полкам, а в Гатчину к Керенскому.

ЭПИЗОДЫ вооруженной борьбы под Петроградом описаны подробно и многими участниками. Я не могу внести в них ничего нового. Остановлюсь лишь на общей картине, чрезвычайно характерной, как эпилог первого восьмимесячного периода революции, в котором, как в фокусе, отразилась вся внутренняя ложь революционной традиции, приведшей к нелепым противоречиям в области политического мышления верхов, к окончательному затемнению сознания массы, к вырождению революции.

Гатчина — единственный центр активной борьбы: Петроград агонизирует, ставка бессильна, Псков (штаб Черемисова) стал явно на сторону большевиков — генерал Черемисов, предав и своего благодетеля Керенского, и Временное правительство, еще 25-го приказал приостановить все передвижения войск к Петрограду, склоняя к этому и главнокомандующего западным фронтом.

В Гатчине собрались все.

Керенский — сохраняющий внешние признаки власти, но уже оставленный всеми, по существу — не то узник, не то заложник, отдавший себя на милость «царского генерала» Краснова.

Савинков, который два месяца тому назад с таким пылом осуждал «мятеж» генерала Корнилова, теперь возбуждающий офицеров гатчинского гарнизона против Керенского и предлагающий Краснову свергнуть Керенского и самому стать во главе движения...

Верховный комиссар Станкевич, приемлющий и пораженчество, и оборончество, но прежде всего мир — внутренний и внешний и ищущий «органического соглашения с большевиками ценою максимальных уступок».

И среди этого цвета революционной демократии — монархическая фигура генерала Краснова, который всеми своими чувствами и побуждениями глубоко чужд и враждебен всему политическому комплоту, окружающему его и ожидающему от его военных действий спасения.

Поистине трагическое положение. Здесь — обломки Временного правительства: в Петрограде — «комитет спасения», не признающий власти правительства. Здесь на военном совете обсуждается даже возможность вхождения большевиков в состав правительства... Какие же политические цели преследует предстоящая борьба в практическом, прикладном их значении? Свержение Ленина и Троцкого и восстановление Керенского, Авксентьева, Чернова?

Особенно мучительно переживало это трагическое недоумение офицерство: оно с ненавистью относилось к «керенщине» и если в сознательном или безотчетном понимании необходимости борьбы против большевиков стремилось все же на Петроград, то не умело передать солдатам порыва, воодушевления, ни даже просто вразумительной цели движения. За родину и спасение государственности? Это было слишком абстрактно, недоступно солдатскому пониманию. За Временное правитель-

ство и Керенского? Это вызвало злостное чувство, крики «долдой!» и требование выдать Керенского большевикам. Столь же мало, конечно, было желание идти и «за Ленина».

Окончилось все 1 ноября бегством Керенского и заключением перемирия между генералом Красновым и матросом Дыбенко. Судьба жестоко мстила теперь творцам истории о «корниловском мятеже», повторяя в обратном, уродливом преломлении все важнейшие этапы его. Все те элементы, на которых опиралась правительственная власть в борьбе против Корнилова, теперь отвернулись от нее: вожди революционной демократии уже делили ее ризы; советы отрекались от правительства; армейские комитеты один за другим составляли постановления о нейтралитете; «Викжель» остановил перевозку правительственных войск; Совет народных комиссаров, возглавивший Российскую державу 26 октября, писал декреты об «изменниках народа и революции» и ввергал в тюрьмы членов Верховного правительства.

1 ноября ген. Духонин, ввиду безвестного отсутствия Керенского, принял на себя верховное командование и приказал прекратить отправку войск на Петроград. Он призывал фронт сохранять спокойствие в ожидании «происходящих между различными политическими партиями переговоров для формирования Временного правительства».

Подчинившись всецело политическому руководству комиссара Станкевича и Общармейского комитета, ставка отказалась от всякой активной борьбы. Такое положение в отношении «Правительства Народных Комиссаров» — без борьбы и без подчинения — не могло быть долговечным. 7 ноября Совет Народных Комиссаров повелел верховному главнокомандующему тотчас же «обратиться к военным властям неприятельской армии с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров». Духонин 8-го ответил по аппарату комиссару по военным делам Крыленко, что он также считает «в интересах России — заключение скорейшего мира», но что это может сделать только «центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной». В тот же день Совет Комиссаров «за неповиновение и поведение, несущее неслыханное бедствие трудящимся всех стран и в особенности армиям», сместил Духонина, предписав ему «продолжать ведение дела, пока не придет в ставку новый главнокомандующий» — Крыленко.

ПОЛОЖЕНИЕ ставки между тем становилось критическим. Техническое управление фронтом принимало все более фиктивный характер, так как отдельные части, дивизии, корпуса, целые армии мало-помалу переходили на сторону большевиков. Крыленко на фронте 5-й армии вступал уже в переговоры с немецким командованием, и вскоре в ставке получены были сведения о движении матросского эшелона с новым «главоверхом» на Могилев сквозь сплошное расположение правительственных

войск, объявивших себя «нейтральными».

Безотрадный взгляд ставки на общее положение обрисовался и в письме генерал-квартирмейстера Дитерихса к генералу Лукомскому. По словам Дитерихса, главное усилие Духонину и ему приходилось направлять для того, чтобы удержать на месте армию — в сущности большевистскую — и дать собраться новому правительству, которое, «какое бы оно ни было, первым вопросом поставит мир».

«К вам, представители русской демократии, — писал Духонин в своем обращении к стране, — к вам, представители городов, земств и крестьянства, — обращаются взоры и мольбы армии: сплотитесь все вместе во имя спасения Родины, воспряните духом и дайте исстрадавшейся земле Русской власть — власть всенародную, свободную в своих началах для всех граждан России и чуждую насилия, крови и штыка».

Но надежд на это объединение было немного, так как, по словам Дитерихса, «борьба с большевизмом как бы отошла на задний план, а на главный выдвигается партийность и личности... Искренней же, бескорыстной поддержки нет ни от кого, в том числе и от казачества, ибо оно поставило девизом поддержку только коалиционного правительства... Ставка как будто защищала идею могилевских организаций — однородное социалистическое министерство от народных социалистов до большевиков включительно, с Черновым во главе — против донского «либерализма». Это уже значительно суживало базу «всенародности», отзываясь оппортунизмом, хотя последовательным, но в данных условиях вовсе беспочвенным и бесполезным. Действительно, к середине ноября могилевское совещание революционной демократии распалось, не придя ни к какому соглашению. Общармейский комитет объявил «нейтралитет» ставки как военно-технического аппарата, обещая ей вооруженную защиту, явно неосуществимую за отсутствием войск.

Было ясно, что ставка, обезличенная долгими месяцами керенского режима, упустив время, когда еще были возможны организация и накопление сил, не может стать моральным организующим центром борьбы.

* * *

Воспоминания генерала А. Деникина — это, прежде всего, свидетельство очевидца из верхнего эшелона военного руководства России, на глазах у которого «демократические силы» в течение короткого времени (от Февраля до Октября) разложили и развалили русскую армию, на протяжении веков остававшуюся сильнейшей в мире.

Историю русской революции до недавнего времени мы знали только с одной стороны — той, которая ее совершала. Настало, наконец, время узнать ее и от другой, кто, не щадя живота своего, боролся по глубокому убеждению «за спасение России». Сейчас, когда родина наша оказалась на изломе эпох, мы должны знать истинную историю.

Подготовил к печати А. ТИМОФЕВ.

«Отсюда — хоть в психушку»

НАБЛЮДАЯ бесславный конец некогда грозной антиалкогольной кампании, поневоле задумываешься о судьбе другого, не менее решительного похода — за укрепление дисциплины. Постановление ЦК КПСС, обновленный закон об уголовной ответственности за воинские преступления подвели под это благое дело идеологическую и правовую основу. С печатных станков военных типографий шагнула в жизнь «Методика поэтапной профилактики...» За дело дружно взялись писатели и публицисты и на потребу дня возвели автобиографичный опыт в ранг вселенской беды.

Прошло пять лет.

«Армия — это дурдом, — написал в редакцию младший сержант К. — В учебке, где из меня делали командира БМД (боевой машины десанта.—В. Г.), все было по уставному, а здесь, в части... «Деды» плюют мне в душу, оскорбляют, заставляют выполнять их работу. Ударить меня — для них это удовольствие.

Я слышал, что госпиталь—курорт. Очень захотел попасть туда, и моя мечта сбылась. Прележал месяц, а как вернулся, с первой минуты начались унижения. Подозвал меня «дед» к себе: «Что, растащился в госпитале?» — и ударил несколько раз в живот. Но это ерунда. Он сказал, что теперь я вообще буду «умирать». В мыслях у меня сейчас разное, вплоть до того, чтобы покончить с собой и не видеть больше этого дурдома.

Я хочу служить там, где нету дедовщины. Что-то, наверное, буду делать с собой, чтобы уехать отсюда хоть в психушку. Сегодня решил, что не буду есть. На обед уже не ходил и на ужин не пойду. Я никого не пугаю и не хочу сказать, что не боюсь смерти. Просто дальше так не могу жить.

Если вздумаете письмо напечатать, прошу не указывать мою фамилию. К офицерам обратиться я не могу да и за людей последнее время их не считаю.

После подписи — угрозы порвать свидетельство об окончании учебной части и военный билет, написать Бакатищу, Горбачеву...

Автора письма — назову его, например, Сашкой (он сам употребляет свое имя в такой форме) — я застал в госпитале. Подтянутый, скромный, с неожиданно твердым рукопожатием.

— Опять на «курорте»? Сам попал или «деды» помогли?

— Сам, — улыбается Сашка. — Здесь лежал бы до самого дембеля...

ШКОЛЬНЫЙ курс начальной военной подготовки его не коснулся. В ПТУ на «шагистику» смотрели сквозь пальцы: водительские права даем и хватит, остальному пусть там учат. Три старших брата о службе вспоминали неохотно, и Сашка не настаивал. Друг с язвой желудка дома остался. И ему тоже было на что надеяться — в детстве дистрофию перенес. Но в военкомате столь далеким прошлым не интересовались...

Идол и железный авторитет — журнал «Сельская молодежь».

— Там об армии все написано, до единого слова правда! — доказывал он так решительно, что на нашу лавочку в госпитальном парке оглядывались. А Сашка в азарте загибал пальцы: — Дедовщина — раз! Солдат здесь никто — два! Все офицеры сволочи — три!

— И я?

— Ну пусть не все, — смилостивился собеседник, — но большинство...

— А может, поговорим об этом, начиная со слова «например»?

Сашка задумался и сразу поскунчил.

— Это фамилии называть надо, а я их не выучил, всего неделю в одной роте побыв и полдня — в другой. Заставят вдоль строя ходить и высматривать, кто бил, а на глазах у роты или даже батальона — не хочу...

— Не из «Сельской молодежи» картинка?

— Оттуда, — не моргнув глазом Сашка. — А что, есть другой способ?

— Есть, и не один, так что выбирай — или примеры, или...

— Или — языком молоты не надо? Вы это хотели сказать?

ТОЛЬКО пришли в автороту, «дед» стал спрашивать Сашку, положено младшему сержанту работать или нет? Дождался ответа и влепил пощечину, объяснив: ты еще «ничто» и должен «пахать». Это мог видеть сержант Сергей Калюжный — вместе учились.

Вечером Сашка подошел к командиру роты капитану Зайцеву и попросился во второй батальон — там все друзья.

Ротный отказал, потом согласился подумать. Ночью младшего сержанта подняли несколькими ударами в грудь, а на следующий день обвинили: «стукач!» Вроде ротный пенял писарю, что Сашку поднимали и били. А ведь он, Сашка, об этом никому ни слова!

В госпитале надеялся — забудут. Но вернулся — и снова клеймо «стукач» преследовало его по пятам. Сашку перевели во второй батальон, в тот же день поставили дежурным по роте. И надо же такому случиться — водитель из взвода химзащиты, кстати, тот самый, что бил Сашку еще в автороте и спрашивал, положено ли сержанту работать, «попросил» пришить ему подворотничок. Сашка отказал, но «дед» убеждал: так положено... В общем, стал пришивать. А тут подходит еще один и требует пришить и ему...

— Так в чем же перед тобой офицеры виноваты? Если ротному не говорил, хотя и надо было, — не мог он рассказать писарю...

— Зайцев сам обо всем знает! — Сашка вдруг замолчал. — Сейчас до меня дошло — он помочь, наверное, хотел, а писарь его так понял, что я пожаловался. Но это не все. Сюда, в госпиталь, приходил полковник из политотдела — знали уже, что корреспондент едет по моему письму. Не спросил, как здоровье, что мне нужно (а я два месяца уже денег не получаю!), сразу — о своем: дескать, выкладывай, откуда родом, где учился и все остальное — бумаги твои где-то затерялись...

ЧАСТЬ и госпиталь разделяют какие-то двести метров. Не найти полчаса за полтора месяца, чтобы проведать больного?

— Командиры БМД по штату во втором батальоне, к нам нескольких было прикомандировали на время. Разговаривал с ним не раз, — вспоминает младшего сержанта командир автороты капитан В. Зайцев. — Слабый парнишка. Из него солдат никудышный, кто таких на сержантов учить-ся посылает? А он о роте что-то написал?

Выслушав Сашкины претензии, Владимир Васильевич успокоился:

— Драчунов у нас нет, боремся с этой заразой. Вот только прикомандированные... Действительно, готовились к годовому техосмотру, и здесь были несколько водителей из химвзвода.

Подумавай еще немного, он неуверенно назвал фамилию предполагаемого Сашкиного обидчика. А вот деньги, убежден офицер, Сашка должен был получить там, где числится по штату, и они-де здесь ни при чем!

Однако в ведомости на выплату денежного содержания личному составу автороты напротив Сашкиной фамилии оттиснуто фиолетовое слово «депонент». Значит, деньги действительно не получены. Такие же штампыки у Сергея Калюжного и... того, в ком Зайцев задним числом заподозрил ревнителя «дедовских традиций».

Так чей же Сашка человек? Чья это работа — вовремя выдать деньги, проведать больного в госпитале и добиться, чтобы рядовые не будили среди ночи сержанта пинками в грудь?

А ничей! В приказах по части он упоми-

нается только однажды. Объявлено, что прибыл такой и назначен стрелком, а вот в какое подразделение, не указано. Все иные перемещения и назначения — в автороту, в госпиталь, из госпиталя, из одной роты в другую и снова в госпиталь произошли, похоже, по воле сил потусторонних и следов в официальном делопроизводстве не оставили. Правда, не только Сашка «повис» в части на птичьих правах: в упомянутом приказе тридцать с лишним фамилий, и через два месяца после прибытия все эти люди, если верить документу, на должности еще не назначены. И хорошо, что старший помощник начальника штаба по строевой части капитан И. Гульбинович подписывает денежные ведомости на свой страх и риск, не заглядывая в приказы, иначе вновь прибывшие сержанты до сих пор получали бы, как стрелки.

Среди «затерянных» больных Сашка тоже не одинок. Однажды в связи с событиями в Закавказье часть подняли по сигналу «Сбор» и недосчитались более чем двадцати человек. Дезертиры? Самовольщики? Нет. Просто строевая часть хронически забывает включать в суточный приказ многих отправленных на лечение за пределы части.

Так что ни с капитана Зайцева, ни с другого командира роты за Сашкину боль и обиду не спросишь — не их это человек. И с комсомола взятки гладки — не комсомолец Сашка. Но, может, удалось бы ему опереться на плечо товарища?

Да, Сергей Калюжный видел, как ночью рядовые старших призывов устраивали Сашке «подъем-отбой». Не вмешался: есть у него и свой опыт общения с «дедами».

— Только я вошел в автороту, один меня остановил: э, ты чего, мол, честь дневальному не отдаешь? Мне нетрудно, однако дневальный сержанта должен первый приветствовать. Я и посоветовал почаше устав читать. Он меня в плечо попробовал ударить, потом в грудь. Я отбил и сам его двинул. Не достал, правда, — он тоже отбил мою руку. И сразу: «Ты что, против старшего призыва что-то имеешь? Нет? Тогда иди отсюда!» И я пошел...

— Ладно, нет у Сашки такой закалки и комсомольского билета нет, но сам-то мог спросить у комсомольцев, с кем они? Способны заступиться за слабого или тоже «дедуют»?

Сергей смотрит на меня, как на весьма далекого от жизни чудака:

— У кого спрашивать? За два месяца в этой части я даже взносов не платил. Ни секретаря бюро, ни группкомсорга в глаза не видел!

Добавлю: на комсомольский учет не встал — не у кого. В военном билете Сергея не записано, в какой части он служит, в какой должности, и даже номер автомата, который он через день берет «на ремень», там не указан.

— А, чернил у писаря не оказалось, — махнул рукой сержант.

Ему невдомек, что в другом причина: непонятно, какую должность вписывать в военный билет, если нет приказа?

Правда, интересно, кто думает об этом командир части?

— Ты кому эти мелочи докладывать будешь? — задал встречный вопрос подполковник С. Федоров. — Не морочь голову серьезным людям!

Каюсь, не внял совету и побеспокоил в политотделе соединения офицера А. Банулевича. Он убежден, что Сашкину просьбу надо удовлетворить — перевести в другую часть, подальше от драчунов, избавив при этом от сержантских погон. Политработник из управления внутренних войск по Северо-Западу и Прибалтике был настроен еще решительнее: «Уголовное дело возбудить, чтоб подлецам неповадно было!»

Напоследок зашел в госпиталь. Изложил Сашке мнение старших о его дальнейшей судьбе, заверил, как незадолго до этого заверяли меня, что деньги ему немедленно принесут, а на прощание предостерег от глупостей. Но...

Неармейский Сашка человек. Видимо, в детстве недополучил свою «дозу» военно-патриотического воспитания. Где не срабатала школа, профтехучилище, комсомол, взошли семена, мягко говоря, нелюбви к армии, посеянные журналом «Сельская молодежь». Неверие в командиров, изначальный страх «дедовщины» наложились на организационные неурядицы и головотяпство в части — и вот вам антиармейский настрой, подкрепленный собственными переживаниями. И хорошо, если на новом месте службы будет по-другому. Ведь как бы ни был кому-то несимпатичен изнеженный, бесхарактерный Сашка, оказавшийся по злой иронии судьбы в противопоказанной ему роли командира, — никто не вправе попирает его человеческое достоинство.

На этом, собственно, можно было поставить точку. Если бы не... повое Сашкино письмо.

«ВАШ ЖУРНАЛИСТ перед отъездом сказал, что меня по возможности и даже скорее всего переведут в другую часть. Через несколько дней я поинтересовался, как мои дела. Подполковник Федоров, как узнал, что это я писал в журнал, возмутился. Он отправил меня к своему замполиту. Мы хотели обо всем спокойно поговорить, но не получилось: командир части зашел в кабинет, прочел мою объяснительную и при мне порвал. Сказал, что нигде меня не переведут и буду я служить здесь.

Я сказал про мой разговор с журналистом. А он: «Тебе журналист обещал, пусть сам и переводит!»

Он дал мне понять, что журналист никто и по сути дела ничто в этой жизни. Я не хотел соглашаться, он понес на меня нецензурной бранью, довел до слез, вдобавок лишил воинского звания: позвал в кабинет дневального, нескольких офицеров, дал дневальному нож, и тот срезал лычки. Затем подполковник Федоров направил меня в третью роту, чтобы командир роты мог меня познакомить со всеми, но я отказался: дескать, давайте во всем разберемся. Но мне отказывали, да никакого выхода уже и не было. Решил бежать — вышел за КПП, но меня тут же поймали. Какой-то подполковник объявил мне пять суток ареста, кричал на меня нецензурно. Я сказал, что они не имеют права мне «тыкать» и разговаривать таким тоном. В ответ:

«Сам невежа». И тут я заплакал. У меня была истерика.

Потом они отвели меня к врачу, где я написал, что со мной и как произошло. Честно говоря, мне пришлось и преувеличить. И таким образом я попал в больницу для ненормальных.

Теперь я понял, что спорить с начальством бесполезно. Они все равно всегда будут правы, потому что я — это никто, а мое письмо — это просто бумажка, с которой можно сходить по нужде.

Может быть, вы и в самом деле сочтете меня за ненормального, но в этом письме я написал правду. Всю как есть. Но если вы начнете разбираться, то я наперед скажу — это бесполезная трата времени. Вам про меня тут такого наговорят, что вы им и поверите и всегда будете верить, так как они личности, а я здесь, в армии, пока никто.

САША».

НЕСКОЛЬКО лет назад во время ожесточенного печатного спора между сторонниками московской и ленинградской школ психиатрии мне врезалась в память одна деталь. «Москвичи» одним из симптомов шизофрении считают обостренное чувство собственного достоинства и стремление к правдоискательству: дескать, только ненормальный попытается доказать начальнику свою правоту.

Нст, не зря после пяти лет «последнего, решительного боя» с «дедовщиной» Президент СССР был вынужден подписать Указ «О некоторых мерах по усилению социальной и правовой защиты военнослужащих». Похоже, сделанное ранее командирами и политработниками не дало ожидаемого результата. В Вооруженных Силах за неуставные взаимоотношения только в 1989 году было осуждено больше тысячи военнослужащих. От их действий пострадало свыше 3.800 человек.

Притеснения, которым подвергались Сашка и тот же сержант Сергей Калужный, прошли незамеченными, поэтому в статистику не попали. Но значит ли это, что их не было? И разве пострадавшим от этого легче?

Думается, командир части взвалил на себя немалую ответственность, когда отказался перевести Сашку в другую часть, даже не проведя официального расследования.

Непонятно, почему умыли руки политотдел соединения, почему повисли в воздухе разговоры о необходимости возбудить уголовное дело, «чтоб подлецам неповадно было»? Неужели в угоду благополучной статистике? Или стыдно показывать прокуратуре полный паралич делопроизводства и несостоятельность отдельных командиров?

Сашка проходил призывную комиссию и не мог миновать психиатра на пути в командиры БМД. Если тогда он был здоров, а сейчас болен, на чьей это совести?

И кто решил, что психическое заболевание потерпевшего освобождает виновных от ответственности?

Капитан В. ГЕРАЩЕНКО,
наш спецкор,

293

- «Пастух» или офицер?
- Тотальный контроль — это недоверие к людям
- Пустое слово против живого дела: кто кого?

ПОМНИТЕ, наверно, как не однажды в вас, человека в военной форме, тыкали пальчиками симпатичные, незнакомые малыши и уверенно произносили: «Папа!», широко улыбаясь от радости? Конечно, помните. Это все они, офицерские дети, на втором—третьем году жизни принимающие за отца родного любого дядю в погонах. Потому что своего никак в лицо запомнить не могут. Не успевают просто: уходит глава семьи — они еще спят, возвращается — уже спят.

Один знакомый строителю как-то заметил не без скепсиса: «Если бы мы, как ваш брат военный, по четырнадцать—шестнадцать часов вкалывали, да еще иной раз без выходных, бьесь об заклад — каждая собака у нас в стране имела бы двухкомнатную кирпичную конуру». Хотел было я возразить ему, что, мол, наша боеготовность растет куда как выше, чем их захудалые небоскребы, да прикусил язык. Увы, не для ее повышения днюем и ночуем в подразделениях, забывая порой, что казарма — лишь второй родной дом, а где-то есть еще и первый. И, как ни парадоксально, не во благо любимому личному составу, силась, не можем вспомнить, какого цвета глаза у жены. Обидно, что занимаемся преимущественно не делом живым, кровным, а примитивной и нудной фиксацией каждого своего шага и твердой поступи монолитного строя подчиненных, протоколированием выполненного, невыполненного и того, что выполнить просто невозможно. Хотя и требуется. А стало быть, занимаемся тем самым трижды проклятым, бессмертным бумагомарательством.

Я не знаю, к сожалению, сколько писарей приходится на одно подразделение,

допустим, бундесвера, но, к счастью, и там не знают наших реальных расчетных данных, пребывая в тревожном неведении, держа порох сухим. И если мы действительно искренне желаем развеять миф о пресловутой советской военной угрозе, нам не нужно с завидным постоянством публиковать циклы пространных пропагандистских статей о нашем уникальном миролюбии (не друг к другу, а к зарубежникам!) и не надо в поте лица своего резать автогенном ракетой средней и прочей дальности. Достаточно поведать всему миру честному правдиво о том, на что практически приходится употреблять себя людям в военной форме с дорогостоящим высшим образованием — на канцелярщину чистойшей воды.

Простой пример. Если прикинуть количество часов плановых занятий да приплюсовать, что надлежит провести дополнительно согласно оргметодическим указаниям, да взять разовые распоряжения, да планы подготовки ставших ритуальными усиления, да повседневное выполнение ценных и бесценных рекомендаций инспектирующих и проверяющих, да заготовку картофеля и сдачу мяса, да поддержание инженерно-технических средств в рабочем состоянии вкупе с текущим ремонтом, да наведение лоска по случаю очередного приезда начальника, да... Ну кто, скажите откровенно, дотянув этот нескончаемый ряд до логического конца (а есть ли ему конец?), укрепитесь в вере, что наши военные — супермены-агрессоры? До агрессии ли тут, когда в любой промежуток времени человек с ружьем вынужден в двух, а то и в трех местах одновременно находиться: полсолдата на контрольно-следовую полосу, полсолдата на стрельбище, две тре-

ти офицера на службе, одна — на сборах в части и еще чуть-чуть — на диспансеризации. Если, конечно, верить всему написанному.

И ведь верим. Свято. Непогрешимо. Вынуждены верить. Привыкли. Не дай бог, по забывчивости какое распоряжение на бумаге не отразишь с соответствующей отметкой о принятии надлежащих мер! Страшит не столь невыполнение сути указания, сколь отсутствие спасительной записи о проделанной работе. Оно и понятно, выполнить все равно не успеешь — ЦУ «спускают» обоими, причем нередко противоречащими друг другу, — хоть записать и то дело. Да и качество исполнения проверяют по учетам и отчетам. А иначе как проконтролируешь, насколько «поднята ответственность», «усилено внимание» или «повышен спрос»?

Как тут не «раздуть» на свой страх и риск штаты писарей в роте минимум до отделения. Один журналы заполняет, другой — постовые ведомости, третий — планы политработы, четвертый наглядные пособия оформляет, пятый — оценки пристраивает по всем стендам ежедневно, еженедельно, ежемесячно — за службу, за боевую и политическую подготовку, за суточный наряд: одну бирочку с фамилией вынул, другую вставил, одну цифирку аккуратно стер, другую написал; шестой... седьмой... Кипит боевая работа. И офицерам полегче дышится с такой существенной подмогой — сидят, горемычные, конспекты строчат, на расписания занятий поглядывают. А их, расписаний, — и это тоже не военная тайна, ибо ни один супостат все равно постичь ее смысл не в состоянии — в роте по пять-шесть разом действующих, рассчитанных дифференцированно на личный состав в целом, сержантов, нештатных химиков, пулеметчиков, снайперов, агитаторов, редакторов... И на каждое занятие — будь добр, подготовь конспект, а после, не поленись, не забудь в учеты занести. До живой ли тут работы?

КОММЕНТАРИЙ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР — НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛКОВНИКА А. П. КОТЛЯРОВА.

Сказать, что автор поднял важную, актуальную для войск и, пожалуй, всей страны проблему, — значит, ничего не сказать. Бумаготворчество, к сожалению, наша давняя беда. И все требования руководства войск сократить переписку нередко натываются на глухую стену непонимания начальников на местах.

Далеко за примером ходить не надо. Среди тех, кто явно тяготеет к бумаготворчеству, — руководители различных звеньев управления внутренних войск по Уралу. Если мне не изменяет память, редакция журнала уже не раз подмечала эту далеко не лучшую особенность уральцев, в том числе и в одной из публика-

В войсках легенды ходят о людях, пытавшихся грудью своей прикрыть эти злосчастные амбразуры, из которых бумажные очереди napовал разят. Но, как сказал поэт, «плохая им досталась доля, немногие вернулись с поля...» Были и иные благодетели: в силу занимаемого положения, сверху пробовали директивно ограничить умопомрачительное число входящих и исходящих. Увы, эта бумажная гидра оказалась куда живучее мифической Лернейской, с которой едва управился Геракл. На месте одной отсеченной головы вырастают три. Вместо двух докладных из пяти пунктов каждая — вводится одна из тридцати. И даже взвод гераклов окажется бессильным перед этим бюрократическим детищем, так как любые новации лишь меняют форму контроля, не затрагивая основ всей Системы, настроенной на изначальное НЕДОВЕРИЕ К ИСПОЛНИТЕЛЮ. Вот корень зла, мощный, разветвленный, глубоко уходящий в почву. Бессмысленно придавать благообразный, пристойный вид его малой поверхностной части — нужно безжалостно корчевать. Система тотального контроля, которая, словно на трех китах, зиждется на подозрительности, страхе и некомпетентности (нельзя же быть докой во всех областях, а приходится), давно уже потеряла из виду истинную, главную цель — повышение боеготовности и боеспособности подразделений. И мы, влекомые силой инерции, боимся себе в этом признаться. Ей, Системе, не нужен этот вполне естественный для войск и желаемый результат, ее показатели — количество отработанных тем, составленных планов, соблюдение отчетности, оформление графиков и таблиц. Выполнено — отлично, нет — «не умеете работать, товарищи», а посему — ужесточить контроль, закрутить гайки потуже.

Характерно, что сейчас Система уже не довольствуется только бумажным и телефонным контролем. Развивается, и притом весьма бурно, новый критерий оценки деятельности офицера — умение

ций — «О нумерации, грабельках и надежности охраны...» (1989, № 11). Многие члены редколлегии и специалисты главы признали нелепость отдельных положений «Рекомендаций по оборудованию объектов и организации боевой службы». И только руководство Уральского управления по-прежнему стоит на своем: полезная бумага. Сначала генерал-майор З. Сидоренко ответил (к сожалению, не в силу соответствующего постановления и приказа министра внутренних дел СССР, а после напоминания редакции) на публикацию. А затем распорядился — тщательно... обосновать правомерность и законность «Рекомендаций». Куда деваться — обосновали. К слову, объем этого «Обоснования...» ненамного меньше самих «Рекомендаций».

Сколько же времени и сил можно было с толком потратить на действительно нужную, живую работу с людьми, кото-

«пастух» личный состав. Потому что практика «ответственных», невзирая на все запреты, не отмирает, а лишь становится изощреннее. И важно, что она культивирует застарелые, ставшие притчей во языцех беды — неэффективное использование служебного времени, резкое увеличение нагрузки на офицеров, девальвация сержантского звания. И важно, что откровенно подрывает авторитет офицера, в котором подчиненные привыкают видеть того, кем он по существу и является — «пастуха». Главное — она обеспечивает тотальный контроль: подменяя и опекая друг друга, люди бдят.

Закономерны и падение престижа профессии, и необходимость работать не за совесть, а за страх. Вы же знаете, с каких слов ныне, как правило, начинается постановка задачи молодому лейтенанту, службу постигающему: не «Вы должны...», а «Я не хочу из-за вас...». В духе времени.

Только в одном спасение — в самостоятельности командира. Подлинной, а не мнимой, лозунговой, декларативной. Она вполне способна нанести смертельный удар бумаготворчеству в целом и бумаготворцам в частности. Она избавит от нужды учитывать палочки и галочки и обратит воспитателя к воспитуемому, человека к человеку. Она непременно сдвинет с места наше судно на бумажной подушке.

Дайте время, обеспечьте всем необходимым, помогите, если обратятся за помощью, но не лишайте командира ответственности за подразделение. Вот тогда, уверен, офицер не пожертвует стрелковой тренировкой перед приездом начальника ради того, чтобы перешить бирки с левого лацкана на правый. И «личное» не будет, поскольку оценивать станут не по бумагам, а по выучке. Глядишь, постепенно и офицерские дети папами своих отцов называть станут. Тоже ведь немаловажно...

Капитан Р. ЗЛОТНИКОВ.

рой, следует признаться, в регионе невпроворот. Вместо того, чтобы изобретать велосипед. Ведь по сути «Рекомендации...», если закрыть глаза на ряд абсурдных требований, в деловой своей части примитивно дублируют далеко не новые войсковые каноны. И только. Генерал-майор З. Сидоренко считает это обстоятельство одним из сильнейших своих аргументов: мол, не нами придумано, не нам и ответ держать. А это, напротив, наиболее уязвимое место: подмена настоящего дела пустым бумаготворчеством, слепое, бездумное копирование служебных документов и приказов, нагромождение одних бумаг на другие. Словом, все что угодно — лишь бы не видеть тех, кто, злясь или подсмеиваясь в душе, вынужден выполнять очередные рекомендации. Не пора ли от слов перейти к делу? Или руководство управления по-прежнему думает иначе?

ПОРОВНУ? ЛУЧШЕ ПО СОВЕСТИ

В который раз при подведении итогов лучшим признан начальник войскового наряда прапорщик К. Хван. Наверняка и в следующем месяце командир отметит его. Побуждают ли успехи Кирилла остальных к повышению активности на службе? Мы привыкли свято верить: стоит одному вырваться вперед, как все другие тут же начинают подтягиваться до уровня передовика. Увы, если бы так было всегда.

Прапорщик Т. Рахматов, например, не особо охот до благодарностей и почетных грамот. И не только он. За минутную радость всеобщего уважения и почитания вкальвать до седьмого пота желающих немного. Ведь независимо от качества службы все расписываются в ведомости за одинаковые суммы. И лидеры, и отстающие.

Вот если бы лучших отмечали материально, из какого-нибудь фонда, тогда бы и заинтересованность резко повысилась. И создать такой фонд, на мой взгляд, нетрудно, было бы желание: за счет отчислений определенных процентов с денег, изъятых контролерами у осужденных. Прямая зависимость: выше служебная активность — больше сумма в фонде поощрения.

И командирам бы легче работать стало, по себе знаю. Сколько разговоров по душам было у меня с прапорщиком В. Овтиным, много ли проку: не контролер — а штатная единица для прикрытия поста. Зато на язык остер. А вот прапорщик И. Ермеков, напротив, слов на ветер не бросает, но мало кому на службе уступит. Зарабатывают же не по совести, а поровну.

Надумал сержант сверхсрочной службы А. Мусаев уволиться из войск досрочно. Как? Перестал на службу выходить. Время горячее, у нас запарка — каждый человек на счету. Отправить его на гауптвахту — значит, еще неделю нам «за того парня» службу нести. Получается: один чудит, остальные расхлебывают. Уговорили Мусаева всем миром дослужить положенное. И, понятно, чудачества его на денежном содержании не отразились. А те, кто за него копел на службе, — копейки сверху не получили. Это ли социальная справедливость?

Старший прапорщик
Ш. КАРИМБАЕВ.
Управление внутренних войск
по Средней Азии и Казахстану.

С БИВЧИВЫЙ рассказ Фединой матери, которая то и дело всхлипывала, все прояснил. Мы узнали, что случилось это после полуночи. Они были вдвоем. Отметим наступление Нового года, выпили по стакану вина. Федя почему-то расплакался. Сказал матери, что сходит в сарай, принесет дровишек. Долго не возвращался, и мать стала беспокоиться. Зашла в сарай, окликнула, посветила спичкой. И вдруг заметила, что на веревке, перекинутой через балку, висит человек. Горло перетянуто петлей, в ногах раскиданная охапка дров... Вот—нашла у него в кармане. Это он тебе...

Продолжая всхлипывать, женщина продолжает Валентину клочок бумаги. Король читает вслух:

Продолжение. Начало в № 9, 11.

А. ГУРОВ,
В. РЯБИНИН

«Братва, простите меня, но больше так жить не могу. Много сделал я людям пакостей. На моих глазах бросилась под трамвай женщина, у которой я вытащил пять детских карточек на продукты и хлеб. Уходя от вас, прошу: станьте вы наконец людьми, не приносите людям горя в новом 45-м году—его и без этого кругом хватает... Очнитесь, милые мои. Не так вы все живете. И я жил не так. Поэтому и решился... Прошу, Валя, похоронить меня по-боссячки. Прощайте.

Ф. А. 1/1—1945 г.»

Его посмертную записку привожу я, конечно, по памяти. Может, слова какие-то были другими, но за содержание ручаюсь.

Смерть Артиста и эта записка были для нас как гром среди ясного неба. Все амиг протрезвели. При гробовом молчании Валентиц достал зажималку, и листок запылал желтым пламенем.

— Не было никакой записки,—сказал он, обращаясь к матери Федора и ко всем нам.—Милиция не должна знать.

Об этом случае говорили тогда все воры Москвы. Некоторые были склонны считать, что Артист сошел с ума: не случайно, дескать, так ловко умел прикидываться ненормальным, попадая в ментовские лапы.

Валентиц на словах с этим соглашался, чтобы сгладить то впечатление, которое произвела на нас записка. Хотя он лучше других знал своего друга и подельника, ценил его здравый ум. А разыгрывать психов они прекрасно умели оба.

Федю Артиста похоронили, как он и просил, со всеми «боссячками» почестями. Было много венков, духовой оркестр. Гроб несли Король и Шанхай, Витька со Сре-тенки тоже «вор в законе»... Когда тело предавали земле, рядом с покойным Валентиц положил нож, бутылку водки и колоду карт. Так полагалось, когда хоронили вора.

Милиция во время похорон никого не тронула, хотя и собрался весь цвет Москвы «боссячкой».

Нас с Костей это событие так потрясло, что на другой же день после похорон мы сразу уехали в Электросталь и жили там почти месяц. Съездили к тете Марусе, Костиной маме. В лагере, сообщила она, сейчас только и разговоров, что об амнистии, которую ожидают после победы. Побывали в детском доме у моего брата Виктора, на судьбу он не жаловался, всем был доволен. Вместе сходили на кладбище—погреть на могилах родителей.

Костя опять замкнулся и все молчал, уставясь глазами в одну точку. Как-то, когда мы вдвоем коротали время за картами у него дома, он неожиданно для меня резким движением смел со стола колоду:

— Собирайся, пошли. Хочу извиниться перед тетей Фросей и вернуть ей долг.

Он попросил свою бабушку положить в сумку что-нибудь повкуснее из продуктов, которые мы привезли с собой, достал пачку денег.

Для тети Фроси наш приход был полной неожиданностью.

Костя, выложив на стол все, что мы принесли, подошел к ней:

— Тетя Фрося, ваши карточки украл тогда я. Простите, если можете.

— Дело прошлое,—она вдруг часто-часто заморгала глазами.

— Одно тебе скажу, сынок, на чужом счастье сыт не будешь. Запомни это...

Когда шли домой, Костя тронул меня за плечо:

— А знаешь, Валя, Артист, по-моему, правду написал.

НА ДОПРОСАХ И МЕЖДУ ДОПРОСАМИ ПОРТРЕТ СО СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

РАССКАЗАТЬ все это Ивану Александровичу я смогу, наверное, лишь за несколько вечеров. Хотя воспоминания о пережитом проносятся в голову за считанные минуты — их ведь не надо облекать в слова. Правда, иной раз всплывает в памяти дорогой сердцу образ или случай, сыгравший с тобой злую шутку, — и задумаешься.

Я лежал на жесткой ивезсовской койке, притворяясь, что сплю, но в мыслях был далеко отсюда, весь погруженный в далекое прошлое.

— Намайясь, бедный. Замучили эти проклятые менты, — причитал чуть ли не каждые пять минут балаболка-сокамерник. Нарочито громко, пытаюсь, как видно, меня разбудить.

«Пошел ты, подсадка поганая, к ядерной бабушке», — выругался я про себя. И — продолжал лежать, пока в установленный местный начальством час не открылась «кормушка», в которую подали обед.

Доедая под надоедливый треп сокамерника «шрапнель», я еле сдерживался от желания замазать ему по хавалу. Конечно, можно было и ошибиться, заподозрив в нем подсадную «шутку». Случается, чутье подводит. Что ж, поглядим.

...После обеда меня вызвали к следователю, чтобы предъявить постановление, подписанное прокурором. С этого часа из задержанного я становился арестованным.

На сей раз Иван Александрович держался со мной почти официально.

— Разрешите полюбопытствовать, — осмелился я все-таки задать вопрос, который человека в моем положении, естественно, не мог не волновать, — как продвигается дело, которое вы мне «шьете»?

— Продвигается, по этому поводу я тоже хотел с вами поговорить, — сухо ответил следователь и, посмотрев мне прямо в глаза, сделал паузу.

— На одного из подозреваемых в похищении икон, а если точнее — в грабеже, мы вышли, — продолжал Иван Александрович, заметно смягчая тон. — Спросите, как? Вычислили по почерку.

Прутья решетки на окне храма, откуда похищены иконы, кованые, исключительно прочные, оказались не распиленными или выломанными, а ...откусанными, как щипцами. Приспособление, которое позволяет давить на резцы с такой силой — до шести тонн и резать металл, было зафиксировано в нашей практике дважды, причем во второй раз вора схватили с поличным. И у нас были все основания предположить, что решетку резал рецидивист, год назад вернувшийся из зоны. Задержали. Молодой парень, лет двадцати пяти. Вначале, как водится, все отрицал. Но улики оказались больше чем достаточно. Во-первых, в сарае у старика из Быковского мы нашли это хитроумное приспособление — за него, как сказали специалисты, патент на изобретение был бы гарантирован. Во-вторых, парня опознал церковный сторож, показавший, что из двоих, совершивших грабеж, именно этот связал ему руки, засунул в рот кляп и повалил лицом вниз. Больше он ничего не видел, но приметы преступников запомнил. И в-третьих, Валентин Петрович, эксперты показали, что следы одежды на раме и решетке тоже скорее всего принадлежат этому человеку.

— Как это — следы одежды?

— Объясню, «Церковники», как и квартирные воры, обычно работают в перчатках. Вы это хорошо знаете. На пальцевые отпечатки рассчитывать нечего. Но у экспертов, а значит, и у нас, появилась в последние годы надежная аппаратура, которая позволяет исследовать мельчайшие, не видимые невооруженным глазом следы с места преступления — их называют микрообъекты. Волокна от одежды, остатки волос — да мало ли какие следы человек оставляет, помимо отпечатков пальцев.

— Понял, гражданин следователь. Но ведь нужно их с чем-то сличить. К примеру, с одеждой, которая была на человеке.

— Конечно. Эксперту непременно нужна вещь, оставившая следы...

— В наше время такого не было, — опять перебил я Ивана Александровича. — Но нынешние — они-то должны знать.

— А тут уж — знай не знай, но что-нибудь все равно после себя оставишь... Мы с вами отвлеклись, Валентин Петрович, но, я думаю, не без пользы. Мне лишь хотелось объяснить, почему следствие с достаточной уверенностью может судить о том, что человек, о котором я вам рассказал, участвовал в совершении грабежа. При обыске у него, кстати, мы нашли спортивные брюки и куртку, волокна от которых обнаружены на оконной раме. Тут он дал промах, хотя и опытный вор, дважды судимый.

— Но ведь одежду и обувь он мог бы и уничтожить, если опытный.

295

— Видать, не думал, что мы сможем на него выйти. Или же пожалел адидасовские три полоски.

Я почувствовал, что Иван Александрович, начав на официальной ноте, все более оживлялся, и допрос напоминал скорее уже доверительную беседу—из тех, что вели мы с ним в «нерабочее» время. По-моему, такие вот перепады, как и умение расположить к себе человека, были его коньком, помогавшим добиваться успеха. А может, я ошибался, и это был лишь один из тактических приемов допроса.

— С теми, кто непосредственно совершил кражу, пожалуй, все ясно,—продолжал следователь.—Ясна мне, в общем-то, и ваша роль, Валентин Петрович, хотя вы упорно все отрицаете.

— Это называется: без меня меня жевали.

— Читайте, как вам угодно, но задержанный рецидивист—кличка его «Сергунчик»—описал внешность человека, которому у себя на квартире дал пароль и адрес старика из Быковского, а у него были спрятаны похищенные иконы. Он же вручил этому человеку пустой «дипломат» с наборным замком. Так вот, приметы мужчины, которого описал задержанный, полностью совпадают с вашими. Один к одному. Будете отрицать очевидное?

Такого поворота событий я, честно скажу, не ожидал. Выходит, «беспредел», попирая правила нашей воровской «братвы», подставляет меня в открытую. Ну, этот номер им не пройдет. И если до последней минуты: я колебался, теперь—баста. Пусть все их фотки на память горят синим пламенем... Конечно, сдавать свои позиции сразу ни к чему, цену словам я знаю.

— Без очной ставки здесь, гражданин следователь, не обойтись. Иначе прилетят напраслину, а потом отмывайся. Они ведь...

— Погодите, Валентин Петрович,—перебил следователь.—Хочу напомнить, что до этого свое участие в краже вы полностью отрицали. Как теперь? Я хотел бы зафиксировать в протоколе.

— Признаю, но только пособничество, да и то неумышленное. Учтите, что я даже точно не знал, что именно должен взять у старика—хозяина дачи. Хотя суд вряд ли сделает скидку на незнание.

— Между прочим,—Иван Александрович впервые за время этого допроса протянул мне пачку сигарет,—о вашей второстепенной роли в этом преступлении я догадывался. И тут склонен вам поверить. Хозяин дачи на допросе свидетельствует в вашу пользу. Правда, Сергунчик представил вас чуть не организатором преступления. Но тут я вижу попытку прикрыть главаря группы. И, если честно, рассчитываю на вашу помощь. Иначе следствие может затянуться, и сколько мы вас продержим, неизвестно.

Наступила пауза, во время которой я попытался еще раз все взвесить. Но как ни взвешивал, гири на весах здравого смысла явно перетягивали в пользу чистосердечного признания. Потому что простить «беспределу» двойной обман я уже был не в состоянии.

— Дорезали, гражданин следователь,—я попытался даже шутить, хотя в душе все кипело.—Расскажу все, как было. От показаний не откажусь. Пишите.

Сказал, но тут—будто пружиной, сорвавшейся с гвоздя, ударило по мозгам: «Расскажу все, говоришь? В том, что эта пачка Сергунчик тебя, Валя, продал, и дальше готов продавать—сомнений нет. А с Сизым ты до конца разобрался? Уверен ли на все сто, что он гад? Что если послал он тебя на дело, зная, что в таких, как ты, можно не сомневаться. За тобой и смекалка, и блатной опыт. Дополнительно о засаде Сизый не знал—иначе бы отложил операцию. Вопрос в том, был ли он предупрежден своими людьми об опасности, о том, что за домом в Быковском следят менты. Если был и все же меня туда отправил—оправдания ему не будет. Это его последний шанс. Значит, о Сизом пока ни слова».

В общем, Ивану Александровичу я рассказал все, как было, но только с того момента, когда Сергунчик меня проинструктировал и вручил «дипломат». Погрешил только в одном: представил дело так, будто с самого начала вышел на этого типа. Встретил его случайно и «отгадал» чутьем.

Рассказал о том, как нашел в Быковском старика-дачника, как нас накрыли.

— А дальше?—спросил следователь.

— Дальше?.. Дальше я оказался здесь у вас.

— Не темните, Валентин Петрович,—продолжал настаивать следователь.—Меня в данном случае интересует не только ваша роль в этом деле—о ней я догадывался с самого начала. Нам крайне важно узнать, кому вы должны были передать «дипломат» с иконами.

К такому вопросу я был готов, хотя по давней привычке так и подмывало повалить «ваньку».

Сизого в данном случае я не подставлял—расчет на то, что люди у него надежные.—Но потопить «шестерку» считал своим долгом—иначе он по новой начнет все валить на меня. И надо будет доказывать, что не я затеял грабеж.

Я попросил у следователя сигарету, долго мял ее в руках и наконец решился:

— Иван Алек... то есть гражданин следователь. То, что я скажу дальше, в протокол просьба не заносить.

— Ну что же,—сказал он, отодвигая в сторону листок с записями.

— Называю адрес—Советская, 38 Фото-салон Там я должен был найти заведующего—Михаила Моисеевича. Пароль: «У меня старая фотография моей мамы. Не могли бы вы сделать портрет?» Он должен был ответить: «Можем, но на маму надо взглянуть». И пригласить к себе за занавеску. Там я вручил бы ему «товар»...

— Понятно.—Следователь, в который уже раз, забарабанил пальцами.

Я догадался, чем он раздосадован.

— Поспешили вы, видно, задержать «шестерку».

— Другого выхода не было. Он уже понял, что под колпаком. А что такое рецидивист, не вам объяснять. Могли упустить...

Что ж, спасибо за помощь, Валентин Петрович. Будем действовать. Завтра, я думаю, продолжим прошлую нашу беседу. Постарайтесь припомнить побольше подробностей своего житья-бытья, это всегда интересно и важно. А сейчас—за вещичками и в СИЗО.

Он нажал кнопку под крышкой стола. Вошел охранник.

— Проводите арестованного.

...Обитая железом дверь гулко захлопнулась, загремели засовы. Посмотрим, какое оно, новое мое жилище. Э-э, да вовсе не новое. Именно в этой восьмой камере сидел я лет пятнадцать назад. Те же койки в два яруса, оконная щель под самым потолком, параша справа от двери. Тогда еще, помню, попал сюда вместе со мной Жирный—майкопский «вор в законе». У меня в городе был подельник—на воле остался. Мой ровесник по кличке Ромик. Так чего он только не присылал—и колбасу, и рыбку соленую, и прочие деликатесы. Самогончиком тоже баловались—надзиратель приносил за мзду. Жирный—он был постарше меня и помускулистее—попытался было верховодить. Ну, с «ворами в законе» он не мог не считаться. «Братва» ему бы потом не простила. А вот «шпану»—давил, да и «пацанов» своих тоже. С барского стола, говорит, шпзне не дам ни крошки, лучше в парашу выброшу. И вот мы вчетвером пируем, а те сидят по углам и сосут лапу. Поглядел я на это дело и говорю: «Не пойдет так, Жирный. Здесь тебе не Майкоп. Он—на дыбы. Но нас—трое. И продукты—мои, имею право ими распоряжаться. Нарезал колбасу, сыр (нож-заточку надежно прятали) и раздал шпане. Жалко их было—если кому-то и присылали, разве же сравнить с нашими».

Сухари, леденцы, компот сушеный... После этого случая Жирный с нами дня три не разговаривал, дулся.

В каких только тюрьмах и изоляторах не пришлось мне томительно и с надеждой ожидать окончания следствия—до и после. Но этот СИЗО и эта камера под номером восемь запомнились. Может быть, потому, что впервые пришлось пойти на конфликт с «вором в законе», открыто не признававшим право на существование тех, кто не был «братвой». На «пацанов» смотрел он высокомерно, пытаясь заставить их себе прислуживать и считая зазорным «гулять» с ними за одним столом. И еще пытался он паренька одного совратить. Но и тут мы трое дали отпор, а камера поддержала.

Мне, прошедшему воровскую грамоту у Вальки Короля, выходы Жирного были не по нутру. Хотя я и знал, что в то время существовали уже и другие «школы», где так было принято. «Не от них ли берут начало те нравы, что усиленно стали насаждаться с появлением «польских воров» и «махновцев»? А потом восприняты были новыми. В их основе лежали жестокость и несправедливость, презрение к низшим по «рангу». Это я никогда не понимал и не принимал...

Та же камера. Любопытное совпадение. Тогда, я помню, следствие закончилось быстро, суд тоже. И отправили меня, кажется, года на два.

Посмотрим, кого же на этот раз послал бог в сокамерники. Контингент, это сразу заметно, в основном зеленый — из той же породы, что и акселерат Леха. Ну, да с этим понятно — в зоне их тоже теперь навалом. Видать, среди них буду уже не отцом, а дедом. Камера полна — из тридцати две—три свободные койки. Э-э, да вот он и сам, легок на помине.

— Привет, Леха! — я подошел к койке на престижном месте у окна, где устроился акселерат, и протянул ему руку.

Он обрадованно ее пожал, дав почувствовать крепость широченной своей ладони, и протрубил, покрывая гул камеры:

— Братва, замолкни. Представляю: это Седой. Кто из блатных о нем слышал? Что он скажет—закон. Шутить не дам. Все слышали?—И он по привычке поиграл «люберецкими» бицепсами.

Леха усадил меня на своей койке и подошел к лезавшему рядом увальню — тоже молодому, лет двадцати.

— Ты, сявка, отсюда мотай. Вон в тот угол. А твой плацкарт—для Седого.

Тот покорно стал сворачивать засаленное одеяльце.

Что ж, начало совсем неплохое. Погоду Леха, считай, сделал. С ним напару мы за себя постоим. А если надо, не только за себя.

Опять начались ставшие для меня привычными тюремные будни, самым светлым пятном которых была прогулка. Во время нее голова, устав от камерного шума и суеты, свежела. Можно было поразмышлять о чем-то приятном.

Я с нетерпением ждал, когда отворится дверь камеры и можно будет вдохнуть глоток свежего воздуха. Этот час сегодня мне был просто необходим. Для того, чтобы снова вернуться мыслями в далекое прошлое.

ИСПОВЕДЬ ПОРТФЕЛЬ ДИПЛОМАТА

В НЕДОЛГИЕ промежутки между отсидаками, вопреки всем запретам, я приезжал в Москву. А там, по старой памяти, словно магнитом тянуло на Курский вокзал. Очень уж много было с ним связано в моей беспоконной и полной неожиданностей воровской жизни.

Здесь теперь почти все выглядит по-другому. На месте старого вокзала — огромное современное здание с эскалатором и тоннелями (хотя внутри та же давка и теснота — воров на радость).

Но приезжал я на Курский вовсе не за тем, чтоб здесь «поработать», как в былые годы. Выходишь из вестибюля кольце-

вого метро, что рядом с вокзальным зданием. Несколько шагов направо, за угол. Вот и отдел транспортной милиции, бывший линейный — там же, где был в памятом сорок пятом. Почти ничего не изменилось в этом уголке площади. Вот и знакомое мне окно, как и тогда, зарешеченное. И невольно улыбнешься, припомнив в подробностях тот курьезный случай.

Я уже рассказывал, что после похорон Артиста мы с Костей уехали в Электро-сталь. Жили там почти месяц. Самоубийство этого человека, к которому успели привязаться, и особенно предсмертная его записка, сильно нас потрясли. Несколько ночей я почти не спал. И с Костей творилось что-то неладное — стал нервным, срывался по пустякам.

Но были мы тогда еще в том возрасте, когда потрясения, душевные травмы ранят сильно, но отпускают куда быстрее, чем взрослого.

В феврале, вернувшись в Москву, мы общались у преданной и не чаявшей в нас души тети Сони. К трусливому инвалиду, на другую «блатхату», очень уж не хотелось идти. Договорились с другом, что будем «работать» на Курском вокзале. Но в тот день, когда случилась эта история, Валентин, наш наставник, послал его «держаться трассу» на «марке». При этом добавил, что «майданнику» (вокзальному вору) без подельника обойтись проще, чем карманнику.

Кража была в общем-то рядовая. Ночью в зале для пассажиров я заметил сидевшего на скамье солидного, элегантно одетого мужчину в шикарной велюровой шляпе и при галстуке. Впрочем, мое внимание привлек не столько он, сколько новенький, туго набитый его портфель. Мужчина, как и все, дремал, место возле него оказалось свободным. Я подсел, несколько минут послушал его тихий храп, потом спокойно взял стоявший рядом с ним на скамье портфель, будто он мой. Пассажиры почти все спали. Да если б кто и проснулся, пока я пробирался к выходу, порт-

фель в руках «мальчика из интеллигентной семьи» вряд ли вызвал бы подозрение.

Не успела захлопнуться за мной массивная вокзальная дверь, как я уже сиганул с перрона на шпалы и что есть силы побежал к тупикам, где в ожидании ремонта стояли разбитые составы. Забрался в какой-то плацкартный вагон с пробитой крышей и покореженными окнами (видно, в него угодил снаряд) и, сгорая от нетерпения, стал «разбивать» портфель. Открыл — и плюнул с досады. Оказалось, что весь он набит какими-то бумагами, Кроме них, было несколько бутербродов да немного денег — совсем гроши.

И вот из-за этого самого портфеля на вокзале поднялся вдруг такой кипеш, что и представить трудно. Сотрудники милиции сновали по всем закоулкам — и вокзальным, и станционным, облезли все составы в отстойниках, где частенько ютилась «шпана». Забирали всех, кто попадался под руку, и отводили в отдел милиции — тот самый, что рядом с кольцевым метро. Кто-то из взрослых мне объяснил: ищут портфель какого-то дипломата, в нем — очень ценные бумаги.

Поняв, что для меня дело может кончиться плохо, решил лечь на дно — дватри денька отсидеть у Сони. Прихожу, а там — полная хата воров, тоже спрятались от того вокзального шмона.

Было этого пятого или шестого мая. А в ночь на 9 мая, когда Левитан читал по радио сообщение о победе над фашистской Германией, раздался стук в дверь: «Откройте, милиция!» Всех нас вывели во двор, и тут я понял, что сели прочно: хату плотным кольцом окружали милиционеры с пистолетами наготове.

А в доме в это время шел обыск. Нашли оружие, какие-то ценные краденые вещи. Это был достаточный повод, чтобы всех под конвоем отправить в милицию.

Где-то за Лефортовской слободой вставало солнце — майское, ласковое. Наступило утро Победы. А нас в это время под конвоем по железнодорожному пути вели к Курскому вокзалу.

297

Линейный отдел милиции уже до отказа набит был ворами всех мастей. И все, как оказалось, из-за украденного мной злополучного портфеля.

— Малыш, привет. Не иначе, твоя работа? — шепотом спросил меня кто-то из знакомых «пацанов».

— Угадал, — не стал я темнить, — моя.

Шпанята, услышав, что портфель «вертанул» я, стали упрашивать: «Отдай, Малыш, и всех нас отпустят». Говорили, конечно, тихо, чтоб опера не услышала.

Однако я хорошо помнил, чему нас с Костей учил Король: хочешь дольше гулять на свободе, ментам и следователям ни в коем случае не признавайся, тем более, когда нет доказательств. Впоследствии это правило часто меня выручало. На этот раз все вышло иначе.

Из камеры на допрос вызывали поодиночке. Никто, однако, сюда не возвращался. Мы подумали, отпускают. Но не тут-то было — всех уводили в другую камеру.

Наконец подошла моя очередь. В кабинете, куда меня привели, допрашивали двое, оба в штатском. Здесь, на вокзале, я на них уже нарывался. Даже фамилии запомнил — Максимченко и Колганов.

— «Признавайся, Малыш, портфель ты украл?» — подойдя вплотную ко мне и пытаюсь взять на испуг, грубо, с металлом в голосе спросил Максимченко. Как видно, ему уже надоело «выбивать» показания с помощью тонких тактических приемов — до меня ведь прошло человек двадцать.

— Что вы, гражданин начальник, — отвечал я, энергично мотая головой. — Ни о каком порте не знаю.

— Зря ломаешься, парень. — На этот раз заговорил Колганов. В отличие от высокого, с каланчу, и немного грубоватого Максимченко этот был небольшого роста, мягкий в движениях, вкрадчивый в разговоре, но зато неприятно, как бы испытующе смотрел в глаза.

— Пойми, милиции нужен не сам портфель, а бумаги, которые в нем находились, документы...

От его наигранно ласкового голоса и сверлящего взгляда мне стало как-то не по себе.

— Покази нам, где ты «разбил» портфель, — продолжал Колганов, — где бросил бумаги. Покажешь — тебя и всех вас сразу выпустим.

Я промолчал. Неприятно резанула мысль, что кто-то из «шпанян», а скорее всего из подосланных ментами в камеру, меня заложил.

У Колганова красноречие, видно, иссякло, тогда как его напарник, долга и сосредоточенно молчавший, вдруг произнес решительно:

— Слушай, Малыш. Тебя мы можем освободить и сейчас. Пойдешь в камеру и скажешь ворам, что отпускают за портфелем. Хочешь, возьми с собой еще одного — сам выбирай.

— А если потом вы опять заберете? — спросил я, заколебавшись, не веря пока что в предложенную опером «честную игру».

— Ну что ж, давай тогда так договоримся. Сюда портфель можешь не приносить. Подойдешь к окну, положишь его на тротуар — и тикай во все четыре стороны. Согласен?

Я кивнул.

— Только смотри, — обманешь, будем держать всех до тех пор, пока тебя не поймает.

— Понял. Только сперва в камере поговорюсь.

«Воров в законе» среди нас не было, только «фрайера» и «пацаны», но «советы», или сходку, провели по всем воровским правилам. «Пускай идет и приносит порт», — решила камера. — Если и схватят, судить не будут, он еще малютка. Отправят в бессрочную колонию, оттуда все равно убежит.

Проголосовали за это все как один. Потом стали решать, кто пойдет со мной. Выбрали глухонемого «пацана», который работал в поездах и на вокзалах, был очень лживым и дерзким.

После этого я постучал в дверь, и нас с Немым выпустили из камеры. Идем по коридору, Максимченко провожает. И вдруг — не верю своим глазам. У стены на скамейке — Маша, родная сестричка. Кидаюсь к ней, протягиваю руки.

А она смотрит, будто чужая, и произносит, не моргнув глазом:

— Ошибся ты, мальчик. Я не Маша, а Нина.

— Как же так...

— Проходи, не задерживайся, — торопит Максимченко, которого на этот раз, кроме портфеля, как видно, ничего не интересовало. С этим потом разберемся.

Когда мы с Немым вышли на улицу, я аж заплакал от обиды: как же так, не признай брата. Он стал показывать мимикой: расслюнявился, мол, как баба. «Это же родная сестра», — пытался я ему объяснить. Но Немой только рукой махнул.

Оказавшись на воле, мы наскоро перекусили в вокзальном буфете и, не мешкая, отправились по путям в тупик — искать пассажирский вагон, в котором я «разбил» портфель.

— Вот, кажется, и он. Как помню, портфель я забросил на третью багажную полку. Лезу вверх. Пылища — задохнуться можно. Вот он, слава богу, на месте. И бумаги целы. Немой рад, улыбается.

Хочу идти назад, к милиции. Но он резко дергает меня за рукав и что-то настойчиво объясняет жестами. Наконец понимаю. Вот хитрован, вот голова! Он хочет, чтобы мы шли пешком до Каменомольской площади, а оттуда до Курского доехали на метро (это одна остановка).

Так и сделали. Выходим из метро. Народу полно, нам это на руку. Подбегаю к зарешеченному окну, бросаю возле него портфель с бумагами, успевая при этом заметить удивленное лицо Колганова. Несколько секунд — и мы опять в вестибюле метро. Бежим, перепрыгивая через ступеньки, потом — по эскалатору, но уже не на кольцевую станцию, а на ту, откуда напрямую можно ехать до «Киевской».

Приезжаем вместе с Немым к тете Соне. «У нас теперь, после того как Король и Шанхай ушли, «шпаны» собирается много», — говорит она. Вижу здесь и тех, кто сидел со мной в камере на вокзале. Их уже выпустили. Все меня благодарят, но советуют из Москвы уехать — куда-нибудь на Украину. Опасно, мол, здесь оставаться. А мне уезжать не хочется. Я все думаю о сестре, почему она не захотела меня признать.

Прошло два или три дня. На «хате» пока все спокойно. Костя не появляется, а у меня идти к инвалиду нет никакого желания. Немой, которому у чем-то понравился, уговаривает пойти на одно выгодное «дельце», которое хотят обделать воры-«краснушники» (те, кто взламывает товарные вагоны и похищает оттуда вещи).

...Тут я должен буду объяснить Ивану Александровичу, что и «пацаном», и став взрослым, «вором в законе», всегда считал себя чистым карманником. Все остальные — и «рыжок» на Рогожском рынке, и кража портфеля — для меня редкое исключение. Таких случаев за всю жизнь наберется немного.

Иногда я слышу, что среди воров нет и не было узкой специализации. Дескать, сегодня они занимаются тем, завтра другим. Уверяю, что это не так. Своя «специальность», как и своя манера «работать», были у каждого профессионала, тем более у «вора в законе». Да оно и сейчас так... Хотя появляется все больше универсалов — эти, конечно, на все руки мастера.

Дело, на которое подбил меня Немой, для него было вполне привычным. Хотя вообще-то кражи из товарных вагонов в то время не принимали еще такого размаха, как сегодня, — поезда хорошо охранялись.

Об этом постыдном эпизоде своей биографии я и сейчас не могу вспоминать без содрогания и горечи.

Вагон, который облюбовали «краснушники», стоял на путях все того же Курского вокзала. Прокрались мы к нему ночью, часа в два. Опытные в этих делах воры быстро «фомичем» взломали дверь. Вместе со всеми полез в вагон и я. Было темно, и кто-то зажег свечу (опытный «краснушник» всегда имел ее при себе). Увидели, что здесь почти доверху все забито посылками. «Разбили» одну, другую, третью. Почти в каждой — золотые кольца, браслеты, часы. И еще — меха, дорогие отрезки. Набвгивая свои мешки, мы брали только самое ценное. Осторожно, чтоб не нарваться на охрану, вылезли из вагона и по шпалам пошли в сторону заставы Ильича. На Яузском мосту кто-то оглянулся.

— Глядите, братва!..

В том месте, откуда мы только что ушли, полыхало зарево. Поняли сразу — горит тот самый вагон, в котором оставили непотушенную свечу.

Вспоминаю — мурашки по коже... А вообще, если вдуматься, то, что мы тогда похитили, и то, что спалили по неосторожности, — разве честным путем было добыто. Немцы грабили нас, потом мы, победители, мстили им. Но ведь и то и другое — мародерство, даже если оно официаль-

ное, именовалось конфискацией, контрибуцией или еще как. Впрочем, и настоящих мародеров на фронте, говорят, хватало.

В те минуты, мне, конечно, было не до размышлений. Главное — быстрее укрыться от ментов, которые этого «факела» не простят. К тете Соне, понятно, идти нельзя. «Краснушники» решают всем сразу податься к «барыге», что живет где-то неподалеку.

«Барыгой» оказался не кто иной, как Боря Букаха — тот самый, что однажды загнал нам с Костей консервы, в которых вместо американской тушенки были тряпки с песком.

Стучим, выходит Букаха и, уяснив ситуацию, командует: «Быстренько все в сарай». Приносит самогон, закуску. Выпиваем, потом разбираем «трофеи». Сколько же здесь всякого добра...

Букаха берет у меня два отреза шерсти, десятка три колец и брошей. Деньги отдает сразу — несколько пачек «красненьких» — тридцаток, пачку сотенных. Ухожу от него с оттопыренными карманами.

Пожалуй, надо взглянуть к тете Соне. Знаю, что рискованно, но иду. Вручаю ей пачку денег, дарю, на выбор, два перстенька. Она довольна, благодарит от души.

— Да, совсем забыла. Была твоя сестра Мария, очень хочет тебя увидеть. Сегодня вечером опять придет. День ты где-нибудь скоротай — небезопасно здесь...

Я ее уже не слышал. Сердце часто-часто забилось. Наконец-то увижу Машу.

О тех несчастьях, что обрушились на нашу семью, сестра, как оказалось, знала. И меня повсюду разыскивала. А в милиции открестилась от меня потому, что «ухарилась», жила под чужой фамилией, документы были краденые. Сестра, как и я, стала воровкой, и успела уже отбыть срок в лагере.

В тот же вечер Маша увезла меня на свою «хату» — в Малаховку. Там она жила у подруги, тоже воровки. Этой женщине было лет тридцать пять, звали ее Лена. С ней жил сын — Володя, о котором стоит немного рассказать.

Володе тогда только-только стукнуло четырнадцать. Как и я, был он карманником. И уже в ту пору проявились у этого паренька качества, которые впоследствии позволили ему стать одним из самых известных в Москве «воров в законе».

Совершенно неграмотный, ставивший вместо подписи крестик, он был, однако, умен и изворотлив, умел выходить сухим из воды. Пил очень мало, не ругался матом, любил, как и Валька Король, хоршо одеваться. И, что было в то время редкостью, тем более среди воров, — искренне верил в бога. Кстати, учиться он не пошел затем, чтоб не служить в армии. Не случайно, став «вором в законе», Володя получил кличку Хитрый полк.

Воровал Хитрый много лет и только на тридцать пятом году своей жизни впервые сел на скамью подсудимых — случай редкостный. Впоследствии судьба сталкивала нас с ним не один раз, «работали» иногда на пару.

...Из Малаховки вернулся в Москву, и менты все-таки меня изловили. Опять от-

правили в Даниловский приемник, а оттуда попал я в детскую трудовую воспитательную колонию (ДТВК), под Звенигород. Не пробыв там и месяца, убежал.

На этот раз немало был удивлен, встретив у тети Сони Куцего — живого и неврежденного, разве что сильно исхудавшего. И все такого же шустрого, не способного и дня усидеть без «дела».

Вскоре пришел и новый его поделщик — мужчина лет тридцати. Они стали обдумывать план квартирной кражи.

Потом, как обычно, выпили.

— Не дрейфь, Малыш, — похлопывал меня по плечу Куцый. — Ловкость рук — это сила. А если при тебе вдобавок и «фигура» надежная — ни один мент нам не страшен. Видел?... Приподняв свой шерстяной свитер, он ловким движением выдернул из-за пояса «парабеллум» — новенький трофейный пистолет с прицельной шкалой.

— Король подарил — умеет он слово держать... А от того, одноногого, мы смотали. Нудный он и к тому же трусливый.

Валентин и Шанхай пришли поздно вечером. О Косте они ничего не слышали.

— Вымахал парень, в силу вошел — вот и от рук отбилась. Подружка, видать, появилась, не до тебя ему, — пошутил Шанхай. И добавил:

— Не «замели» его, это главное.

НА ДОПРОСАХ И МЕЖДУ ДОПРОСАМИ «ЛОМОМ ПОДПОЯСАННЫЕ»

— У НАС с вами, Валентин Петрович, прямо как в «Тысяче и одной ночи». «И настало утро, и Шахерезада прекратила дозволенные речи». До утра, правда, еще далековато, но полночь близится. А рассказывали вы сегодня об очень интересных вещах. Особенно этот эпизод с портфелем... Умела же работать милиция — позавидуешь. Можно сказать, классический пример гибкости, изобретательности в сочетании с индивидуальным подходом, учетом психологии вора.

— Ну, это вам виднее, как оценивать. Одно скажу — были и тогда в милиции всякие, вроде того же Прошина, выпивохи и взяточника, но — как исключение. Большинство свое дело знало и делало его честно. Ментов мы тогда боялись.

Иван Александрович, как и в прошлый раз, предложил мне чай. Прошелся по кабинету, решив, как видно, немного расслабиться.

— А у вас отличная память, Валентин Петрович, — сказал вдруг он, чему-то еле заметно улыбнувшись, — хотя у каждого нормального человека, как считают психологи, в памяти есть изъян: обычно в ней

оседает приятное, доброе, а плохое и злое, если и остается, то где-то в «записниках», о нем чаще всего и вспоминать нет охоты. И чем дальше по времени события, тем больше человек их как бы идеализирует. И своих прежних друзей, знакомых окружает неким священным ореолом. Не случайно в народе говорят: кто старое помянет, тому глаз вон. Под старым, конечно, имеют в виду плохое...

— Вот и у вас, — продолжал он, — не обижайтесь, но есть в рассказе налет некой сентиментальности, ностальгии — тоски о прошлом и, я бы сказал, некоторой идеализации воровского мира.

Я не сразу ответил, поскольку такой поворот в разговоре был несколько неожиданным. Но подумал, что следователь во многом прав.

— Но ведь и люди, Иван Александрович, встречались на моем пути больше хорошие, — продолжал я, — хотя и были ворами. Тот же Король, Лида или тетя Соня. Не рвачи, не скряги. Жизнь у них, ясно, была поломанная, но чуткости к нам, мальчишкам, проявляли они куда больше, чем в зоне или детской колонии. И еще мы, хочу я сказать, «братвой» были не только по названию, как нынче у «беспредела». Никаких атаманов или, как вы их называете, лидеров, не знали. Это потом появилось сперва в зоне и куда позднее на воле. Как же тут не идеализировать.

— Верно, ваше воровское «братство» зарождалось стихийно. Десятками лет формировало свои правила — неписанные законы, свой жаргон-«феню». Все это передавалось от одного поколения воров следующему еще со времен волжских разбойников, а может, и раньше, то есть по форме было сродни устному народному творчеству. «Новые», Валентин Петрович, далеко не те. У них четкая структура, подчиненность старшему, непререкаемый авторитет лидера. И даже инструкции — «писанные», а то и тиснутые в типографии, хотя и надежно упрятанные от посторонних глаз. Их, как и обращения к сообществу, «эмиссары» доводят до каждого. С тем, чтобы в случае надобности весь этот сложный преступный организм — иной раз двести сотни людей — действовал четко и слаженно. Равенство и братство у них разве что на словах, не как в ваше время. А фактически их неписанные правила — жесткость, бессердечность, подкуп. Ничего удивительного — таким стало и само общество. Не случайно зываем мы к милосердию.

— И все-таки непонятно мне, Иван Александрович. — Раньше, при культе, демократия только провозглашалась, за «политику» преследовали и сажали — об этом теперь открыто пишут. Почему же тогда у нас, «босяков», было равенство — и не на словах. Никаких тебе атаманов, на сходках любой вопрос решали голосованием. И при том, будь ты хоть трижды «вор в законе», давить на остальных не имел права. Теперь почему-то все наоборот. В обществе — демократия, а у «новых», «беспредела» то есть, почти что сталинский режим. Чем это, по-вашему, объяснить?

— Непростой вопрос. — Иван Александрович

рович затянулся сигаретой. — Думаю, дело в том, что даже при четкой структуре, системе подчиненности «беспределу» трудненько было бы обойтись без железной дисциплины. Это они хорошо усвоили, взяв пример с итальянской мафии. Растворяться в обществе им никак нельзя. Любая тайная организация, в том числе преступная, в нынешних условиях только так и способна выжить. Это ее козырь, ее спасение. И — причина непопулярности ее «корабля». К тому же ваше поколение воров имело иные потребности, а бизнес и подкуп должностных лиц требует и иной организации. Одним словом, преступность изменилась, и явно не в лучшую сторону.

Вы, Валентин Петрович, говорите, что у вас в воровской среде были демократия, равенство, а устанавливать справедливость вы считали чуть ли не своим предназначением, это был для «братвы» закон из законов. Так ведь? — я кивнул, соглашаясь с ним. — Но, если вдуматься, какие-то элементы, зародыши будущей мафии можно было подметить и у вас. «Вором в законе» мог стать только судимый. Исключения тут были, но очень редкие. Прежде чем стать «законником», ты обязан был пройти испытательный срок. «Пацаны», если не ошибаюсь, числились в кандидатах. На сходке — а только она имела право присвоить воровское звание — за кандидата должны были поручиться рекомендуемые, иногда (есть такие свидетельства) требовались даже письменные рекомендации. И те, кто их давал, нес за вступивших в «братство» ответственность. Более того, была ведь и сходка — орган управления, было и «воровское благо» — нечто вроде общей денежной кассы, правда, последнее характерно для мест лишения свободы, было и многое иное. Вот они где, истоки...

Но вернусь к сегодняшнему дню. Дисциплина у этих «мафиози» железная. И тем не менее — многие, поступаясь своим «я», личной свободой, становятся «шестерками», исполняющими чужую волю, «громоотводами» — теми, кто берет на себя чью-то вину, а то и наемными убийцами — их называют «солдатами» или «быками». И все ради единственной цели — какое-то время, пока ты на свободе, — пожить безбедно, займешь свой «Жигуль», дачу, шикарные девочки, покутить в ресторанах... Эти все «пристяжные», «мелюзга». «Ворами в законе» в таких сообществах считаются лидеры, да и то не все. Запросы у них куда как солиднее. Им уже подавай не только наши деньги, но и валюту. И цель у многих из них четко прослеживается: «отмыть» чужими руками побольше денег, перевести их на Запад и положить на счет в какой-нибудь банк. Такие случаи уже есть. Это, так сказать, первый этап. А второй — при удобном случае самим махнуть за границу.

Да и само воровское братство «идейных» теперь далеко не то. Вот вы, Валентин Петрович, — вы уже «нзлманский вор», то есть вор «старой масти», и потому вас могут легко опустить, унижить, если не пойдете на сделку с новыми, так называемой «пиковой мастью». Тот, кто не поддерживает новых, а они еще зовутся «козырными», их, как выразился один проходивший по

делу мафиози — Нарик из Ташкента, выбивают как мамонтов. Кстати, самого его недавно по решению сходки убили вместе с телохранителями из ружья прямо возле ресторана.

— Да кто же его-то? — вырвалось у меня.

— Наемные убийцы. Есть теперь, Валентин Петрович, и такая специальность: наши тоже не лыком шиты, не хуже сицилийских. А если серьезно, то сходку купили дельцы, которым Нарик не давал покоя, грабя их беспардонно, невзирая на выплачиваемую по договору дань. Любил карты, а дельцы умели считать свои деньги. Так что, видите, какое переплетение интересов.

От таких его откровений я аж поперхнулся сигаретным дымом.

— Об этом, честное слово, в первый раз слышу, да где в полосатой зоне узнаешь. Надо же, до чего дошли. Они же — как волки, мы по сравнению с ними ягнятами были.

— Ну уж, не скажите, — усмехнулся Иван Александрович. — Вреда людям и вы нанесли очень много. Но если говорить о масштабах, суммах, запросах — сравнение верное.

— Иван Александрович, а может, вы мне не откажете в одной просьбе — как знаток всех этих дел. Очень уж хочется знать поподробней, откуда они пошли, эти «новые», «беспредел» этот. Кое-что, конечно, я слышал и был свидетелем, но так ли понял, не знаю. Видно, много сидеть — не значит много знать. Тут действительно без науки не разобраться.

— Если хотите, попытаюсь, как смогу, удовлетворить ваш интерес. Но только, скорее всего, с вашей же помощью... Кстати, пейте свой чай — стынет.

— вспомните, Валентин Петрович, — продолжал он, — когда начали активно распадаться такие группировки, как ваша?

— Если считать за группировку нашу «босату», к примеру, московскую, то где-то в 50-е. Тогда милиция со страшной силой за нас взялась.

— Милиция — да, но полагаю, не в ней одна дело. Помните, разве не в это самое время появились «польские воры»?

— Точно, я тогда отбывал срок. С «польскими» стычки были у нас еще те. Отъявленные бандиты. Их мы еще «суками» и «отошедшими» называли.

— Ну, а о таких, как «красная шапочка», «ломом подпоясанные», «дери-бери», слышали? — спросил Иван Александрович.

— Приходилось, хотя между ними особой разницы не улавливал.

— Да ее практически и не было. Эти названия группировки «отошедших» присваивали себе с целью маскировки, чтобы поглубже упрятать свое бандитское обличье.

С них-то и начинается, как я думаю, хотя и с некоторой натяжкой, родословная «новых». Не случайно название одной из тогдашних группировок — «беспредел» с чьей-то легкой руки стало одним из синонимов нынешних «воров в законе». Очень меткое словечко, прямо в «яблочко» попадет. Вашего же брата, воров старой школы, сами они, как я уже говорил, называ-

ют «напманскими», а по существу, видат в нас не более чем «шестерок».

— Вот стервецы, — не удержался я, чтобы не выругаться. — Это уж скорей к ним относится. С торгашами да кооператорами мы сроду не путались.

— Да, тут есть доля правды, — задумчиво произнес Иван Александрович. — Если бы только не путались с акулами от эксономики.

Вы, очевидно, не жалуете, по старой привычке, прессу, а то бы узнали из «Учительской газеты» нечто другое. Там, например, говорилось, что современных «воры в законе», являются чуть ли не эталоном поведения. Они-де и самые справедливые, и самые гуманные, и законы их не те, что законы общества. Вот, оказывается, с ког нам брать пример предлагают. И все на полном серьезе. Однако это уже эмоции...

— Теперь представьте себе, Валентин Петрович, где-то в роскошном особняке с бассейном живет, не работая, не воруя и не совершая никаких преступлений, очень богатый, уважаемый всеми человек, Умный, внешне культурный и хорошо образованный. Впрочем, он может и работать, к примеру, возглавлять какой-нибудь кооператив, ставить подписи, прикладывать печать. Все остальное за него делают. Он — хозяин и «благодетель» не одной, быть может, сотни людей. Хотя большинство из них не знает даже его подлинного имени. Он разрабатывает идеи, стратегию, тактику. Осуществляют его «предначертания» другие — те самые «шестерки», «солдаты» и прочие, о которых мы уже говорили. Приблизженных к нему лиц немного, если не считать охраны. Это «авторитеты». Есть «авторитеты». Есть и обслуга — «свои» врачи, парикмахеры, юристы, консультанты разного профиля; эти в организации могут и не состоять, а привлекаться по мере надобности. Сходку он формально признает, воровские законы тоже. Но, если надо, всегда диктует свои условия. Потому что в его руках — сотни тысяч, а может, и миллионы, вся общаковая касса. Каждый из пристяжи, и даже другие уголовники, обязаны платить ему «дань»... И очень немногие знают, что звание «вора в законе», а точнее, право лидерства он тоже купил за большие деньги, не будучи даже судимым. Тот самый Нарик, о котором я упоминал, вообще был гладиатором, то есть хулиганом. На сходках, между прочим, «козырной», когда требуется, купит голос и такого, как вы, «напманского» вора. Да что там голос. В одном регионе купили чуть ли не всех старых воров, и теперь они, получая постоянную «пенсию», сидят на сходках без права решающего голоса.

Я слушал Ивана Александровича, загворившего вдруг с жаром так красноречиво, что в душе моей заметнее назревал какой-то разлад. От этого даже не по себе как-то стало. Может, рассказывая о своем «мафиозии», он имел в виду Сизого — многое здесь сходилось. Неужели вышли на него? Впрочем, лучше пока не спрашивать...

— Такие, как вы, карманники, у него нынче не в почете. Вы только под ногами мешаетесь. Иное дело, скажем, «отмыва-

ние» кооператоров, наркобизнес, проституция. А если кража, то стоящая, скажем икон. Нужен, конечно, канал, по которому их можно переправлять за границу — тогда потечет валюта... Ну, об этом потом, а то опять подумаете, что склбляю вас в даче новых показаний.

— Уже подумал.

— Что ж, ваше право. На досуге можете, Валентин Петрович, подумать и о другом — все ли вы сделали, чтобы помочь следствию, свою совесть до конца очистили? Тот человек, которому вы должны были передать иконы, отбыл в неизвестном направлении. «Шестерка» не колется. И упорно называет организатором преступления вас...

— Прошу об очной ставке, — перебил я.

— Торопиться не будем, Валентин Петрович. Она вам сейчас ничего не даст. Свидетелей нет... В общем, подумайте. Время уже против вас работает.

— Понял. Только не знаю, что надумую.

— Ладно, оставим пока все это. А то ведь обидитесь, в следующий раз и я поведываться мне не станете. Лучше я вам покажу один интересный документ — как раз в подтверждение того, что говорил сегодня о «новых».

Он достал из ящика стола лист плотной бумаги с отпечатанным на машинке текстом и стал читать.

Это было обращение к «авторитетам». И что меня действительно удивило: обращение принято было не на какой-нибудь воровской сходке, а на заседании конференции заслуженных членов общества. Кто они, эти заслуженные члены?

Да и какое это обращение, если все состояло из конкретных пунктов и напоминало скорее инструкцию по организации крупной шайки или, как говорит Иван Александрович, преступного сообщества. Особенно запомнились пункты, где шла речь о конспирации, о создании сети своих людей в зонах и на воле, об установлении условий контактов с должностными лицами (денег из общака не жалеть — подчеркивалось там), о мерах противодействия администрации ИТУ. Даже о бойкоте ст. 188 УК не забыли. Это, пожалуй, верно. Вроде опасное состояние личности отменили, а рецидивиста наказывают строже, и за что? За то, что не захотел исправиться и нарушает режим отбывания наказания.

Да, по-большому работают. В наше время только за намек на такую организацию пришли бы умысел на свержение власти. Если этот документ не туфта, то действительно все обстоит серьезно. Наши воровские сходки в Казани, Краснодаре, на которых тогда судили «авторитетов» и приговаривали их к смертной казни, — все было только нашим, воровским делом, хотя, конечно, несправедливым. Но тут...

...В камеру я вернулся далеко за полночь. Все уже спали. Лежа, сладко посапывая, думал, видать, о каких-то амурных делах. Обо мне он проявил трогательную заботу, оставив на нарах миску сужином.

Мои же мысли витали все еще там, в кабинете Ивана Александровича.

Утром я попросился к следователю.

ИСПОВЕДЬ В БЕГАХ

ПРОШЛО месяца три после нашу- мвешей истории с портфелем, и мне пришлось пожалеть о том, что не послушал доброго совета — уехать из Москвы. Нет, из- за портфеля менты не стали бы уже меня трогать. И кражу из вагона они так и не раскрутили. Замели меня по карманке, и опять на том же Курском вокзале. Что поделаешь, вор, как и любой человек, привыкает порой к одним и тем же местам, будто смазаны они медом. В свое время Валентин Король обругал нас с Костей за то, что без конца мзозлим глаза Михалькову на Рогожском рынке, и справедливо. Но, видать, разговор этот не пошел мне впрок.

Вот так я и оказался в Нижнем Ломове, в ДТВК — бессрочной детской колонии закрытого типа. Последнее означало, что убежать отсюда почти невозможно. Вначале я в это не верил. Рассчитывал на свою ловкость и смекалку. Когда, преодолев «полосу препятствий», вырвался из зоны и побегал, думалось, все, вот она, свобода. Успел отбежать километра два, но тут меня все же схватили.

В колониях ввели в то время систему зачетов. За хорошее поведение и учебу осужденному начисляли баллы с плюсами, если же нарушал режим, совершал какой-то проступок — с минусами. Эти баллы влияли на сроки отсидки. Если плюсов было больше, тебя могли раньше освободить, и наоборот. За минусы, кроме того, наказывали — давали наряды вне очереди, заставляли делать грязную работу. При этом и весь отряд лишался каких-то льгот — ответственность была коллективной.

Сколько наложить плюсов или минусов, решал актив колонии. А он был здесь очень сильный. Активистов не любили, называли «озлами», но боялись — они, как и во все времена, были прихвостнями начальства.

За мой неудавшийся побег наш отряд оштрафовали на 500 минусов. Меня же заставляли после отбоя мыть полы, подметать двор, выносить парашу. Я наотрез отказывался. Активисты издевались, били, но сломать меня было трудно.

Потом стали уговаривать войти в актив, но воровские законы этого не допускали, даже если тебя избьют до смерти.

Мы учились в школе, а после учебы по четыре часа осваивали какую-нибудь рабочую профессию. Я учился на слесаря, и это мне давалось неплохо.

Но мысли по-прежнему были заняты тем, как отсюда сбежать. Свобода даже во сне снилась.

Подружился с мальчишкой лет четырнадцати по кличке Кутуз. Стали вместе готовиться к побегу. Из напильников сделали ножи — резать колючую проволоку. Выбрав удобный момент, подобрался к полосе ограждения, предсделали ее по-

пластунски... Кутузу повезло — удалось сбежать, а меня поймали опять. Жестоко избили и отправили в изолятор.

Мечусь, как волчонок в клетке. От нарядов после отбоя на этот раз никак было не уйти, иначе могли неизвестно сколько продержат в изоляторе. А в школу и на работу все равно должен был ходить. Уставал так, что засыпал на уроках.

Терплю, о побеге теперь нечего и думать: за мной следят и днем, и даже ночью. Даже в уборную одного не пускают — только в сопровождении дневального.

Так проходит сорок шестой, сорок седьмой годы... А в начале 1943-го нас, человек сто пятьдесят, начинают готовить к от- правке. Поговаривают, поедем на какой-то большой завод. Отбирают ребят, которым по семнадцать-восемнадцать лет. Мне еще нет шестнадцати, но начальство, как видно, решило от такого лучше избавиться.

В день отправки получаю паспорт. Читаю: год рождения — 1930 (хотя на самом деле — тридцать второй).

Привозят в Пензу, там подписываем какие-то договоры, получаем подъемные. Нас сажают в «телячий» вагон с нарами и отправляют на Урал, в город Верхний Уфалей. В других, плацкартных вагонах, едут и вольные, которые завербовались на тот же завод. С нами отправили и кое-кого из активистов — Королева Кольку и других. Вот когда, думаем, мы им все припомним...

Привозят в Верхний Уфалей. Поселяют в общежитие. И уже с первых дней дирекции завода пришлось хлебнуть с нами горя. Вели себя развязно, на работу почти не ходили. Деньги, что у нас были, пропили, и стали требовать аванс. Начальство не дает. Тогда начали продавать одеяла и подушки. Нас вызывают в отдел кадров: не хотите нормально себя вести — увольняйтесь, расчет дадим. Кое-кто взял расчет сразу, другие, и я с ними, решили немного повременить.

Если не считать политики, которую вдалбливали в наши преступные головы каждый божий день, никакой воспитательной работы не было — ни в цехе, ни в общаге. Начальство думало лишь о том, как бы поскорее избавиться от «колонистов». За кражи — квартирные или на базаре — милиция к нам зачастила, на допросы вызывали одного за другим. А вообще мы жили как вольные казаки — хочу иду на работу, хочу — нет. Не жизнь — малина.

По городу мы, вчерашние колонисты, обычно ходили целой компанией. Отправлялись то на базар, то в кино или на вокзал, ища приключений либо приглядываясь, где и что «плюхо лежит».

Нам с новым моим дружкой Ваней такая нескладная жизнь в конце концов надоела. Увелились, взяли документы и сели на первый послезавтрашний поезд в сторону Москвы. Привез он нас в Куйбышев. Деньги кончились (их, естественно, и было-то — кот наплакал). Красть в незнакомом городе страшновато. Да тут еще услышали, что вышел Указ от 4 июня 1947 года. За кражу теперь могут дать лет шесть, а то и десять. До поры решили «завязать».

Ходим по городу, читаем объявления. Одно из них нас заинтересовало: приглашались рабочие всех специальностей на стройку в город Воронеж. Приходим на вербовочный пункт. Там смотрят наши документы. «Вроде все в порядке, — говорит вербовщик. — Да уж малы вы больно для восемнадцати лет». — «Маленькая собачка — век щенок», — шутит его напарник. «Убедил, берем», — решает первый. Заключаем договор, у нас отбирают паспорта, дают подъемные, и мы едем в Воронеж.

Город весь в руинах. С трудом находим свое предприятие, кажется, Мостозавод. Нас поселяют в бараке. В комнатах здесь по двенадцать-пятнадцать человек, но ничего, жить можно — тепло и как-то даже уютно.

Работу дают нетяжелую: поливаем водой из шланга бетонные плиты или еще что-то делаем в этом роде.

На стройке знакомлюсь с молодым человеком лет двадцати пяти. Звать его Леша. Женат, живут они с Ниной в соседнем с моим бараке, где им дали небольшую комнатку. По воскресным дням Леша надевает военную гимнастерку, и они с Ниной идут на танцы или в кино. На груди у него гордо поблескивают два ордена Славы.

Подружившись с Лешей, я стал часто бывать у них дома. Весельчак и балагур, свои остроты он то и дело замешивал на «фене». Как-то я не удержался, спросил, откуда он знает «блатную музыку», Алексей рассказал такое, во что сразу трудно было поверить.

До войны был он вором «медвежатником». Его руками любой сейф поддавался. Однажды залетел по-крупному — десять лет дали. Когда началась война, из лагеря отправили в штрафную роту. Напросился в разведку, не раз добывал ценные сведения, брал «языка». Был трижды ранен и опять возвращался на фронт. Судимость с него сняли. А за храбрость и смекалку солдатскую получил два ордена, медали.

Остался он после войны сиротой, как и я, родных никого. И потому, наверное, был ко мне добрым и старался чем-то помочь, накормить домашним обедом. Нина тоже встречала меня как своего.

С Лешей говорили мы много и обо всем. Но что показалось мне странным: не раз и не два, порой без всякого повода возвращался он к одному и тому же: «Завязал я — понял? И точка. Жена добрая и красивая, скоро мне сына родит. Жить хочу, как люди... Понял, братуха?» Я ему верил, но удивлялся: зачем он это повторяет, как будто старается убедить самого себя...

Вскоре я познакомился с девочкой. Звали ее Надей, приехала на стройку с родителями. Она мне очень нравилась. Мы ходили в кино, я часто бывал у нее дома. Но больше всего запомнилось, как летними вечерами сидели мы на скамейке возле крыльца и, разговаривая о разных пустяках, будто случайно прикасались друг к другу. Потом она уходила спать, а я долго еще стоял у заветного окна... Это была еще не любовь, а мальчишеская влюблен-

ность, восторг перед девичьей красотой, ожидание чего-то неизведанного.

Потом Надя заболела тифом. Я навещал ее в больнице, приносил гостинцы. Когда заходил в палату, Надя тут же надевала косынку — очень стеснялась, что пострижена наголо.

Подружившись с Надей, я реже стал бывать у Алексея, иной раз неделю к нему не заглядываю. Однажды в начале смены на стройке поднялся шум: ночью кто-то проник в контору и почистил сейф—«взял» зарплату, которую сегодня нам должны были выдавать.

В обеденный перерыв прибегаю к Леше но его нет. Жена в слезах: «Забрали моего голубка...» Так мне было за него обидно. Сходил в милицию, отнес передачу. Тут прошел слух, что он с каким-то своим дружкой «взял» сейф. И я вспомнил, как Леша без конца мне твердил: «Завязал я, понял?..» Выходит, убеждал он в этом себя, не надеялся на силу воли...

Впрочем, у меня самого тоже не на долго ее хватило. Деньги, что зарабатывал, уходили все на питание. Одежда пообтрепалась, а мне так хотелось пофорсить перед Надей.

Все получилось вроде случайно, но этого случая, не скрою, я и сам уже ждал. Подхожу как-то к магазину, народу полно — завезли продукты. В такой давке, думаю, вытащить деньги ничего не стоит.

Вспоминаю, как учил Король: прежде чем залезть в карман, надо маленько осмотреться, сперва прощупать его, убедиться, есть ли там что. «Лапотник» (кошелек) или деньги всегда почувствуешь, тут уж нх особой.

Однако боязно, не воровал давно. Если поймают — суд, тюрьма. И Надя мне не простит. Раздумывал долго, но решил. Захожу в магазин, в левой руке на виду у всех держу деньги и сквозь толчею пробирюсь к прилавку. Рядом со мной средних лет женщина в жакете. Как и я, пытается пролезть без очереди. Прижимаюсь вплотную к ней и осторожно нащупываю верхний карман. Что-то захрустело — деньги. Волнуюсь, сердце запрыгало, а рука вопреки всему лезет в чужой карман. Нащупал какой-то узелок и стал осторожно

его вытягивать. И вот уже он в моем кармане. Постепенно отхожу назад, пропуская тех, кто рвется к прилавку. Оказавшись на улице, никуда не бегу. Захожу в туалет — он за магазином, развязываю платочек. Денег немного, рублей триста—четыреста. Но все лучше, чем ничего, буду тратить их экономно. А главное — достались почти что без труда.

Купил себе брюки. Наде — недорогою, но красивую брошку. Сказал, что на премию.

Когда деньги кончились, решил повторить свою удачную «покупку» (так называли кражу). И так было несколько раз. Действовал осторожно, набивал руку в одиночку, а это не легко делать. Однако ни разу никто меня даже не заподозрил. Стала появляться уверенность, приходил особый опыт карманника.

Но скоро в моей жизни опять произошла крутая перемена. Несколько молодых рабочих, в том числе и меня, отправили из Воронежа в какое-то захолустье, где строился филиал завода. Там мне все не понравилось. Голое место, барак холодный, питание не налажено. Карманку не залепить — толчков нет, кругом бедность. И мы с одним парнем уже на третьи сутки оттуда сбежали.

Но куда податься? Документов при мне никаких, паспорт отобрали еще на вербовочном пункте.

Решил прокатиться с «гастролю» по Украине. После Харькова отправился в Киев, побывал в Фастове, Белой Церкви, Лозовой. Практику как карманник получил, конечно, большую. И всюду здесь мне везло. Но уже очень сильно тянуло в Москву и к себе на родину. Вот сейчас много спорят о нужности ограничения правил прописки судимых. Оторвать бы чинушу от дома, от жены, от друзей, тогда бы он лучше понял. Ведь человека тянет как магнитом на родину и тут всякие правила — это его ущемление. Вот и мне так захотелось увидеть старых друзей.

В один из морозных ноябрьских вечеров сорок восьмого года я постучал в знакомую до боли дверь тети Сониной хаты. Открыла она сама и страшно обрадовалась.

— Ой, Малышка, да ты ли это, — обнимая меня, как мать, улыбалась она повлажневшими от слез глазами. — Совсем взрослый стал, да такой красавец.

Накрывая стол, она едва успевала отвечать на бесчисленные мои вопросы о друзьях и знакомых. Главной новостью было, конечно, то, что Костя теперь постоянно живет в Электростали, работает на заводе. Маму освободили по амнистии. Они часто приезжают к тете Соне в гости. У него уже есть невеста, мать говорит, что очень хорошая, скоро свадьба. «Обещал и меня пригласить», — похвасталась тетя Соня.

За ужином мы немного выпили, и она стала рассказывать об остальных наших общих знакомых. Больше всего меня волновало, что не видно Вальки Короля, первого моего наставника.

— В психичке он, в сумасшедшем доме. В последнее время частенько там гостит.

Как поймает — вмиг притворится — хитрован, что и говорить... Ну ничего, сбежит, как всегда... Шанхай, спрашиваешь? Недавно заходил... Блюмка его, видать, и сама воровкой стала, ходит вся в золоте. А он меня беспокоит — много пить стал... Шанхая ты, Костя, увидишь. И других тоже. Но добрый тебе совет — не ищи никого. Хватит, было время, а сейчас лучше «завяжи». Не то одна дорога — в тюрьму. Сломаешь себе жизнь, а чего ради...

— Поздно мне, тетя Соня, милая. Теперь я не просто вор, но еще и бродяга, беглый. Куда мне податься без паспорта?

От выпитого развезло, проснулась вдруг жалость к самому себе, и я расплакался.

Тетя Соня, как могла, меня успокаивала:

— Погоди, ты еще совсем молодой. Сходи, покайся, выдадут тебе паспорт, не звери же там они, чтоб губить молодого парня... Женишься — твоих детей буду нянчить.

И действительно, так хотелось жить людски. Ведь сумел же Костя порвать с этой грязью...

Недели две пожил я у друга в Электростали. Он рассказывал о заводе, где был учеником шлифовщика, о том, как к нему там хорошо относятся. Его мама, тетя Маруся, все еще не могла забыть о лагере — сколько она там натерпелась и увидела, не дай бог никому. Видно, под впечатлением ее рассказов Костя и решил «завязать» раз и навсегда.

Да, ему можно было позавидовать. При деле, живет в своем доме с матерью. Невесту себе нашел.

От Кости я узнал о своем брате Викторе. Он тоже был при деле — работал на заводе в Подольске.

А кто я?... Хлопотать документы, как советовали тетя Соня и Костя, — значит наверняка своими руками отправить себя на скамью подсудимых: тех, кто сбежал со стройки или с работы, наказывали в то время очень строго. Конечно, я мог бы сказать, что в детской колонии мне приписали года. Но кто поверит. Скорее обвинят в клевете на администрацию колонии. У них ведь все шито-крыто... А мне ведь еще не было шестнадцати.

Это теперь я понимаю, как бы надо было сделать, ведь у матери остались метрики, бумаги какие-то. Наконец есть суд, он установит! Но тогда и время было другое да суд тоже.

Делать нечего, путь к честной жизни я себе обрезал. Пора в Москву, опять братья за привычную воровскую «работу».

(Окончание следует)

Л. Троцкий:

«НЕЛЬЗЯ СТРОИТЬ АРМИЮ БЕЗ РЕПРЕССИЙ»

Среди политических деятелей первых лет Советской власти, которые работали рядом с В. И. Лениным и под его руководством, был и Л. Д. Троцкий. Еще недавно любое упоминание в печати о его деятельности сопровождалось только негативными характеристиками. Попробуем разобраться, каким он был на самом деле, рассмотреть чрезвычайно противоречивую личность Троцкого с его способностями и пороками, заслугами перед революцией и с громадным вредом, который он причинил партии, ленинизму, нашей стране.

ЛЕВ Давыдович Троцкий (Бронштейн) родился 25 октября (7 ноября) 1879 года в деревне Яновка Херсонской губернии в семье зажиточного еврейской землевладельца. Дата его рождения заслуживает быть особо отмеченной. Она совпадает с Днем победы Октябрьской революции. И в этом впоследствии видели некий знак судьбы и предопределенность.

Еще учеником старших классов реального училища Лев Бронштейн увлекся концепциями либерального народничества. И лишь постепенно отходя от них, стал интересоваться марксизмом. В 1897 г., познакомившись с социал-демократами, вошел в Южнорусский рабочий союз, действовавший в Николаеве. После разгрома этой организации Бронштейна в 1898 г. арестовывают, а затем, год спустя, высылают в село Усть-Кут Иркутской губернии. Здесь он пробыл два года. Устроился волостным писарем, сотрудничал в Иркутской газете «Восточное обозрение». Там же первый раз женился на А. Л. Соколовской, сестре активного участника николаевского рабочего движения, тоже ссыльной. У них родились две девочки. В 1902 г. Льву Бронштейну удалось утаить бланк паспорта, и он сам подделал его, решив использовать эту возможность и бежать. В бланк он вписал фамилию надзирателя Одесской тюрьмы Троцкого. Так Лев Бронштейн стал Николаем Троцким.

В эмиграции Троцкий в отличие от многих русских революционеров жил достаточно безбедно. Успел получить за это время высшее образование, вторично жениться на русской студентке Н. И. Седовой, ставшей матерью сыновей — Льва и Сергея. В дальнейшем старший сын Лев стал активным троцкистом, а младший,

Сергей, осуждая всякую политическую деятельность, занялся научной работой.

Воспользовавшись печатью Сибирского социал-демократического союза, Троцкий сам себя делегирует на II съезд РСДРП. По количеству выступлений на нем он превзошел многих, поразив участников съезда своей крайней беспринципностью. Здесь он встал на меньшевистские позиции и около года работал с лидерами меньшевиков. Далее, вплоть до 1917 года, занимал самостоятельную промежуточную и противоречивую позицию в российской социал-демократии.

С НАЧАЛОМ первой революции в России Троцкий с правооппортунистической линии переходит на позиции «левого» оппортунизма. После возвращения в феврале 1905 г. в Россию его открытая революционная деятельность оказалась тесно связанной с возникновением и работой Петербургского Совета рабочих депутатов. Способный оратор, он стал вскоре популярным лидером Совета, некоторое время был его председателем. Совместно с немецким социал-демократом Парвусом (А. Я. Гельфондом) разрабатывал теоретические проблемы революции, в том числе вопрос о ее непрерывности в новых исторических условиях. Теория получила название «перманентной революции». «Вместе с Парвусом, — писал Троцкий, — мы отстаивали... что русская революция не может быть до конца ни сотрудничеством пролетариата с либеральной буржуазией, ни его союзом с революционным крестьянством; что она может победить лишь как составная часть революции европейского пролетариата» (Троцкий Л. Годы великого перелома. Люди старой и новой эпох.—М.: 1919.—С. 45). Отсюда ими выдвигался главный лозунг дня: «Без царя, а правительство рабочее».

В период 1907—1913 годов Троцкий велдет полемику с Лениным в печати, в частности, со страниц издававшейся им в Вене газеты «Правда». Летом 1912 г. создал немногочисленный «августовский блок» в целях образования новой массовой партии. Именно в этот период Ленин в статьях, и в особенности в частных письмах, дает Троцкому и его деятельности те резко отрицательные характеристики, которые впоследствии, начиная с конца 1923 г., столь часто цитировались в печати.

Вернувшись из эмиграции в Россию после февральской революции, в мае 1917 года, Троцкий возглавил существовавшую еще с 1913 года в Петрограде небольшую, но влиятельную революционную организацию так называемых «межрайонцев», занимавших промежуточную позицию между большевиками и меньшевиками. На состоявшемся в июле—августе 1917 г. VI съезде РСДРП(б) «межрайонцы» влились в большевистскую партию. Так завершился долгий период «небольшевизма» Троцкого. Съезд оказал ему большое доверие, избрав в состав Центрального Комитета.

К 1 января 1937 года в лагерях в основной массе находились те, кто был загнан туда в 20-е годы, получив по 10—15 лет. То есть это были люди, репрессированные не во времена «сталинщины», а во время разгула троцкизма.

Закономерен вопрос: почему большевики приняли в свои ряды «блудного сына» Троцкого, сделали это без колебаний, приветствовали его приход? Эти факты отрицать нельзя. Постараемся понять и объяснить их.

А. В. Луначарский в своей хвалебной статье о Троцком писал: «...Если он импонировал в партии, то исключительно своей личностью...» (Луначарский А. В. Революционные силуэты.—М.: 1923.—С. 20). Да, есть масса фактов и свидетельств, показывающих, что личность «импонирующая» все-таки была. Наряду с чрезмерной амбициозностью, себялюбием, эгоизмом, чванством были у Троцкого и воля, и личная смелость и решительность, так необходимые для революционной деятельности. Пожалуй, всего значительнее оказались у Троцкого способности агитатора, оратора, публициста. Поэтому согласимся: Троцкий имел заслуги. Если бы их не было, то едва ли В. И. Ленин в «Письме к съезду» дал бы ему, в сущности, лучшую характеристику по сравнению с другими членами партийного руководства: «Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 45.—С. 345).

Накануне Великого Октября Троцкий, являясь председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Военно-революционного комитета при Петросовете, сыграл видную роль в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания.

После Октября 1917 г., как нарком по иностранным делам Советской России, много сделал для пропаганды ленинской идеи демократического мира, организовал публикацию секретных документов царской дипломатии, налаживал контакты с зарубежными представителями, возглавил советскую делегацию на переговорах о заключении мира с кайзеровской Германией в Бресте.

Осложнение произошло, когда Троцкий на этих переговорах попытался занять собственную позицию и реализовать свой тезис «ни войны, ни мира». В феврале 1918 г., вопреки настояниям Ленина, он отказался подписать договор, чем дал Германии повод развернуть наступление по всему фронту против Советской республики. Тем самым Троцкий поставил страну на грань военной катастрофы. Договор был подписан 3 марта 1918 г., но уже без Троцкого и на значительно более тяжелых условиях.

ПАРТИЯ дала принципиальную оценку поведению Троцкого. Однако он остался в руководстве. Ему доверяют пост народного комиссара по военным и морским делам, а затем и председателя созданного в условиях гражданской войны Реввоенсовета Республики.

Чем руководствовался В. И. Ленин, предлагая Троцкому высшие военные посты? Известно, что Ленин обладал исключительным умением верно оценивать способности своих ближайших соратников и других партийных работников. Он умел сотрудничать даже с теми людьми, с которыми по определенным вопросам расходился во взглядах. С этих позиций Ленин подходил и к назначению руководителя военного ведомства.

Троцкий с присущей ему энергией осваивал новую для него область деятельности — военную. Выполняя указания ЦК партии, В. И. Ленина, он требовал проведения в жизнь таких, по его выражению, начал в создании Красной Армии, как «всеобщее обязательное военное обучение в школах, на заводах и в деревнях; немедленное создание сплоченных кадров из наиболее самоотверженных бойцов; привлечение военных специалистов и боевых руководителей; насаждение комиссаров в качестве блюстителей высших интересов революции и социализма» (Троцкий Л. Как вооружалась революция. М.: 1923.—Т. 1.—С. 30).

Но было и другое — чрезмерное администрирование, упование лишь на авторитет власти, репрессии в отношении командного и рядового состава. Ответом Троцкого на малейший проступок подчиненных становилось требование их расстрела. Он утверждал: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор пока гордые

своей техникой злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади» (Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Берлин: 1930.—Т. 2.—С. 141).

Сколько же в этом цинизма и человеконенавистничества! Недаром о его платформе даже сам Г. Зиновьев говорил: «Троцкизм плюс терроризм — есть фашизм». Но нынешние плюралисты пытаются переписать Троцкого в жертву сталинизма, хотя родоначальником геноцида в России был именно он, Лейба Троцкий. В этой связи «Комсомольская правда» многозначительно заявила, что «троцкизм — это выдумка Сталина». Вот ведь до каких «открытий» могут договориться «застрельщики» перестройки.

Были ли у Троцкого разногласия с Лениным, ЦК по вопросам военной стратегии? Да, были. Троцкий сам писал о них в своей автобиографии. Собственно говоря, он не занимался разработкой стратегических планов и директив. Как правило, Главком и Полевой штаб РВСР, руководствуясь директивами ЦК, разрабатывали стратегические и оперативные планы, которые затем утверждались и уточнялись. Речь может идти о несогласиях Троцкого с тем или иным планом.

Первое разногласие касалось Восточного фронта. 15 июня 1919 г. Пленум ЦК РКП(б) поддержал решение Реввоенсовета Восточного фронта о необходимости продолжать наступление на Урал и отменил директиву Главкома И. И. Вацетиса, которую поддерживал Троцкий, о приостановке наступления на Восточном фронте, чтобы перебросить оттуда часть войск на южное и северо-западное направления. События показали ошибочность директивы Вацетиса, и Троцкий это признал.

Крупные разногласия с Главкомом С. С. Каменевым имели место у Троцкого в августе—сентябре 1919 г. по вопросу о направлении главного удара на Южном фронте. Разбором их пришлось заниматься Политбюро и Пленуму ЦК 21 и 26 сентября 1919 г. Разногласия были и в период войны с белополяками. Иногда ЦК принимал решения по вопросам военной стратегии вопреки мнению Троцкого. Но это не означало разногласий по принципиальным вопросам военной политики. Ленин считал естественной борьбу мнений. Из его переписки, докладов и выступлений видно, что он ценит Троцкого и никогда не действовал через голову председателя Реввоенсовета. Но это отнюдь не означает, что можно согласиться с концепцией буржуазных советологов о Троцком как творце Красной Армии и ее побед. Например, в вышедшем за рубежом сочинении И. Дейчера «Вооруженный пророк» говорится, что не кто иной, как Троцкий, взял на себя задачу создать армию из ничего и что она именно его действиям обязана своей политической и военной мощью.

Документы и факты неопровержимо свидетельствуют, что организатором Красной Армии и Флота являлась Коммунистическая партия.

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ борьба 1922—1924 годов представляет одну из наиболее драматических страниц истории партии и советского общества. К концу 1923 г. определились основные тенденции будущих деформаций общества и партии в направлении «сталинской модели социализма». Ближайшие соратники Ленина, находившиеся в руководстве партией и страной, в своем большинстве либо не сумели, либо не захотели пойти по пути, указанному умирающим вождем. Сейчас много споров о реальности этого пути. Однако полезнее разобратся в многообразии причин происшедшей трагедии в целях неповторения ошибок прошлого.

Развернувшаяся внутрипартийная борьба стала прологом постепенного превращения РКП(б) из партии Ленина в партию Сталина. По форме это была борьба между «большинством ЦК», возглавляемым «тройкой» (Зиновьев, Каменев, Сталин), и «опозицией», неформальным лидером которой был Троцкий, по целому комплексу теоретических и практических вопросов экономики, политики и партийного строительства. По содержанию это была борьба между бюрократической и демократической тенденцией развития партии и государства. Здесь следует сразу же оговориться: речь идет только и исключительно о периоде 1922—1924 годов, когда главным объектом битвы была проблема внутрипартийной демократии.

Как известно, победила бюрократическая тенденция в партийном и государственном руководстве. Представляются бессмысленными рассуждения о том, что произошло бы, если бы в какой-то форме победила оппозиция или был бы достигнут какой-то компромисс. Поэтому в дальнейшем речь идет не об оценке, «что хорошо, а что плохо», а об объективном изложении фактов.

Известно, в конце 1922 в. в партийном руководстве назревал раскол. За время болезни Ленина руководящее ядро ЦК в составе прежде всего «тройки» создает фактически фракционный центр с основной целью — укрепить власть «ядра» и политически изолировать и дискредитировать Троцкого.

В результате появления реальной возможности «блока» Ленина с Троцким по таким важнейшим вопросам, как национальный («грузинское дело»), монополия внешней торговли, борьба с бюрократизмом, реорганизация высших органов партийного и государственного руководства, внутри Политбюро раскол фактически происходит уже в середине 1923 г. В это время в партии сужалась сфера действия демократии, углублялся разрыв между партиаппаратом и рядовыми коммунистами. В стране быстро нарастали экономические трудности.

Поводом к резкому обострению внутрипартийной борьбы стало письмо Троцкого в ЦК от 8 октября 1923 г. Он упрекал Центральный Комитет в «возросшей оторванности» от партии, в бюрократизации. Призывал положить конец «секретарскому бюрократизму» и пересмотреть хозяйст-

венную и внутривнутрипартийную политику в направлении демократизации.

Неделю спустя, 15 октября, в Политбюро поступил новый документ, переключившийся по смыслу с письмом Троцкого, так называемое «заявление 46-ти». Оно было подписано 46-ю известными деятелями партии, в том числе Антоновым-Овсеенко, Осинским, Преображенским, Пятаковым, Сапроновым и др.

Следует отметить, что оба документа, хотя и написанные в достаточно резком тоне, в общем-то не содержали каких-либо принципиально новых положений по сравнению с выступлениями, например, некоторых делегатов партийных съездов и конференций послеоктябрьского периода. Тем не менее в течение более чем полвека оба документа (впрочем, как и многие другие) оставались засекреченными.

Октябрьский (1923 г.) Объединенный Пленум ЦК и ЦКК квалифицировал письмо Троцкого как глубокую политическую ошибку, как нападение на Политбюро, принявшего характер фракционного выступления. Как «шаг фракционно-раскольнической политики» было осуждено и «заявление 46-ти».

Внутрипартийная борьба Троцкого и его соратников превратилась в открытую борьбу против Советской власти.

ПОПЫТКОЙ нового наступления Троцкого на тогдашних руководителей партии было опубликованное в октябре 1924 г. предисловие к третьему тому собрания своих сочинений «Уроки Октября». В ответ на это Каменев, Сталин, Зиновьев разработали план сокрушительной атаки против автора работы, начали кампанию выступлений на тему «троцкизм или ленинизм». Подвергаемый нападкам со всех сторон Троцкий в январе 1925 г. подал заявление об отставке с постов Наркомвсена и Председателя Реввоенсовета СССР. Собственно, это и было тогда главной целью Сталина. Но Каменев и Зиновьев теперь не чувствовали себя победителями. Они увидели, что выиграл от этой «драчки» один Сталин, который не стал, как они надеялись, орудием в их руках. На XIV съезде ВКП(б) они выступили с оппозицией, направленной против Сталина. Каменев призвал на съезде сместить его с поста генсека. Но было уже поздно. Сталин к этому времени еще больше укрепил свою власть над партаппаратом. Потерпев поражение на съезде, Зиновьев и Каменев сближаются с Троцким. 1926—1927 годы — время существования объединенной оппозиции. Сталина теперь поддерживают Бухарин, Рыков и Томский — последние члены ленинского Политбюро.

В своих выступлениях оппозиционеры рассматривали вопросы социалистического строительства, говорили об опасности уси-

ления роли непролетарских элементов в городе и деревне. По существу, они подталкивали партию к свертыванию нэпа, к формированию индустриализации путем перекачки в нее средств из сельского хозяйства, к репрессивному курсу в отношении кулачества. В конце 1927 г. Троцкий выстроил прогноз о сползании партии с социалистических позиций и термидорианском перерождении, если не будут приняты меры по ограничению нэпа. Борьба достигает своего высшего накала. Еще в октябре 1926 г. Троцкий был выведен из Политбюро, из ЦК — в октябре 1927 г., исключен из партии (вместе с Зиновьевым) в ноябре 1927 г., выслен из Москвы в Алма-Ату в январе 1928 г., из СССР — в феврале 1929 г.

Как только главный возмутитель спокойствия Троцкий был сопровожден в ссылку, со Сталиным случилась «волшебная» перемена. Разгромив «левую» оппозицию, он, как оказалось, многому у нее научился. Уже в январе 1928 г. Сталин круто поворачивает руль «валено». Начинается применение чрезвычайных мер против кулаков, принимаются завышенные задания первой пятилетки. А скоро он прямо скажет, что пора «выбросить нэп к черту!» А в качестве новых объектов нападков появятся «правые» — Бухарин, Рыков, Томский.

Пока Сталин укреплял свое единовластие, Троцкий скитался по миру. Принцезы острова в Мраморном море, Франция, Норвегия и, наконец, Мексика отметили путь депортированного лидера ленинского ЦК.

В эмиграции деятельность Троцкого свелась к созданию организации, которая притянула бы к себе всех, кто стоял «левее» компартии и Коминтерна. Ею стал IV Интернационал, созданный в сентябре 1938 г. на конференции троцкистов в Париже.

Действительно, в сравнении с 20-ми годами в идейном багаже Троцкого появилось немало новых установок. Центральная среди них — борьба против сталинизма. В последние годы Троцкий полностью переключился на идеологическую войну со своей бывшей родиной. Он пришел к выводу, что предлагавшаяся им ранее политика реформ, центральным пунктом которой было требование устранения Сталина, уже недостаточна. «Устранение Сталина лично означало бы сегодня не что иное, как замену его одним из Кагановичей, которого советская власть в кратчайший срок превратила бы в гениальнейшего из гениальных» (Бюллетень оппозиции.—1936.— № 52—53.—С. 19). Поэтому Троцкий предлагал осуществление политической революции в СССР.

Современные троцкисты стремятся приписать призывам Троцкого ко «второй революции» в СССР провидческий характер, мол, осуществляемая в стране перестройка как раз и является практическим воплощением троцкистской программы. На самом деле перестройка означает очищение социалистических принципов от деформаций и извращений, возрождение ленинской концепции социализма.

Полковник в отставке В. КУПЦОВ,
кандидат исторических наук.

Дополнительное расследование

Рис. В. ЛОПАТЫ.

ИНТЕРЕСНО, что за спешная эвакуация? Волна проткрыл массивные двери, вошел в большое помещение склада. Несколько автокаров, нагруженных до отказа, стояли у стола завскладом — того самого крепыша в синем халате. Сейчас он сосредоточенно читал накладную, делая вид, что приход оперуполномоченного ОБХСС его не касается.

— Давай двигай, — сказал он водителю автокара, протягивая накладную, но тут же, как из-под земли, вырос перед автокаром длиннорукий парень.

— Опять? — парень говорил уверенно и зло. — Предупреждал ведь я — народный контроль проверяет! Так что попрошу накладную!

Завскладом, отвернувшись, забарабанил пальцами по столу. Водитель автокара, пожал плечами, передал парню документ, и тот склонился над тележкой автокара.

«Порядок, — удовлетворенно подумал Волна. — Этот парнишка спуску не даст». И обратился к завскладом. Лазуткин была его фамилия, капитан знал.

— Почему препятствуете работе народного контролера?

Лазуткин ответил устало:

— Не знаешь, кому подчиняться! Пусть проверяет, его дело.

— Когда отпуск деталей закончите? Склады печатывать будем.

Лазуткин кивнул на строй тележек, протянул неохотно:

— Вон стоят. Отпущу, и ваяйте, печатайте.

Волна наблюдал, как проворно шерстит тележки его добровольный помощник, всплескивает, возмущаясь, длинными руками.

Итак, со склада пытались убрать дефицит. Тут и гадать не надо — Волна повидал, что это неспроста. И, значит, комиссионный магазин тоже придется проверять.

Окончание. Начало в № 11.

Но Гулин к магазину отношения не имел. Совсем никакого, это Волна знал точно. Там командовал сам директор — его была епархия. А Виктор Викторович — фигура серьезная, голыми руками не возьмешь.

Капитан знал Шершевича не первый день, приглядывался. Директор жил широко, но без особого шика. Или без рекламы? Машина, гараж, дача — мало ли у кого есть такие вещи. Как говорится, не удивишь. И все же Волна понимал, что знает о Шершевиче далеко не все, что хотелось бы. Да и положено по службе, вздохнув, вынужден был он признать.

Антон обшел другие склады, удовлетворенный, вернулся в контору: в складах работа организована правильно. Отпуск материалов заканчивался, к обеду склады будут опечатаны, и начнется инвентаризация.

Телефон Тайгиной не отвечал. Капитан позвонил в ГАИ, угрюмо выслушал сообщение дежурного: среди указанных оперуполномоченным лиц не было владельцев зеленых «Жигулей».

Оперуполномоченный снова попытался дозвониться до Тайгиной — бесполезно.

Пошел в диспетчерскую, проверил книгу очередников — ни Любарская, ни Сватко никогда не числились в очереди на ремонт своих машин. Судя по словам Виктора Викторовича, они все же услугами «Радуги» пользовались. И очередь существовала не для них.

Капитан попросил хмурого и сосредоточенного Радомского отложить в сторонку наряд-заказы Сватко и Любарской, если они все же встретятся. Проверил, есть ли заключение комиссии о необходимости замены кузова у машины Сватко. Заключение не оказалось. Как же без заключения, которое обязательно утверждал директор, пошла Сватко к главному инженеру?

Антон направился к Шершевичу, но директор на его вопросы лишь пожал плечами:

— Не могу объяснить, Антон Петрович. Но, помнится, Сватко обещала сама кузов достать, может, в этом причина, что нет заключения?

— Стоимость работ по замене все равно комиссия должна определить, — возразил Антон.

— Так-то оно так, — задумчиво протянул Шершевич, — однако в таком хозяйстве, как наше, всякие накладки возможны. Впрочем, сами в этом убедитесь, — и криво усмехнулся.

Мелодично звякнул селектор, директор нажал клавишу.

Он слушал, и лицо суровело, сдвинулись к переноске бровки, сошлись в короткий пушистый валик.

— Сейчас буду, — сказал он в трубку и глянул на оперуполномоченного:

— Вот вам, как пример, сюрприз. Авария. Проломлена ограда на контейнерной. Ну и, естественно, пострадал автомобиль. Не желаете глянуть? Ну что ты будешь с ними делать?!

В голосе директора слышалась досада, но глаза смотрели весело, даже удовлетворенно — словно рад был директор, что подтвердили его доводы нерадивые работники.

Конечно, пришлось Волне побывать на контейнерной площадке. Шершевич молча выслушал сбивчивые объяснения шофера — крупного, лет сорока мужчины в узких дорогих джинсах, сползавших с круглого живота.

Пролет бетонной ограды вывалился наружу — ячеистая плита лежала аккуратно, как висячий мост через средневековый ров. У голубого новенького «МАЗа» продавлен задний борт.

— Зайдешь через час, — бросил Шершевич шоферу. — И чтоб к этому времени заделать проем. Досками забрать пока.

Шофер суетливо кивал.

Эта аккуратно уложенная на пустырь плита капитану совсем не нравилась. «Что ж, на то и щука в реке, что карась не дремал», — подумал Волна и принял еще одно твердое решение. Виктора Викторовича в свои планы он не посвящал.

ГЛАВА 9

КАПИТАН Волна, как мне сказали, был на территории, поэтому я принялась за дело, не дожидаясь его. Еще по дороге на «Радугу» решила, что вначале возьму образец шрифта юрисконсультской «Оптимы» и только после этого допрошу его самого.

Если юрисконсульт причастен к заявлению Любарской, он поймет, что значит отбор образцов.

Паршин вышел из-за стола мне навстречу, поздоровался подчеркнуто учтиво. Серый чехол горбился, укрывая машинку, — все было, как говорится, путем.

Пригласив понятых, разъяснила, что собираюсь делать, и с удовлетворением заметила беспокойство юрисконсульта. Он словно поеживался под великоватым костюмом, подергивая узкими плечами, отчего рукава пиджака удлинялись, закрывая костяшки пальцев.

Приготовив бумагу, подошла к столику, сдернула дерматиновый грязноватый чехол. «Оптимы». Да, «Оптимы». Но вроде бы цапануло меня что-то по сердцу. «Просто не разглядывала ее вчера», — успокоила себя, чувствуя, однако, неладное.

Заправила бумагу за валик, тронула клавиши — и побежали по белому полю буквы, увы, мне стало окончательно ясно, не те. Совсем не те, что были вчера. Машинка была другая!

Оглянувшись, Паршин не успел отвести взгляд, смотрел настороженно и боязливо. «Ну погоди», — зло подумала я, но сомнения своих не выдала, довела начатое до конца.

Расписались в протоколе понятые, ушли. Мы с Паршиным остались в кабинете вдвоем. Молчание затягивалось, и нервы у Паршина сдали:

— Я вижу, вы чем-то недовольны, Наталья Борисовна? Не могу ли я помочь?

— Можете, — сказала я спокойно. — Где ваша машинка?

— Не понял, — ответил юрисконсульт на мой вопрос, но я не стала повторяться, ждала.

— Я не очень часто печатаю, — заторопился вдруг он. — Мне неясно, о чем речь? Это моя машинка. «Оптимка».

— Что ж, приступим к официальному допросу. Надеюсь, как юрист вы знаете, что за дачу заведомо ложных показаний может наступить уголовная ответственность, — предупредила его я.

Паршин затравленно озирался и напропалую врал. Казалось, он не очень-то и скрывает это — настолько неуклюжей и грубой была ложь.

И лишь когда я вроде бы безразлично попросила папку с последними претензионными письмами и запросами, он замолчал. Подавая мне папку, неуверенно заметил:

— Может, без моего ведома кто машинку заменил? На ремонт? А?

Я засмеялась.

— Найдем машинку, — ехидно пообещала я ему, — не извольте беспокоиться, найдем.

Он мелко-мелко закивал, словно затряслась в припадке голова. В аккуратности юрисконсульту отказать было нельзя. Письма ровненько наколоты в скоросшивателе и — вот они, те вуальки на буквах, настояжившие меня. Вот они, в каждом письме, даже во вторых экземплярах! Удовлетворенно захлопываю папку — этого достаточно для экспертизы. А замена машинки тоже говорит о чем-то.

Настроение у юрисконсульта подавленное, и он уже не так категоричен, как в начале допроса:

— Возможно, просили и печатал — не помню. Любарскую знаю, но не помню, обращалась ли она ко мне. Возможно, и обращалась... Надо бы у нее спросить, — споткнулся было на последней фразе, но закончил.

Ах, люди, люди! Я так хорошо представляла себе бурю в душе юрисконсульта. Вначале он казался себе уминым и хитрым — эх здорово обманывает следователя, то бишь меня. Но я-то профессионал. Следователь. Работаю с людьми. Самыми разными. И научилась понимать кое-что. На ложь у меня особое чутье — просто аллергия. А если серьезно, ложь Паршина, я вижу, породил страх — тот, что мечется в глазах, подергивает плечи, выжимает крупный пот на лбу, неизвестно где переходящим в розовую лысину, старательно прикрытую зачесанными сбоку прядками. Этот вероватный страх даже запах имеет — он пахнет скверно, я чувствую. А Паршин старается вовсе. Упал было духом, когда я зацепила его письма, но вновь воспрянул, едва догадался произнести это: «Надо бы у нее спросить».

«Стоп», — останавливаю я себя. Конечно, надо бы спросить, но ведь не спросишь. Нету Любарской. Что об этом знает юрисконсульт? Ишь, приободрился. Вроде реванш взял за машинку.

Ладно, Вениамин Романович, придет время — спросим. Не беспокойтесь, юрисконсульт Паршин, придет время для спроса. Уже, считай, пришло. Но, говорил мудрец, кто хочет обвинять, не вправе торопиться. Посему с обвинениями повременим.

Закончив работу с Паршиным, зашла к ревизору. Радомский встретил меня приветливо, разулыбался. До чего же приятный старик! Здано Янович показал мне свои записи, многозначительно подмигнул:

— Гляньте, сударыня, сюда вот.

Каллиграфическим почерком ревизора сделаны были уже довольно обширные записи. Я прочитала строчку, что указал мне Радомский. В графе «приход» значилось: «блок-фары ВА3-2105 — 2 тысячи штук». В графе «расход» — цифра 200. Я вопросительно посмотрела на ревизора, тот засмеялся:

— Запас сделан на 10 лет вперед, а ведь в других местах эти самые блок-фары — острый дефицит.

— Запас карман не тянет, — попыталась я пошутить, но старик шутки не принял:

— Тянет, да еще как. Такие накопления — благодатная почва для махинаций, не говоря уже о том, что грубо нарушается плановая дисциплина, сударыня. Вам еще предстоит выяснить, зачем и почему этот запас.

— Конечно, конечно, — я поспешила загладить неудачную шутку, рассердившую ревизора.

ГЛАВА 10

В СКОРЕ пришел Автон, мы обменялись новостями. Договорились, что созвонимся, и я уехала.

В лаборатории судебных экспертиз пришлось долго упрашивать, чтобы экспертизу текстов сделали срочно, к завтрашнему дню.

— Всем надо срочно, срочно, — ворчал эксперт. — Где мы время-то возьмем? Не с бухты-барухты дают заключение, здесь научно-исследовательское учреждение. Принимаете, научно-исследовательское!

Я покорно кивала, соглашаясь. Конечно, мы, следователи — эгоисты. Думаем лишь о себе и своих сроках. Да, конечно, нам наплевать, что нас много, а их, экспертов — раз-два и обчелся. И что они тоже люди. Я готова принять обвинение во всех смертных грехах, только, пожалуйста, проведите экспертизу. Срочную. К завтрашнему дню. Чтобы Паршин и К° поняли: мы вооружены лучше их и шутить вовсе не намерены.

Личный контакт все же возымел действие: эксперт согласился исследовать тексты срочно, вне всякой очереди.

— Опять сегодня вечер придется сидеть. Меня скоро из дому попросят, ей-богу, — пожаловался он.

А я — вот действительно эгоистка! — обрадовалась. Будет о чем продолжить разговор с Паршиным. И завтра же!

В прокуратуре меня тоже ждало хорошее сообщение: позвонил врач Гулина и разрешил мне встречу с ним — завтра к вечеру. На этом удачи иссякли. Закончились с сообщением капитана Волны, что к мужу, который уже почти полгода был на строительстве нефтепровода, Любарская не приезжала. Для розыска потерпевшей оставалась одна главная зацепка — зеленые «Жигули». А они-то и не высвечивались. Несмотря на старания капитана и его товарищей.

Противно защемило в груди: где женщина? Я успокаивала себя тем, что Рената Леонидовна взяла отпуск — значит, исчезновение входило в ее планы. Однако же... Хотелось бы знать об этих планах подробнее.

Хмурый день сменился серыми унылыми сумерками, такая погода сама по себе настраивала на песимистический лад. Настроенное мое было неважнецким, когда я вышла из здания прокуратуры. И вот — неожиданность. У подъезда стояли... зеленые «Жигули»!

Я замерла на месте, глядя на машину, в моей усталой голове забились: чья машина? Почему здесь? Может, нашлась Любарская? Но я не могла с ней разминуться в пустом коридоре.

Так я стояла, пока не хлопнула входная дверь моего учреждения и, легко сбежав по высоким ступенькам, к машине не направилась... Захожий! Не раздумывая, я ринулась к зеленым «Жигулям».

— Валентин Игоревич, — окликнула Захожего.

Он резко обернулся, остановился. Не сумев удержаться, я налетела на него, и он придержал меня руками. Во взгляде Захожего было изумление.

— Не подвезете? — попросила, не придумав лучшего предлога задержать, не упустить зеленую машину.

— Прощу, — вежливо, но сухо сказал Захожий, обошел машину, распахнул переднюю дверцу, — прошу, Наталья Борисовна, — и широким жестом указал на сиденье.

Пришлось подавить возникшее чувство неловкости, извиниться за внезапное вторжение.

— Устала очень, добираться до дому долго, — мое объяснение было, конечно, правдой.

Только не поэтому ворвалась я в машину Захожего. Мне вдруг стало смешно и стыдно: зеленые «Жигули» — их тысячи в городе. И что, в каждые я буду так необдуманно прыгать?! А это машина моего товарища по работе. Да, он допустил ошибку, но подозревать его в чем-то другом не было оснований. Однако назвался груздем — полезай в кузов. В конце концов это ему запрещено вмешиваться в расследование. Мне же никто не может запретить беседовать, с кем считаю нужным. Следовательно — самостоятельная процессуальная фигура.

— Подкинули вы мне дельце... — осторожно начала после недолгого, но напряженного молчания.

— Это прокурор вам удружил, — возразил Захожий.

— С вашей подачи, — не согласилась я, — вот теперь и помогайте.

— Чем могу — ради бога, — мой собеседник сказал это без неудовольствия, с готовностью, что мне понравилось и укрепил мое решение.

«Жигули» медленно двигались в неплотном уже ряду машин. Нас часто обгоняли автомобили, и я провожала их взглядом, причем всякий раз глаза обращались к зеленому капоту, не давая погаснуть возникшей еще у крыльца прокуратуры тревоге.

— Валентин Игоревич, расскажите мне о деле. В нем странностей много, — нарушила я молчание.

— Какие странности? — Захожий пожал плечами. — Все было нормально.

— На «Радуге» вы бывали во время следствия?

— К чему? — спокойно удивился Захожий. — Я вызывал нужных мне свидетелей. А по окончании дела направил представление в объединение.

— Но люди...

— Подчеркиваю, — перебил меня Захожий, — всех нужных, — он сделал ударение на последнем слове, — людей я допросил.

— А причины? — настаивала я. — Причина взяточничества в чем? Почему Гулин взял взятку за то, что станция обязана была сделать? Заменить мотор, кузов — это же их служебная обязанность, для этого, собственно, и существует станция!

Захожий посмотрел на меня недоверчиво:

— Вы что, Наталья Борисовна, действительно так наивны? Вы же были на «Радуге», значит, обстановку знаете. А я как автолюбитель все испытал на собственной шее, — он хлопнул себя по загривку ребром ладони. — Хорошо еще, мне Лебедев помог, не то бы помучился.

— Кто-кто? — изумилась я.

— Лебедев, а что?

— Да так, — уклонилась от прямого ответа и не удержалась от уточнения: — А Лебедев какое отношение имеет к «Радуге»?

— Ну как, он курирует транспорт. По линии исполкома. Направил меня к Паршину, юриконсульту. Тот мигом все организовал.

— Скажите, а Лебедев расследованием не интересовался? Тем, первым?

Захожий пожал плечами:

— Не припомню такого. Во всяком случае официально, кажется, нет.

— У него тоже машина?

— «Жигули», — кивнул Захожий.

— Какого цвета? — не утерпела я. Дались же мне эти зеленые «Жигули»!

— Не припомню, — он задумался. Наконец решительно тряхнул головой: — Нет, не помню.

Ну ладно. Это мы установим в два счета. Приступим все же к зеленой машине, товарищ Захожий, не зря же я так бессовестно влезла в нее! Хитрить не имело смысла, и я спросила прямо:

— Вы не знаете, где Любарская?

Захожий в удивлении даже чуть притормозил, и я угадала ответ:

— Откуда? И почему я должен это знать? А что с нею?

В голове Захожего слышались укоризна и обида — мне стало не по себе, я поспешила ответить:

— Не явилась Любарская на допрос. Я подумала, возможно, вы знаете, где она может быть, все же расследовали дело. Она таких фокусов не выкидывала?

— Нет, не случалось.

Раз так получилось, пойду до конца, чтобы больше не возвращаться к неприятному разговору.

—И еще вопрос... — Видела, как побелели костяшки пальцев, сжимавших руль. Поинимала, как неприятны вопросы Захожему, но что я могла поделать? Интересы исследования — полного и объективного, так сказано в законе, — превыше всего. И я продолжала: — Как получилось, что Любарская пришла к вам добровольно 3 мая? Когда истек срок задержания Гулина?

Захожий ответил не сразу, сосредоточенно думал, затем сказал:

— Она пришла с Паршиным. Заявление принесла готовое.

Паршин, опять Паршин! Завтра получу заключение, да еще вот этот факт. Может, вспомнит юрист, кто печатал заявление Любарской? И кто диктовал заявление Сватко? «...Прошу в соответствии с требованиями закона освободить меня...» Эту фразу из заявлений я помнила наизусть. Если составлены они Паршиным, то понятно, откуда в них одинаковый язык «сушеной воблы» — витиеватый штамп бродил по всем бумагам юриста, я читала составленные им документы.

Мои размышления прервал Захожий:

— Неужто я у вас на подозрении? — горько спросил он.

Я видела покрасневшее, как тогда утром, лицо, набрякшие веки, морщины на лбу — переживает человек.

— Вопросы... — ответила я. — Куда от них денешься?

Остаток пути мы проехали молча, и лишь когда зеленые «Жигули» встали у моего подъезда, не удержалась, спросила еще:

— А что за человек Шершевич? Ваше мнение?

— Самое лучшее, — сказал Захожий и тут же поправился: — Впрочем, близко с ним не знаком. Только по делу да вот в связи с ремонтом этой, — он хлопнул руками по рулю, — старушенции. Случай со взяткой на «Радуге» он переживал, винил себя, что не уследил, но Гулина не порочил.

На этом мы расстались, и я поднялась к себе с чувством какой-то неловкости. Но чувства чувствами, а факт остается фактом: у Захожего зеленые «Жигули», но где Любарская, он не знал. «Говорил, что не знает», — поправила себя.

ГЛАВА 11

ШЛА ПО ГОРОДУ ночь. Укутывала, скрывала спящий город. Безуспешно сопротивлялись тьме редкие фонари. Шла по городу ночь. Плотно прикрыла, занавесила темным своим пологом выдавший виды автомобиль капитана Волны, скрыла от посторонних ненужных глаз. Антон боролся со сном. Голова тяжелела, клонилась к рулю. Тело устало от неподвижности, ноги противно мозжило, словно после большой пробежки. Время приближалось к двенадцати, а ожидание было напрасным.

Медленно-медленно тянутся минуты — не то что днем, когда они исчезают одна за другой, словно песок из редкого сита, — не удержать. Антон тяжело заворочался на тесном сиденье, пытаясь устроиться поудобнее, и тут — не подвело капитана чутье

—увидел в ночи неяркий отблеск света — близко от земли пара желтых светлячков ощупывала дорогу. Слышался уже и шум мотора. Ненавязчивый, ровный.

«Хороший мотор», — машинально отметил капитан и протянул руку к ключу зажигания. Операция начиналась.

Следя за точками подфарников незнакомой машины, Антон представлял картину событий у недалекого забора «Радуги». Чуть изменился тембр мотора — это шofer притормозил у опрокинутой плиты ограды. Вот преодолена эта преграда. Плита возвышалась над землей, и когда задние колеса глухо шмякнулись на грунт, явно послышался металлический звук — словно встряхнули сумку с инструментами. Осторожно и медленно двигалась машина к дороге, вот наконец вскарабкалась по небольшому косогорчику, перевалилась на асфальт — сначала одним, затем другим колесом. И снова послышался звон — машина была тяжело нагружена.

Подфарники очерчивали неяркие полукружья дороги, и, не включая фар, водитель стал набирать скорость.

Антон подождал немного, глянул на часы — пора. Ровно через 10 минут после него, как условлено, тронутся в погоню помощники. А главную задачу нужно решить ему, капитану Волне. Кем, что и, основное, куда вывозилось ночью со станции?

Напрасно подсмеивались над машиной капитана. Мотор работал как часы — мощный, проверенный. Грузовик уже исчез из виду, лишь в открытое окно доносился слабеющий шум, и по нему капитан рассчитал нужную дистанцию. Чтобы не потерять машину и не быть замеченным.

Скорость была приличной. Осталась позади окраина, гонка продолжалась по загородному шоссе. — Куда? — недоумевал капитан. Решил чуть сократить расстояние —здесь, за городом, мало ли кто следует попутно. А вскоре начнутся развилки — Волна знал эту дорогу.

Шум мотора стал слышнее, но машина лишь угадывалась вдалеке. По самым скромным подсчетам, пройдено полсотни километров, никак не меньше. Неосвещенное шоссе прорезало вплотную подступающий лес, потом оторвалось от него, оставив где-то внизу верхушки деревьев. Пошел косогор.

Прибавив скорость, Волна забеспокоился о тех, кто подстраховывал его — не слышном ли оторвался. Отвлекся, оглянулся, а когда вновь глянул вперед, заметил темный контур грузовика. «ЗИЛ», — удовлетворенно отметил он, довольный, что верно угадал это раньше, по звуку мотора.

Потом в ровном ритме движения словно нарушилось что-то. «Встречный», — догадался Антон, принял правее, не снижая скорости. Огни встречной машины спокойно приближались. Внезапно, как удар по глазам, яркий сноп света — широкий, ослепляющий. Необычно мощный дальний свет, по-хулигански, с прицелом направленный на «Жигули», плотной белой завесой закрыл для Антона все вокруг. Он невольно откинулся на сиденье и, полуслепший, вдруг увидел в устрашающей близости перед со-

бой огромные колеса и голубой с вмятиной кузов. Самосвал! У самой обочины стоял самосвал.

Многолетний опыт подсказал решение. Маневр влево опасен для встречных! Автодорого! Тренированное тело само приняло нужную позу. Руль вправо, мощные руки рванули баранку, послушная юркая любимица Антона, словно понимая, чего от нее ждет хозяин, почти не коснувшись правыми колесами зыбкой щебенки, вывела на левых, обошла со свистом темную тушу «ЗИЛа». Уже на прямой, словно испугавшись того, что могло случиться, завияла было, не в силах прийти в себя, но быстро успокоилась, ведомая знакомыми руками.

Все! Антон тут же затормозил, вытер со лба мгновенно проступивший пот, пошевелил крутыми плечами, освобождая их от неприятно облепившей рубашки. За первой мыслью: «Обошлось», — пришла другая: «Машина без сигнальных огней — недалеко до беды».

И когда шагнул на асфальт, увидел коренастую фигуру, прыгнувшую с подножки голубого знакомого «ЗИЛа». Фигура тоже была знакомой. Только днем, у проломленного забора, в руках у коренастого не было монтировки. Ну это уж зря! Вспомнилось вдруг бытующее мнение, что «клиенты» ОБХСС с кистенями не ходят. Ан ходят! Вон она, монтировочка!

Антон рассмеялся своим мыслям. Встреча на дороге не испугала, нет. С коренастым он справится. Но вот-вот подъедут ребята, и надо предупредить их об опасности на дороге — это главное, а не тот, с монтировкой.

Коренастая фигура по мере приближения капитана двинулась навстречу все менее решительно, затем толстяк резко повернул назад, и уже у подножки Антон успел схватить его за плечо. Шофер с силой швырнул монтировку в кусты, обернулся.

Знакомое, сейчас искаженное страхом лицо — разрушитель забора! А там, в кабине, напряженно приглядывался к событиям на дороге другой знакомец. Паршин.

Прямо с подножки самосвала Волна включил сигнальные огни, выдернул ключи зажигания. Значит, аварию на дороге хотели устроить те, за кем он следовал! Неужели умышленно? Или здесь что-то другое?

Махнул рукой Паршину, тот понял правильно, медленно вышел из кабины, обошел капот, бросил тревожный взгляд на дорогу, за ним оглянулся и коренастый. Тогда капитан понял: ждут. Кого-то ждут следом. И это беспокоит больше, чем задержавшие. Не задавая вопросов, Антон вспрыгнул на колесо, в кузов и присвистнул: ящики, ящики, упаковки и вон в тех, высоких, явно лобовые стекла — он видел их на складе.

— Как это понимать? — обратился он к Паршину. Тот молча пожал плечами. — А? — капитан глянул на шофера.

— Я ни при чем, начальник, — водитель вскинул широкие ладони с оттопыренными мизинцами, — мне велели, я сделал. Мое дело — крутить баранку, отвечают они, — махнул он головой в сторону Паршина и добавил: — Так договорились, начальник.

— А монтировка? — поинтересовался Антон.

— Так не узнал-вас вначале, — ответил шофер.

Паршин молчал, тревожно поглядывал на темную полосу дороги, откуда уже слышен был шум машины. И не смог скрыть облегчения, увидев приближающуюся «Волгу».

Раздался визг тормозов, разом распахнулись дверцы. Спешили к капитану его помощники.

ГЛАВА 12

ПЕРЫВИСТЫЙ, требовательный дверной звонок заставил меня вздрогнуть.

И по лицу вошедшего Антона я сразу поняла: что-то случилось. Предчувствие не обмануло. Едва поздоровавшись, Антон сказал:

— Погибла Сватко. Едем.

— Что?! — я так и присела на стульчик в прихожей.

— Автодорожное происшествие, — коротко ответил капитан и нетерпеливо добавил: — Едем, едем быстрее.

— Дай доложить начальству, минутку.

Мой телефонный звонок застал прокурора на месте. Он, как и я, любил работать по утрам. Выслушав, Буйнов без особого энтузиазма согласился с моим решением выехать на место автодорожного происшествия, где погибла Сватко.

— Ты уверена, что тебе там быть необходимо? Времени потеряешь много, — сказал он.

Я глянула в сторону Антона, который нетерпеливо топтался в прихожей. Напрасно он не стал бы меня беспокоить.

— Ничего, — ответила я, — в нашем деле иногда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

— Ну, действуйте, — согласился прокурор.

— Что, Буйнов возражал против поездки? — спросил Антон уже в машине.

— Ты же знаешь, автодорожные дела подсудственны милиции, не нам.

— Я почему с тобой приехал? — сказал капитан. — Давай посмотрим сами на месте, обычное ли это происшествие на дороге, не стоит ли за ним чего похуже. Обстоятельства-то не ахти, насколько мне известно. Сам по себе факт интересен: Сватко погибла, Любарской нет. А это обличители Гулина. По существу, единственные. Действительно, как странно.

Одна исчезла, другая — погибла...

— Ты мне о происшествии расскажи, — спохватилась я.

— Мало что сам знаю. Пришел на работу, читаю сообщение — в 6.30 погибла Сватко в автодорожном происшествии.

— Наезд? Столкновение?

— В том-то и дело, — задумчиво проговорил капитан, — ни столкновения, ни наезда. На загородном шоссе «Волга» Сватко вспыхнула на ходу как факел. И сгорела Галина Михайловна... Там же, на месте, скончалась... Наши выехали уже, бригадой. А я — к тебе. Правильно?

— Конечно, — ответила я.

Машина Сватко вспыхнула на ходу. Почему? Конечно, «Волга» старая, вот и кузов замены требовал, с него, собственно, все и началось. Но в моей практике не встречалось такого, чтобы пожар в машине возник вот так, на ходу и без особых причин. Тут придется голову поломать, наверное. А может, случай? Тоже исключить нельзя. Его величество случай частенько преподносит сюрпризы, особенно в нашей работе.

Правильное решение — посмотреть все на месте. Догадки строить рано.

— А Любарская? — я повернулась к Антону.

— Сам думаю о ней. Видишь, мы уже мыслим синхронно, — усмехнулся он. — Все ее связи проверены. Легальные связи, — уточнил капитан. — Проверены знакомые с машинами. Никто ее не видел в зеленых «Жигулях». И у знакомых ее такой машины нет. Значит, или тщательно скрываемая связь, или... — он помолчал, — или ошибается Таня. Добросовестно заблуждается... Будем уточнять.

Да, будем уточнять. Страшное известие о Сватко отодвинуло мысли о текущей ра-

боте, но с упоминанием Тани я вновь вернулась к нашим ежедневным заботам.

— Чем день-то закончился? — любопытствовала я, и капитан рассмеялся:

— Как это закончился? День только начался.

— Вчерашний день, — досадливо перебила я капитана. Мне было не до шуток.

— Вчерашний... — протянула он, — вот чем закончился вчерашний день и начался сегодняшний.

И Волна рассказал мне о ночной гонке, о задержанной машине с дефицитными автодетальями.

— Дождается тебя Паршин для серьезного разговора, — закончил капитан, — и шофер тот самый, что забор проломил «нечаянно». На всякого мудреца довольно простоты, — заключил Антон в своей обычной манере.

Вот уж действительно.

События сплетались причудливо и пока непонятно. Само нагромождение их было тревожным, словно разворочено осиное гнездо, и осиные укусы заставляли забывать, отводили от главного моего дела — взяточника Гулина, лежавшего в тюремной больнице. Чем я буду теперь заниматься — кражей дефицита, автодорожным происшествием, ревизией «Радуги»? А Гулин? Сегодня к вечеру я увижусь с ним. Что скажу? Пока есть о чем его спросить, успокаивала себя. Сказать свое слово успею. А вот с Паршиным самая пора поговорить. В том, что эксперт подтвердит мое предположение, я не сомневалась. Да и ночные события ему придется объяснять.

Капитан Волна вел машину уверенно, слово играючи. Пронеслись мимо километровые столбики, мелькали стволы деревьев на обочине, навстречу нам сплошным потоком двигались машины — люди ехали на работу. Отдохнувшие, спокойные, каждый со своими заботами, радостями и печальями, они спешили в город к своим делам, к своим надеждам.

Мы же спешили к несчастью. Неправильному, страшному, не принимаемому сердцем.

Антон остановил машину, не доезжая установленного знака «дорожные работы», — им работники ГАИ «огородили» место трагедии. Навстречу бросился молодой лейтенант и, узнав капитана, смущенно проговорил:

— Я думал, любопытные.

Следователь милиции, эксперт-криминалист уже заканчивали осмотр места происшествия.

Печальное зрелище являла собой потерпевшая аварию «Волга». Лежала на боку, еще слегка дымясь и подрагивая. Сгоревшая краска отсвечивала бурым, как выступившая кровь. А на опушке, у тонкоствольных берез, стоял судебно-медицинский эксперт Голышев, ожидая очереди своей печальной работы. Я подошла к нему. Удивительно голубые глаза эксперта, как всегда, были грустны, и на мой вопросительный взгляд он лишь молча развел руками. В тени под березкой, укрытое черным, лежало то, что было совсем недавно Галиной Михайловной Сватко.

Снижая ход, проезжали мимо машины,

негромко переговаривались люди в милицетской форме и в штатском, осматривая, замеряя, фотографируя.

К нам подошел следователь, снял фуражку, вытерев потный лоб.

— Ну что? — спросил Антон.

— Газ, — ответил следователь, приглушая голос, — газовый баллон в багажнике. Вентиль баллона приоткрыт. При тряске утечка газа привела к взрыву. Ах, какая неосторожность, — поморщился он, — какая неосторожности!

Мы с Антоном переглянулись. Утечка газа из баллона в багажнике?

Куда же везла газовый баллон Галина Михайловна рано утром? Откуда ехала и куда везла баллон?

Что здесь? Тот самый случай или?.. Но кто и зачем? Я уже знала, что отвечать на эти вопросы придется мне. «Нам», — поправила себя. Все эти люди, что работают сейчас здесь, эти и другие будут помогать мне, и мы найдем ответы на вопросы! Найдем!

Взгляд Антона был тревожным и напряженным.

— Поговорю с криминалистом, — сказал он и направился к обгоревшей «Волге», где обрдовал эксперт.

Я осталась с медиком и следователем, который подозвал понятых для осмотра трупa Сватко.

Подул ветерок, молоденькая березка над телом горестно всплеснула ветвями и уронила на лицо погибшей листочки — как слезы...

По окончании осмотра я прочла протокол, убедилась, что зафиксированы все детали, переговорила со следователем. План его действий меня вполне устраивал.

Подошедший Антон договорился со следователем о встрече для обмена информации.

Весь обратный путь мы молчали, и лишь когда машина остановилась у подъезда здания экспертной лаборатории, куда я попросила подвезти меня, чтобы получить заключение, Волна сказал:

— Сватко убрали.

Я молчала, и капитан повторил:

— Убили Сватко.

Нелегко было подтвердить, что я думала о том же, не хотелось и давать единственное направление этому расследованию, поэтому я ограничилась неопределенным:

— Проверять надо, Антон. Все проверять. Ты понимаешь цену своей заявке?

Капитан Волна молча кивнул, лицо было хмурым и сосредоточенным, широкие брови сошлись к переносице.

— Понимаю цену, — ответил он. — Если ошибаюсь, ничего не случится. Но если я прав в своем предположении — это уже активное наступление на нас. Сватко больше ничего не скажет, не подтвердит, не опровергнет. А вот Любарская... Сегодня у меня вопрос номер один — аптекарша Рената. Я еду к Тане и потом позвоню. Закончишь с Паршиным — жди меня.

В лабораторию я вошла совершенно подавленная. Антон высказал мои подозрения. Оформляя словами мои мысли, усилил волнение. Дело о взятчице Гулине принимало неожиданный и страшный оборот,

Эксперт встретил меня весело и доброжелательно, ни следа от вчерашнего недовольства.

— Пришлось посидеть, но вот, — он протянул мне уже оформленное заключение. — Ваша догадка верна. Текст заявления Любарской и тексты претензий юриста Паршина отпечатаны на одной машинке. Заключение категорическое. Могу добавить, что отпечатано с одинаковой степенью навыков.

Я поблагодарила эксперта, но он заметил мою озабоченность, осторожно спросил:

— Что-нибудь еще?

— Нет-нет, — поспешила я, — просто перевариваю факты.

— Понятно, — успокоился он и, добрая душа, предложил: — А то заходите еще. Будут вопросы — прошу. Отказать вам невозможно. Воздействуете личным объяснением.

Я почувствовала на себе его заинтересованный взгляд и, смутившись, простилась. А уходя, поймала себя на мысли, что мне приятны его слова о личном объяснении, прозвучавшие как комплимент, и даже взгляд его, не сочувственный, к каким я привыкла после смерти Саши, а просто веселый мужской взгляд, не возмущил. Заставила себя не думать об этом, что было совсем не трудно.

В коридоре прокуратуры меня встретила Инна Павловна:

— Тебя, подруга, Волна обыскался. Я поминутно к твоему кабинету бегаю. Звони ревизору, он там.

Едва я вошла в кабинет, как позвонил Антон:

— Наташа, сейчас заедут за тобой ребята. Я решил Тане машины предъявить на станции. Все марки здесь есть и все цвета. Одно слово — «Радуга». Пусть посмотрит и покажет, на какой увезли Любарскую. Так поточней будет, верно?

Нельзя было с ним не согласиться. Придуманно хорошо: предъявить Тане машины разных цветов и марок, пусть укажет похожую на ту, что мы разыскиваем.

— Когда заедут? — уточнила я.

— Уже выехали за переводчицей и Таней.

Я прикинула, что допросить Паршина не успею. Комкать допрос не хотелось. С юрисконсультom разговаривать буду основательно.

Зашла к прокурору, доложила обстановку. Василий Семенович выслушал все внимательно и молча, побарабанил пальцами по столу, широкой ладонью ухватил подбородок — налицо все признаки раздумья.

— Ну, что сказать? — наконец промолвил он, — жаль женщину... эту потерпевшую, Сватко. Я тебе советую, пусть работает милиция над этим делом, но и ты подключись, дай направление розыску. Видишь, как все оказалось непростое, — задумчиво добавил он, — как все не просто...

Заглянула в кабинет Инна Павловна, с явным недовольством позвала меня:

— Разыскивают опять, замучили.

Таня испуганно жалась в углу, на заднем сиденье, рядом с переводчицей, через которую я объяснила, куда и зачем мы едем.

Глухонемая вопросительно смотрела на переводчицу, та успокаивала ее, и я, пови-

нужь порыву, погладила Танины беспокойные руки. Таня порывисто вскинула голову, в глазах — целая гамма чувств: от тревоги до признательности.

— От хозяйки так ничего и нет, — стала рассказывать мне переводчица, — ни слуху ни духу. Таня послушно ждет, как та велела, но волнуется, когда ее вызывают, думает, что плохое случилось с хозяйкой. Вот и сейчас...

Что было сказать Тане?

Она понимала, что мы безуспешно ищем Любарскую. И не вредила ли нам ее беззаветная преданность хозяйке? Не направляла ли Таня нас по ложному следу?

У ворот «Радуги» опять дежурил мой старый знакомец Иванцов. На этот раз он встретил меня приветливо, сказал, что капитан Волна звонил на проходную и ждет нас.

Антон встретил нас у конторы, и Таня радостно, как знакомому, улыбнулась ему, закивала головой.

Оставив Таню с переводчицей возле входа, капитан отозвал меня в сторонку.

— Глянь-ка, — шепнул он и направился за угол здания.

Я поспешила за ним и ахнула, увидев приготовленные Антоном машины, а он горделиво, как собственных детей, оглядывал их.

Капитан постарался. Каких только машин здесь не было!

Выстроенные в ровную линию, стояли, не меньше десятка, «Жигули» самых разных оттенков зеленого цвета: изумрудные, маляхитовые, темно- и светло-зеленые, с чуть намеченным и сочным зеленым отливом и еще каких-то уж совсем неизвестных мне оттенков, напоминающих зеленый.

Да, Антон постарался.

— Ну, — я развела руками, — слов нет!

— Начнем? — спросил довольный капитан, и я в ответ кивнула, расстегивая портфель с бланками.

В том, что среди этого обилия Таня отыщет машину, похожую на ту, в которой уехала Любарская, я не сомневалась.

К машинам Таня подошла осторожно, словно опасаясь, осмотрела внимательно, оглянулась на стоящую чуть сзади переводчицу, я перехватила этот взгляд и заметила в нем растерянность.

Может быть, глухонемая не поняла, чего мы хотим от нее?

— Надо еще раз ей все объяснить, — сказал Антон, тоже заметивший неуверенность Тани.

Через переводчицу я вновь стала рассказывать Тане, что пусть она посмотрит на эти зеленые машины и скажет, есть ли похожая...

Переводчица быстро орудовала руками, Таня внимательно смотрела на нее, потом отрицательно покачала головой, волнуясь, даже руки тряслись, стала отвечать переводчице, а мы все поняли и без перевода.

Обескураженный Антон стоял молча, а я заполнила бланк протокола опознания — порядок есть порядок. Ушли понятые, а мы все стояли у разнооттеночного зеленого ряда.

Глянув на часы, я сказала Антону:

— Отправляй нас, парень, да ищи новые пути.

— Придется, — ответил капитан, — придется придумать что-нибудь новенькое. А я так надеялся... Останусь здесь пока, с Радомским посижу. Да, а на чем же отправить вас, — спохватился он.

— Попроси Шершевича, отправит, — посоветовала я. Не хотелось, чтобы женщины добирались до дома городским транспортом, уж больно далеко от центра была эта «Радуга».

— Нет его с утра, — ответил Антон, — да сейчас придумаем что-нибудь, минутку, — и убежал в контору.

Вернулся он через несколько минут и сообщил, что бухгалтер с кассиром скоро едут по делам и подвезут Таню с переводчицей.

— А тебя сейчас от проходной отправлю, — сказал капитан и заторопился к выходу. Я простилась с переводчицей и расстроенной Таней.

И ушла с тяжелым сердцем.

Жалко было глухонемую Таню, жалко Галину Михайловну Сватко, превращенную в безмолвный холмик у березки...

И себя стало жалко.

Пока я ехала на попутной машине и затем поднималась по гулкой железной лестнице прокуратуры на второй этаж, вспомнились собственные горести и вот еще теперешние неудачи.

Подступил к горлу горький ком. Еще не хватало мне расплакаться. Прелесть какая картина: следователь прокуратуры Тайгина ревет в коридоре! Мне нужно было отвлечься хоть на минутку, чтобы собраться, справиться с расшалившимися нервами. Нет, что ни говори, а страшные утренние события выбили меня из колеи. На люди мне надо, на люди. Не оставаться одной.

Не доходя до своего кабинета, заглянула к Инне Павловне, та была одна, махнула рукой — заходи, мол. И, увидев мое лицо, поняла, что мне плохо, не стала спрашивать.

— Знаешь, что моя-то опять учудила? — бодро спросила Инна и стала рассказывать о своей дочери, которая была, на мой взгляд, умницей и красавицей, но Инна — мать, построив для себя модель идеальной пай-девочки, безуспешно пыталась приблизить ее к этой модели. Она терпела поражение за поражением, однако вновь и вновь возобновляла попытки. Хотя и сама признавала со смехом, что дочка доставляет ей гораздо меньше хлопот, чем сама она когда-то своей маме.

Слушая про Иннины заботы, я успокаивалась, приходила в норму.

Жизнь текла, несмотря ни на что. Прекрасная жизнь, где влюблялись девятиклассники и убегали на свидание в маминной блузке...

ГЛАВА 13

КАПИТАН Волна, обескураженный неудачей, проводил Таню и переводчицу до проходной, поручил Иванцову я оставил дожидаться машину.

Иванцов подсел на скамейку к переводчице, затеял с ней разговор, а капитан поспешил в контору к Радомскому.

Старый ревизор сидел один в освобожденном кабинете Паршина. От взгляда Антона не ускользнуло, что светлые глаза Радомского окружила синеватая тень и щеки словно ввалились, сузив лицо, от чего еще более выдался вперед крупный костистый нос.

— Устали вы, Здано Янович? — участливо спросил Антон.

Ревизор поднял на лоб очки:

— Дело привычное, батенька, но годы вот, годы знать о себе дают. Седьмой десяток — не шутка. И еще — мотор мой, — длинный палец с утолщенными суставами постукал по груди, — сбой дает мотор. Но это к делу не относится, — строго закончил он.

— Что у нас получается на сегодняшний день? Если кратко.

— Если кратко, то заключения еще нет. Но предварительные выкладки — вот они, — Радомский указал на аккуратно, бисерным почерком исписанные листы. — «Де-факто» станции технического обслуживания разительно отличается от «де-юре». Приписки, искажения отчетности потрясающие и носят, я бы сказал, преступный характер.

Радомский порылся в записях, протянул капитану лист:

— Мы с вами уже говорили о плане реализации услуг населению. Так вот, здесь — сплошное вранье! Гляньте на эти цифры. Они дутые!

Ревизор встал, заходил по тесному кабинету, сложив за спиной руки. На память сыпал цифрами, датами, номерами документов, показателями планов.

— Вот откуда жалобы людей на очереди, на некачественный ремонт, кражи, отсутствие необходимых деталей, — возмущенно говорил он. — Вместо того, чтобы возиться с машиной незадачливого клиента, они массово брали в ремонт машины предприятий, показывали их в плане как ремонт индивидуальных машин, да при этом стоимость наценяли так, что сказать страшно. И все это шло в план, премии получали, за это-то безобразие. Вот, пожалуйста, — Радомский склонился над столом, — ремонт пожарной машины обошелся щедрым пожарникам лишь на тысячу рублей дешевле, чем стоит новый автомобиль. А вот, — ревизор указал на другую запись, — фирма «Интурист» заплатила за ремонт больше, чем стоит новый «Москвич». Не жалко из государственного кармана платить, не жалко, — возмущался ревизор, — а ведь эти приписки-то все растащены, бесовски украдены. Вот тому подтверждение, — ревизор быстро, как фокусник, выдернул из кнпы потрепанных документов один, положил перед капитаном: — Этот наряд-заказ открыт был неким Лазуткиным в течение семи месяцев. Вы говорили «тянн-толкай»? — это как раз он и есть. Чего только не поставлено на аварийный кузов хапуги! И еще есть на тот же кузов два наряд-заказа. Уверю вас, мы найдем следы этого ремонта в комиссионном магазине — они его продали, вот что. Сделали и продали через свой же магазин!

— Кто отчеты и документы подписывал? — решился наконец капитан прервать возмущенный монолог ревизора.

Радомский, поморщившись, осторожно уселся за стол, потер грудь под старомодным двубортным пиджаком, сказал устало и с горечью:

— Руководители подписывали. Часть директор, часть — главный инженер.

— Гулин тоже? — уточнил оперуполномоченный. Ревизор кивнул:

— Есть и Гулина подписан, есть.

Резко постучав, заглянула в кабинет кассирша:

— Где ваши женщины? Мы едем.

И Антон пошел к проходной. Не понравилась ему нелюбезность женщины, не обидели бы Таню. Лучше уж проводить их самому.

— Сейчас вернусь, — пообещал ревизору.

Радомский молча кивнул и вновь запустил под пиджак руку, растрепав грудь.

Капитан быстро шагал к проходной, обдумывая услышанное от Радомского. Предположения подтверждались. На станции технического обслуживания творились черные дела. По той информации, что он имел на сегодня, можно было судить лишь об общих чертах махинаций. Но скоро все встанет на свои места. И с Гулиным нужна ясность. Почему он подписывал липовые отчеты? А потом записывал в свою книжку наряд-заказы, по которым, теперь это уже установлено, допускались злоупотребления?

Два варианта: либо Гулин прямой участник махинаций и сообщил на подельников компроматернали, либо Гулин не знал о липе и, что-то заподозрив, пытался про-вернуть...

Волна усмехнулся: ну додумался — два варианта. Конечно, два варианта, это ясно с самого начала. Главное — какой из них верен. И этого главного капитан не знал.

Таня с переводчицей сидели рядом на деревянной скамейке возле круглой клумбы с цветами и поднялись навстречу Антону. Присадистый старый «Жигуленок» с желтой надписью «Ремонтная служба» вдоль кузова уже урчал мотором, оживая пассажиров.

Антон открыл заднюю дверцу, первой, неловко согнувшись, в тесный салон влезла переводчица, рядом с ней, с краю, уселась Таня.

Нагнувшись к низкой машине, капитан стал прощаться с женщинами и вдруг услышал сдавленный вскрик! Таня резко схватила руку капитана, которой он придерживал дверь, с неожиданной силой рванула, так что Антон, и без того неудобно стоявший, едва не упал. А Таня, не выпуская руки капитана, вскрикивала тревожно и показывала свободной рукой куда-то вперед, на проходную, где минуту назад все было спокойно и тихо. Антон невольно глянул на Таню, а она с искаженным лицом так же резко отбросила руку капитана, повернулась к переводчице и быстро, быстро «заговорила»: замелькали дрожавшие руки, мучительно вытягивались губы, и тоже тревожным стало лицо переводчицы.

— Что случилось? — быстро спросил Антон и поднял глаза к проходной.

Медленно притормаживала у калитки перламутрово-коричневая «Лада», плавно остановилась, и вот уже из нее вышел и хлопнул дверцей директор «Радуги». Приехал Шершевич. Больше ничего не случилось. Так что так встревожило Таню?

Когда капитан вновь склонился к салону, переводчица растерянно сказала:

— Антон Петрович, Таня говорит, что это, — она указала на машину директора, — та самая зеленая машина, что увезла хозяйку. Но машина ведь не зеленого цвета! Ничего не понимаю! — она повернулась к Тане, «заговорила» с нею, и капитан видел, как переводчица сердится, уточняет, переспрашивает, пожимает плечами. А Таня, коротко вскрикнув, закрыла лицо руками, затряслась ее плечи — глухонемая горько плакала.

— Давайте выйдем, — попросил Антон, лихорадочно придумывая, как поступить. Ведь надо провести опознание как положено, по закону. Пригласить понятых, составить протокол...

Таня опередила намерения капитана. Легко выпрыгнув из машины, она быстро, почти бегом направилась к проходной. Антон закричал ей вслед, забыв, что она не услышит, и бросился за ней, но догнать не успел. Таня была уже у коричневой красавицы «Лады», уронила руки на капот и торжествующе оглянулась. Растерянный Шершевич вернулся от проходной и молча наблюдал за происходящим.

— Спросите, это — зеленая машина? — попросил Антон подошедшую переводчицу, уже обо всем догадавшим.

— Да, это зеленые «Жигули», на которых уехала Любарская. Машина приезжала к ней не один раз, — перевела та резкие жесты Тани, и глухонемая энергично кивала, следя за губами переводчицы.

Не найдя под рукой ничего лучшего, Антон показал на коричневую сумку переводчицы:

— Какой это цвет?

— Зеленый, — озадаченно перевела женщина Танин быстрый, безраздумый, ответ.

Вот оно что. Бедная Таня путала цвета. Коричневую машину считала зеленой! Добросовестно заблуждалась — так это называется в следственной практике.

Капитан Волна посмотрел на Шершевича и встретился с его непонимающими глазами. Короткие бровки директора тоже выражали недоумение. Антон перевел взгляд на машину. Н-да, фары-то ничего себе, под стать машине... Мощнейшие фары... Такие ослепить могут запросто. «Но это не доказательство», — одернул себя Антон.

ГЛАВА 14

ПАРШИН, когда его ввели в кабинет, показался мне еще меньше, чем накануне. Мешковатый костюм совсем обвис, лицо серое, под толстыми стеклами очков в большой оправе казались еще больше набрякшие водянистые валики под глазами. Видок у Паршина был не разбойничий, нет.

Присел на кончик стула, опустил руки

между колен, так что длинные рукава пиджака закрыли пальцы. На меня не смотрит, уставился вниз.

Не поднимая глаз, отвечает на первые формальные вопросы.

А теперь по существу.

— Начнем с конца, — говорю я, и он покорно кивает, но молчит.

Понимаю, ждет наводящих вопросов. Пожалуйста. Что-то, а вопросы у меня есть.

— Расскажите о ночных событиях, — предлагаю, — что, кто и зачем, классические вопросы для юриста.

Паршин поднял голову. Смотрел затравленно и обреченно.

Во мне шевельнулась жалость. Вот он, край. Пришел час ответа. И совсем немаловажно, как его встретит тот, кто оступился. Жизнь-то, конечно, одна, но дает человеку множество возможностей прожить ее и так, и эдак, наверное, и в этом тоже заключается великое ее милосердие.

Как воспользуется Паршин этим милосердием? Поставит точку на прошлом и попытается начать жизнь сначала? Или она уже состоялась, его неразумная жизнь, и другого ему не дано?

Юрисконсульт, кажется, уловил мои раздумья, шуплые плечи поежились под пиджаком.

— Виноват я, — выдал он наконец, — виноват больше всех и отвечаю.

— Ну, зачем так глобально. Давайте конкретнее: что вывозили ночью?

— Автодетали, конечно, — ответил он. — Вы же знаете. На складе Лазуткина скопился неучтенный дефицит. Они договорились с Гусенковым, это водитель, тот, что задержан вместе со мной, до инвентаризации убрать детали. Ночью Лазуткин с Гусенковым загрузили машину, а я сопровождал ее, но...

— Подробнее, подробнее, — попросила я. — Слишком уж скупы вы на слова, Паршин. Неучтенный дефицит откуда?

— Это долгая песня. Ее вам Радомский споет как по нотам, я его давно знаю, он сможет, — усмехнулся Паршин.

— И все-таки?

— Ну, на бой списывали много. Акты увидите сами. Любовые стекла, например, ежедневно по одной-две штуки. А на самом деле, если бой был — взыскивали все до копейки с виновных. На госмашины много лишнего выписывали, тоже увидите сами. И другие пути есть... Много чего.

— Куда везли детали? Кому?

— Этого я не знаю, — поежились плечи под широким пиджаком. — Лазуткин договаривался, кто-то встретить нас должен был по дороге... Не знаю, не знаю, кто, — заторопился Паршин, видя, что я гляжу недоверчиво.

— Но почему вы сопровождали машину? Не сам Лазуткин, а именно вы? Как из опечатанного и под сигнализацией склада взяли детали?

— Как взяли — Лазуткин расскажет, это его дело. А я сопровождал потому, что в доле с ним, двое нас, понимаете, двое! Лазуткин ворует, а я вывожу, — неожиданно пошутил он и прикрыл рукой кривую улыбку.

Двое так двое. Пойдем дальше.

И я задаю вопрос, более всего меня интересующий. Это даже не вопрос — констатация. Потому что заключение эксперта лежит у меня на столе. Я не прикрыла его ничем и видела, что Паршин давно его заметил.

— Вы печатали заявление Любарской о даче Гулину взятки?

— Я печатал, — шелестит в ответ, — она попросила, и напечатал.

— Подробнее, подробнее, — опять напоминаю, — давайте все, как было.

— Ну, пришла она, рассказала, попросила помочь, я и напечатал заявление.

Паршин подробности явно раскрывать не хочет. А мне они нужны, именно подробности. Из них складывается истинная картина, как мозаичное панно, которое из маленьких частичек события, разрозненных кусочков, осколков происшедшего я собираю и складываю.

— А другой потерпевшей, Сватко, вы не помогли?

— Сватко? — насторожился Паршин, и я вижу, как мучительно он обдумывает ответ.

Не решился, идет на разведку:

— Почему вы считаете, что я Сватко помогал?

Я уже поняла: юрист сдает только те позиции, которые невозможно удержать. Раскрыла уголовное дело. Вслух читаю заявление Сватко.

Не понял. Зачитываю заявление Любарской. Не все, только окончание. Там, где шаблонная фраза, общая для двух документов.

Юриконсульт шарит по карманам, не найдя платка, вытирает вспотевший лоб ладонью, да так и оставляет ее у лба, прикрыв, как козырьком, глаза:

— Что-то такое припоминаю, — мямлит он.

— Не надо, Паршин, — прошу я, — вы же юрист, понимаете. Правду уже не скрывать. И эти женщины...

Он не дал мне договорить. Бросил руки на колени, сжал губы. Видимо, это должно было выражать решительность.

— Я расскажу все. Да, я помог. Они пришли ко мне вместе — Сватко и Любарская. У Ренаты Леонидовны почерк плохой — медик! Ей я напечатал заявление. А Сватко писала сама. Я диктовал, конечно. Потом Сватко унесла заявление в милицию, и все завертелось.

Паршин опять замолчал.

Ну что ж, поведем допрос активно и наступательно, не давая возможности продумывать версии.

— Кто направил Сватко к Гулину? Ведь заменной кузова занимался директор?

— Я направил, директор не хотел вмешиваться, чтобы не было разговоров. Они ведь, — Паршин запнулся, подыскивая слово, и закончил: — Дружат.

Ага. Значит, дружат.

— Не вы ли принесли заявление Любарской в прокуратуру?

Чуть помедлив, Паршин кивнул.

— Я принес. Да. Вспомнил. Оно у меня оставалось, заявление. Я и принес товарищу Захожему, когда встал вопрос об аресте Гулина.

— Один принес?

— Вместе с Любарской, — последовал ответ.

Ну, нет слов — юриконсульт станции технического обслуживания автомобилей собирает доказательства для ареста главного инженера своего предприятия! Славно, славно. А Захожий-то наш хорош! Нашел помощника! Ах как правильно возвращено дело на новое расследование, ох как справедливо возмущался наш прокурор!

Паршин угадал мое возмущение и испугался. Стал осторожничать, тянул с ответами. И я поняла: все, с Паршиным на сегодня довольно. И еще: он лжет, принимая на себя организаторские функции — не тот человек, не тот. Обвинение Гулина особенно не пошатнулось, но кое-какие клиннышки в его фундамент Паршин вбил.

Ничего, все начинается с малости, в том числе и установление истины. И лишь на последний мой вопрос в глазах Паршина засветилось искреннее недоумение: «Честное слово, не знаю, где моя машинка, кто ее подменил!».

— Допрос окончен. Вы свободны, — сказала я Паршину, нажав под столом кнопку вызова конвоя. И, видя, как встрепенулся юрист, разочаровала его: — От меня свободны на сегодня. А вообще придется задержаться. Ничего не поделаешь — задержаны с поличным.

Оживившийся было Паршин сник, а тут приоткрыл дверь конвоир, и, шаркая ногами, тщедушная фигура побрела к двери. Широковатые штанины полоскались вокруг тощих ног.

Поджимало время. Предстоял допрос шофера, да еще меня ждал Гулин.

Сменивший Паршина шофер выглядел смущенным, втягивал живот, на котором постоянно расстегивалась пуговица рубашки. Шофер нервно и долго застегивал ее, но едва опускал руку, пуговица вновь выскакивала из широкой петли. Фаланги пальцев шофера украшали синие буквы. «Вова», — прочла я без труда блатную визитную карточку и заглянула в протокол задержания:

— Владимир Гусенков?

— Точно, гражданка следователь, — с готовностью ответил Гусенков и привстал от усердия, оторвав от стула широкий зад.

— Как же вы, Гусенков, решились на кражу?

— Я?! — изумился он совершенно искренне, — на кражу? Ну нет, так не пойдет. Ща-а, на кражу! Ща-а! Ну нет, в нату-уре, какая кража? — возмущался он.

Я прислушивалась к словам Гусенкова: что-то знакомое было в его интонациях. Эта приблатненность, вкрадчивость, слова врасстяжку: в нату-уре и словно зменный шип: ща-а...

— А вы ведь беседовали со мной по телефону, Гусенков, — перебила я возмущенную тираду шофера и по тому, как метнулись его глаза, догадалась, что попала в точку: это его голос угрожал мне недавно по телефону, я хорошо помнила шипенье: «не ищи-и...». Ну вот, слава богу, одна из трех неприятностей, что так дружно меня огорчили, передо мной. Так же дружно, как пришли, ушли бы и остальные.

— Не воспользовалась я вашим советом, да вот, выходит, и правильно сделала, — весело сказала я.

— Ну вы что, в натуре, гражданка следователь, — загудел в ответ Гусенков.

Я многозначительно глянула на телефонный аппарат, и Гусенков заторопился:

— Да не обижайтесь вы, велели мне позвонить, сам разве бы я стал? Ща-а, зачем мне?

— Кто велел?

— Паршин. Во гнида, в натуре! Сам с вершок, а дерьма мешок. Ох, простите, — спохватился он.

— Ладно, — миролюбиво сказала я, — забудем об этом. Давайте ближе к делу.

— Ща-а... — Гусенков был весь готовность служить.

И в это время раздался звонок. Антон поведаль мне о событиях на «Радуге».

Да, было от чего и досадовать и смущаться! Плохо мы работали с Таней, плохо. Передоверились, поспешили, и вот какой сюрприз преподнесла нам наша необычная свидетельница, сама того не желая.

— Оформляй опознание машины, как положено, — сказала я Антону. — Шофера допрошу и приеду.

Я посмотрела на Гусенкова, и он смущенно втянул голову. «Прислушивался», — подумала я.

Шофер, может, кое-что и услышал, а может, догадался или нафантазировал, но, словно продолжая уже начатый рассказ о деле, к которому мы, по сути, еще не приступали, промолвил:

— Вот я и говорю: не там ищите. Паршин, Лазуткин, да и я тоже — мелкота, шестерки. Вы мотор ищите, тогда все на свои места встанет. А то — кра-ажа! Ща-а, кража...

Гусенков говорил, и я не перебивала его вопросам, понимая, что он был прав в основном: мы не могли нащупать главную пружину действия, оттого и разворачивалось дело непонятными скачками: взятка — приписки — кража — смерть потерпевшей... Невольно обратились мои глаза к месту, где сидел Гусенков, и так ясно увиделась нежно-сиреневая блузка и гордая осанка — совсем недавно там же сидела Галина Михайловна, живая, нарядная и надменная.

Я вздохнула, и Гусенков отнес это на свой счет, заторопился, но мне был уже неинтересен его допрос.

Шофер, конечно же, все, что знает, расскажет. Но не сегодня. Мысленно я была уже на «Радуге» и задавала вопросы Шершевичу.

Отправив шофера, который был озадачен моим явным пренебрежением к его показаниям, я стала собирать портфель.

— Войдите, — ответила я на осторожный стук и увидела, что в дверь бочком прошел невысокий худощавый мужчина неопределенного возраста — ему равно можно было дать и тридцать, и пятьдесят. Сухая кожа гладко обтягивала скулы, но у глаз сбежались глубокие морщинки, а зачесанные назад волосы были не то белокурыми, не то седыми.

— Bravo, — сказал он, подходя к столу.

— Добрый день.

— Что? — изумилась я. — Причем здесь bravo? И кто вы такой?

— Bravo — это я, — с удовольствием объяснил посетитель. — Фамилия у меня такая.

Глаза его смеялись, и мне стало ясно, что розыгрыш ему нравится и он его проводит не впервые.

Пришлось начать разговор с веселым посетителем.

ГЛАВА 15

ГУЛИН ждал нового следователя и допроса. Жизнь для него как бы и перестала быть жизнью, казалась сном — то нелепым, который сейчас кончится, то мучительно страшным и нескончаемым.

Вначале, сразу после ареста, ошеломленный Гулин не переставал удивляться. Почему принесла ему деньги та красивая женщина? Зачем он принял ее, уступив просьбе Паршина, который очень настаивал и объяснял даже что-то, а что именно, Гулин, к стыду своему, вспомнить не мог. Память рвалась на куски, как старая кинолента, и все время упускала важное, основное. Ныло сердце, боль отдавала в плечо и спину, была порой нестерпимой. Гулин считал ее неизбежной принадлежностью его теперешнего состояния, не жаловался никому, пока окончательно не свалился после суда, когда вдруг, слушая и наблюдая, с поразительной и давно не посещавшей его ясностью понял: его судьба — лишь часть какой-то истории: он был пешкой в чьей-то игре, кто-то распорядился его жизнью, безжалостно и необъяснимо.

До суда он ждал, что вот-вот все прояснится. Конечно, его накажут, должны назначить: замена кузова «Волги» совсем не просто решается, а у Сватко не было даже акта оценочной комиссии. И как он мог согласиться? Вот за это его и должны назначить. Он пытался рассказать о своей настоящей вине Захожему, помощнику прокурора, который вел следствие. Но тот отмахнулся от этих его откровений, поморщился, поправив свой аккуратный пробор.

— Вы же слышали, что рассказала Сватко: вы получили взятку.

Он слышал, как Сватко уличала его. Только вот глаза она при этом прятала. Всегда прятала. Он ловил и не мог поймать ее ускользающий и неопределенный взгляд.

Ничто не прошло мимо внимания судей, да и прокурор частенько покачивал головой, слушая, как он жил, как работал, как говорили о нем люди.

Тот же Шершевич, Виктор Викторович... Гулин вспоминал его хорошие слова и сокрушался: подвел человека. И еще думал, что сила, сломавшая его, может сломать и Шершевича, с его доверчивостью и некоторым, надо признать, ретозейством. Ведь Шершевич только махнул рукой на сообщение Гулина о путанице в документации, мол, ладно, сейчас план нужен, на первом месте план, а потом разберемся во всех этих липовых накладных, в залежах дефицита, в отпуске запчастей... Прислушайся

Шершевич к нему раньше, может, и не вернулись бы события так трагически. Гулин был уверен теперь в причастности Паршина к нечистым делам на станции. Но кто-то был еще. Был. Только вот кто?

Так некстати, так не вовремя слег он. Все следовало взвесить, все заново продумать. Но не было сил. Недаром он всегда знал про себя: не боец он, нет, не боец.

Когда доктор сказал ему: с ним будет работать следователь, женщина, Иван Сергеевич подолгу думал о ней, представляя, как она выглядит, как к нему отнесется. Будут ли они союзниками? Не отмахнется ли и она, как Захожий, от его слов и подозрений?

Но доктор ушел, и Гулин снова начал мучительно думать: к чему он прикоснулся, что так больно ударило его, смяло? Что это была за сила, и можно ли ей противостоять?

Он вспомнил сочувственный взгляд пожилого бритоголового прокурора, брошенный на него, когда прокурор уже сел на свое место, закончив речь. Не обвинительную, а, по сути, в его защиту. Прокурор сказал тогда, что у него есть сомнения, и посмотрел на Гулина. Вот этот взгляд и вспомнил Иван Сергеевич. И понадеялся, что женщина-следователь, Тайгина Наталья Борисовна, посланная, несомненно, этим прокурором, станет ему союзником и вместе они узнают все.

Когда доктор сообщил, что звонила Тайгина и он разрешил ей прийти, Гулин разволновался. Доктор, нахмурился, погрозил пальцем.

— Вы чего это? А ну — хвост пистолетом! Не то отложу ваше свидание. — И добавил тихо, но решительно: — Давайте-ка в бой, гражданин Гулин. Жизнь-то ведь по-всякому поворачивает. И добро побеждает не только в сказках.

Гулин ждал вечера. Вечер наступил. Но Тайгина не пришла.

ГЛАВА 16

ОФОРМИВ опознание машины Шершевича, Волна отпустил Таню и допросил Виктора Викторовича.

Виктор Викторович убедительно отрицал, что заезжал за Любарской. Причины привел веские, но Таня стояла на своем! И уж если честно, Антон понимал: доводы Шершевича перевешивают Танины слезы.

А вдруг глухонемая Таня опять ошибается? Ошибки порождают сомнения, которые, если их невозможно устранить, толкуются в пользу обвиняемого. В данном случае, в пользу Шершевича.

В какой-то миг допроса капитан едва удержался, чтобы не выпалить в лицо Шершевичу страшное известие о гибели Галины Михайловны Сватко, о котором следователь просила пока умолчать. Хотелось глянуть, как среагирует на это Виктор Викторович. Судя по всему, он об утренних событиях осведомлен не был. Или делал вид? Вовремя вспомнил строгий наказ Тайгиной, Антон промолчал, а после допроса усомнился в правильности избранной ими позиции: гибель Сватко не могла быть тайной долгое

время, Шершевич вскоре узнает об этом, но лица его Антон может не увидеть. И не почувствует того внутреннего отношения Шершевича к смерти Галины Михайловны, которое могло бы пролить свет на один из самых неясных вопросов: что он за человек, Виктор Викторович Шершевич?

Утренние события отодвинули намеченный капитаном допрос заведующего складом Лазуткина, который в ожидании уже маялся на территории станции. Синий халат Лазуткина то и дело попадал в поле зрения капитана. Склад его был по-прежнему опечатан, и пломбы были целы — Антон проверил это еще ночью, когда они возвратили самосвал Гусенкова.

«И тошно, да миновать не можно», — усмехнулся Волна, понимая состояние Лазуткина.

Капитан взял в руки список ценностей, обнаруженных ночью в самосвале. Как-то объяснит ситуацию Лазуткин?

Антон устало вздохнул, представив разговор с заведующим. Неужели все пойдет по давно знакомой капитану схеме? Нелепые объяснения, битье в грудь: я честный, требую доказательств. А когда они, доказательства, будут представлены, опять битье в грудь: простите, не буду, я ошибся...

По первым же словам Лазуткина капитан понял, что он избрал роль собственного обвинителя. Кабинет юрисконсульта Паршина, где обосновался оперуполномоченный, пронизан был солнцем, и Лазуткин даже не пытался стереть пот, крупными каплями выступивший на багровом лице.

— Это еще зимой началось. Получаю контейнеры с запчастями. По документам так, ничего особенного. Вскрываем контейнеры. Я и юрист наш. Вообще-то в комиссии нас трое должно быть, но мы... Нарушали. Дадм, уж после приемки, кому-нибудь акт подписан из профкома или еще откуда. Мне доверяли, — вздохнул он вполне искренне. — Так вот, вскрыли мы с Паршиным контейнер — батюшки светлы! Там сплошной дефицит. Второй вскрываем — та же картина. Ну и... — Лазуткин за-

сопел, потупился. — Юрист говорит, мол, дураком надо быть, чтобы упустить такой случай. Тысячи в руки сами плывут. Знаете, как умные-то люди говорят? — он уставился на капитана, затем изрек охотно, с назиданием, явно наслаждаясь принудливой игрой простых слов, сложенных кем-то в философию негодяев: — Денег нету, потому что дурак. А дурак, потому что денег нету.

— Эта философия не нова и примитивна, — спокойно сказал оперуполномоченный, подавляя раздражение. — К сожалению, так же живуча. Но об этом позднее. Сейчас давайте ближе к делу. Уголовному, — уточнил он.

— Ну да, ну да, — затеропился Лазуткин, согласно закивал головой. — В общем, акт приемки составляли мы по товарно-транспортным документам. Кстати, — он приподнял указательный палец, — я проверял: счет нам был выставлен по этим документам, и мы успокоились. Решили, что ошиблись отправители. Началась у нас новая страда: переводить дефицит в деньги. Здесь у нас разные пути были...

— Комиссионный магазин? — спросил капитан.

— И комиссионный тоже, — уныло ответил завскладом.

— А как же с наряд-заказами?

— Было, — голос Лазуткина потускнел. — Ну подумайте сами, куда мне было деваться? Я вот и говорю, только началась эта самая страда, деньги завелись у меня. Паршин подзуживает: не бойся, я законы знаю, никто не подкопается. Поверите, — Лазуткин поднял глаза, ударил себя по широкой груди пухлым кулаком, — я вначале совестился, боялся, а потом вроде как привык даже. И вдруг — на тебе. Встречает раз вечером после работы меня мужик. Черный такой, с усами, назвался Арчилом. Контейнеры, говорит, получал? Как рассчитываться собираешься? Я было стал запирается, смотрю, Паршин из-за угла выходит. Брось, говорит, Леха, придется Арчилу делать долю, это он нам контейнеры организовал. В общем, куда деваться? Обложили... — сказал так и вдруг задумался.

Антон видел, как нахмурился Лазуткин, забегали растерянные глаза.

— Обложили, — повторил он медленно, задумчиво, и капитану почувался какой-то новый смысл в повторенном Лазуткиным слове. Как будто это удачно найденное слово объяснило многое самому Лазуткину, которого обложили вору, как зверя на охоте. Капитан ждал продолжения истории, а Лазуткин словно потерял интерес к допросу, стал говорить вяло, отвечал на вопросы односложно.

— На ваше имя открывали наряд-заказ?

— Да...

— Что ремонтировали?

— Ничего. От машины только номер был. Все собрали здесь. И оформили через комиссионный. Арчил угнал машину.

— Были еще такие случаи?

— Были...

— Расскажите о вчерашнем, — попросил Антон, взяв список автодеталей, обнаруженных в самосвале Гусенкова.

— Что тут рассказывать? Сами знаете,

раз принялись нас копать, надо спасаться. Вот и решили избавиться от дефицита, насколько возможно. Днем по фиктивным накладным выдали детали якобы в комиссионку. Помните, Леха-контролер еще возмущался? — усмехнулся Лазуткин. — А ночью Вова Гусенков все это добрище вывез. Да вот неудачно...

— Куда везли-то? — перебил оперуполномоченный.

Лазуткин отвел взгляд, пожал плечами, потянул с ответом.

— До первого моста и везли. И концы, как говорится, в воду, — усмехнулся он.

— В воду?! — ахнул Антон. — Вот это все собирались в воду?! — он встряхнул аккуратно ипписанный лист акта. — В воду ланжероны? Коленвалы — в воду? Передние стекла? Наконец, вот это, — прочел он строчку в середине листа: — «Автомобильная стереомагнитола «Шарп» с электронными часами и пультом дистанционного управления?» Это все в воду? — продолжал возмущаться оперуполномоченный, не глядя на опустившего голову Лазуткина, и вдруг остановился, словно загнувшись. Что это? В описи вещей, находившихся в гусенковском «ЗИЛе», значилось: «машинка пиш. б/у марки «Оптим»! Не ожидая особых сюрпризов, он утром мелком пробежал глазами акт, составленный ночью его помощниками. А теперь вот, пожалуйста. Новость. Интересно, а зачем это машинку — в воду? Паршин признался кругом, и этот тоже — капитан покосился на примолкнувшего Лазуткина — кается. Но ни при одном деле эти шоколадные правонарушители не упоминают Гулина. Ни одной детали, с ним связанной, не называют.

Машинка — первый прокол. Машинка «Оптим». На ней юрист печатал заявление Любарской. А потом она таинственно исчезла из его кабинета. И, как уверяет юрист, без его ведома! Эта «Оптим» вдруг обнаружилась в кузове вместе с автодетальями, от которых пытались избавиться.

«Стоп, стоп, не увлекайся, — остановил себя оперуполномоченный и убрал с телефона руку, уже набравшую номер Тайгиной. — Не дергай следователя, проверь сперва сам. Что ты, в самом деле, обрадовался, как первогодок».

Удивленный Лазуткин на вопрос капитана ответил озадаченно:

— Не знаю. Какая машинка? Не было у меня машинки.

Тогда Волна задал последний вопрос:

— Кто должен был встретить машину Гусенкова? Кого они ждали?

Глаза Лазуткина снова метнулись:

— Я. Меня они ждали.

— Значит, это вы приняли решение сбросить все, как вы говорите, добрище в воду?

— Я, — ответил Лазуткин, поднял глаза, и Антон прочел в них неуверенность и страх.

«Врет, — понял капитан. — Не того размаха человек, не той решимости».

Закончив допрос, Волна помчался к опечатанному боксу, где стояла машина Гусенкова. По пути позвал из конторы заворчавшего было Радомского, машинистку из машбюро, крикнул охранника Иванцова.

Машинка стояла возле колеса грузовика. Машинистка, только глянув, удивленно сказала:

— Это юриста «Оптима». Как она здесь оказалась?

— Вы посмотрите, посмотрите внимательно, — попросил Антон.

— Я, молодой человек, все машинки на станции знаю как свои пять пальцев, — обиделась женщина. — Эта в нашем бюро стояла, пока ее Паршин не забрал. Можете глянуть, шрифт нуждается в чистке. Паршин меня просил вызвать мастера недели две назад.

— И не был мастер? — спросил оперуполномоченный.

Женщина повела плечами:

— Ну видите же, не чищен шрифт. Не был еще мастер. Ждем со дня на день. А как здесь она оказалась-то?

— Потом, потом, — заторопился капитан, закрывая бокс.

Иванцов наблюдал за происходящим молча и, лишь когда женщина ушла, тихо сказал Антону:

— Петрович, заметил я, поговорки ты любишь, поговорки разные. Верно?

— Верно, отец.

— А такую ты слышал присказку: «Лестницу сверху метут»? Не слышал? Подумай над ней. — И громко закричал в сторону проходной, где раздавались трели звонка: — Иду, иду, потерпи минуту.

Оставшись вдвоем, Волна и Радомский помолчали немного. Потом Антон сказал:

— Эдако Янович, а ведь эта ниточка к Гулину ведет. Наконец-то.

— Пожалуй, вы правы, мой друг, — ответил старик. — Это первая зацепка. Без сомнения, машинку прятали. Кто? Может, Паршин?

— Нет, — стал рассуждать Антон. — Паршин признался, что печатал заявление. А о машинке не рассказал — какой в этом смысл? Объяснить это можно одним: он не знал о замене машинки. А тот, кто заменял, не знал о его признании. Это зацепка, это к Гулину прямой поворот, — радовался Антон.

— Да малая уж больно удача-то, — попытался охладить капитана старый ревизор.

— Лучше в малом, да удача, чем в огромном, да провал, — весело ответил Антон, обняв Радомского за плечи...

ГЛАВА 17

БРАВО! — сказала я, выходя из-за стола.

На лице моего собеседника вновь появилась та лукавая улыбка, которая удивила меня вначале. Только теперь в лукавинке я заметила удивление.

Я обошла стол.

— Спасибо, Анатолий Ефимович, — подала ему руку, и он, привстав, вежливо ответил на пожатие. Не могла я удержаться, чтобы не высказать ему признательно-сти.

Мой добровольный свидетель со странной и смешной фамилией Браво дал нам одно недостающее звено в цепи последних событий, которое мы с Антоном безуспеш-

но пытались найти: он знал, где была Любарская. И не только знал, он провел печальную параллель между всеми событиями, и эта связь в изложении Анатолия Ефимовича выглядела неожиданно, загадочно и тревожно.

Глянув на часы — время бежит стремительно, и рабочий день опять на исходе, — я помчалась к прокурору. Выслушав меня, Буйнов принялся поглаживать бритую голову.

— Надо ехать на место, — сказал он после недолгого раздумья. — Будь осторожнее, — посоветовал он и тут же добавил: — Но и решительней. Бери машину, поезжай к капитану Волне. Свидетеля этого, Браво, возьмите с собой.

— Он живет там рядом. Конечно, возьмем.

— Без обыска вам не обойтись. Заготовь постановление, я подпишу, — продолжал Буйнов. — И в темпе, в темпе, Наташа. Учти, если подозрения твоего свидетеля не напрасны, жизнь Любарской в опасности, ты это понимаешь? Мы не имеем права допустить... — он не договорил.

Я молча кивнула.

— Действуй, — отправил меня прокурор и крикнул вдогонку: — И сразу сообщи, как что-то прояснится.

Постановление о производстве обыска я приготовила за пару минут, и вскоре прямо у проходной меня встретил встревоженный Антон. В двух словах я рассказала капитану о подозрениях Браво. Антон всплеснул руками.

— Наташа! Дело-то накаляется!

Пока мы шли к конторе, он рассказал мне о машинке, и пришла моя очередь удивиться: неужели юрист лгал, что не знает о судьбе своей «Оптимы»?

Мгновенно промелькнула в голове картина: вот я прячу в карман смятый листок с дорожкой мне именем «Саша, Саша», встаю из-за машинки, потому что входит в кабинет Паршина Шершевич... Входит и пригласает осмотреть территорию... Что еще он сказал мне?.. А-а... «Если вам нужно отпечатать, пожалуйста»... Что-то в этом духе.

— Антон, — окликнула я капитана, обогнавшего меня, — Антон, а ведь машинку спрятал не Паршин.

Но мы уже у конторы, и оперуполномоченный лишь нетерпеливо махнул мне рукой:

— Потом, Наташа, все это потом.

В приемной Шершевича опять поет паромшилка Алла Пугачева.

— У себя? — спросил капитан испуганно привставшую секретаршу, не дожидаясь ответа, рванул тяжелую дубовую дверь, ведущую в кабинет, и оставил ее открытой — для меня.

Я достала из папки постановление на обыск, протянула его Шершевичу и как можно спокойнее сказала:

— Вынужденная мера, Виктор Викторович. Впрочем, вы можете облегчить нашу задачу...

Договорить я не успела, меня перебил Волна:

— Где Любарская? — спросил он тихо, и в наступившей вдруг тишине слова пада-

ля, как камни: — Где Любарская? Что с ней? Говорите?

Шершевич медленно опустился в кресло. Лицо откуда-то с затылка стала заливать ударяющая в желтизну бледность. Побелели щеки, крупный породистый нос, бледнея, становился тоньше, заострялся, казался, что с красками исчезает с лица жизнь...

— Вам плохо? — выдохнула я. Но синеватые тонкие губы ответили мне, с трудом разлепившись:

— С чего вы взяли?

— Тогда продолжим работу, — твердо сказала я.

Антон подхватил:

— Да, да, продолжим, Виктор Викторovich? Мы должны обыскать вашу дачу. Вы поедете с нами. Готовы?

Шершевич, с неподвижным, пугающе бледным лицом, пожал плечами, встал, обернулся к сейфу. Щелкнул замком, сунул в карман ключ, а когда повернулся к нам вновь, глаза его снова были спокойны, а голос жесток.

— Готов, — сказал он. — Я-то готов, а вы? Учтите, за незаконные спросится строго.

— Не надо, — попросила я.

Шершевич продолжать не стал. Мы молча прошли мимо удивленной секретарши. Музыка уже не играла.

Антон усадил Шершевича в свои «Жигули», рядом с ним сел на заднее сиденье молчаливый, невысокий Слава Егоров, оперуполномоченный уголовного розыска — и когда это Антон успел его вызвать?

Мы с Анатолием Ефимовичем Браво оказались в прокурорской машине.

Пока мы ехали, я то и дело поглядывала на часы. Срывались мои планы относительно разговора с Гулиным, которого я так ждала. Успокаивала себя лишь тем, что сегодняшняя экспедиция может как-то прояснить его судьбу и, кроме вопросов, у меня будут для Гулина новости. Только бы нашлась Любарская, только бы не произошло нового несчастья! Сменялись пригородные частые поселки, вот миновали мы место утренней аварии, о которой напоминал круг обгоревшей и взрытой земли на обочине. Машину Сватко уже успели убрать. Я невольно вздохнула, вспомнив несчастную женщину; беспокойно заворочался сидевший рядом со мной Браво и шепнул тихонько, словно кто-то чужой мог нас услышать:

— Скоро уж.

Действительно, вскоре показался поселок. По обе стороны шоссе разбегались проезды к дачам. Машина Антона свернула в одну из них, мы поехали следом.

— Вот мое родовое поместье, — Браво указал на домик с мансардой, увитый зеленью. — А наискосок — Шершевича дача.

Я и сама поняла это. Машина Антона остановилась у съезда к воротам. За высоким забором в глубине участка виднелась мансарда дачи, не очень высокой и не очень большой, судя по виднеющемуся восьмиугольнику окна.

Слава Егоров, легко выпрыгнув из машины, направился к соседним домам — за понятиями, догадалась я. Через несколько минут он появился с двумя мужчинами, которые почтительно поздоровались с нами и

с любопытством стали поглядывать на Шершевича.

— Откройте вход, — обратился Антон к директору. Тот направился к калитке, просунул руку в небольшое отверстие, нажал невидимую нам кнопку.

Мы подождали, но калитка не открывалась.

Антон вопросительно глянул на Шершевича, тот недоуменно пожал плечами, вновь сунул руку в окошечко, посигналил настойчивей.

Никто не открывал. Минут десять, не меньше, топтались мы у ворот.

— Так что же будем делать? — спросил Антон Шершевича. — Ломать?

Губы Шершевича брезгливо искривились. — Не спешите. Моя жена больна. Если через пару минут не откроет, используем запасной вариант.

— У вас есть запасной вариант? — удивленно спросила я. — И мы стоим перед закрытой дверью?

Шершевич ответил, даже не повернувшись в мою сторону:

— Я не хочу пугать жену. Я всегда сперва звоню, потом вхожу.

Меня удовлетворило это объяснение.

Только Анатолий Ефимович Браво почему-то беспокойно переступал с ноги на ногу, и это словно передалось понятиям — затоптались и они.

Меж тем Шершевич вновь подступил к калитке. На этот раз рука его была в проеме подольше, и засунул он ее поглубже, видимо, где-то там была система кодирования запора. В железных воротах медленно и бесшумно отъехала в сторону металлическая створка.

— Прошу, — сказал Виктор Викторovich, и мы прошли на хорошо ухоженную территорию, с цветами вдоль посыпанной крупным желтым песком дорожки.

Дверь в дом была открыта настежь, мы вошли в небольшой холл. Я огляделась. Выглядевшая небольшой дача на самом деле была компактной и просторной. Из холла на первом этаже двусторчатая, тоже настежь открытая дверь вела в большую гостиную с пушистым светлым ковром на полу, с заставленными книгами и посудой стеллажам вдоль стен. Круглый стол посреди комнаты, стулья с высокими резными спинками, камин в углу и несколько мягких кресел с красивой простежкой. Тяжелые шторы опущены, и в комнате царил полумрак. Впрочем, на улице тоже смеркалось.

Шершевич жестом пригласил нас. Но Слава остался стоять у двери. Никого не было видно, только откуда-то слышалось собачье повизгиванье, и Шершевич беспокойно оглянулся, обратившись к Антону:

— Позвольте поискать жену?

Антон кивнул, и Шершевич направился к закрытой двери, ведущей из холла в другую комнату. За ним бесшумно скользнул Слава, а мы остались в холле. Из открытой двери в гостиную ворвался черный, как уголь, лохматый спаниель. Дружелюбно помахивая обрубок хвоста, ткнулся к одному, другому и вновь скрылся в соседней комнате, откуда уже показался Шершевич. С отрешенным, болезнен-

но искривленным лицом, он вел за талию худую женщину средних лет. За ними шел смущенный Слава. Виктор Викторович усадил жену в кресло и сказал:

— Вот теперь ищите.

Я была смущена до крайности. Не так, конечно, я представляла себе посещение дачи Шершевича. Взглянула на Браво, но в его глазах, обращенных на Шершевича, сочувствия не увидела.

— Виктор Викторович, — начала я как можно дружелюбнее, — у нас есть данные, что Любарская находится у вас. Или находилась... — запнулась я. — Известно также, что ночь перед катастрофой здесь провела Галина Михайловна Сватко...

— Какой катастрофой? — перебил меня Шершевич. — Кто дал вам право шантажировать меня? Ни о какой катастрофе мне неизвестно! Я требую прекратить это издевательство! Вы видите, здесь большой человек! Как вам не стыдно! Любарской здесь нет, можете убедиться сами...

Его возмущенную речь прервал неожиданный и такой нелепый в этой ситуации хохот. Именно хохот! Жена Шершевича, откинув голову на спинку кресла, громко и неудержимо смеялась.

— Зина, — бросился к ней Шершевич, — прекрати, Зина!

Он повернулся к нам:

— Уезжайте, прошу вас.

Ах как все это было неприятно. Я вновь глянула на Браво, и опять не увидела сочувствия или даже смущения в его взгляде. Он тихоно покачивал головой, и я не могла понять, что означало это.

Видя мою нерешительность, вмешался Антон:

— Служба, Виктор Викторович, извините.

Мы остались в комнате втроем: я, несчастная Зина, сжавшаяся в глубоком кресле, и Слава. Еще в комнате осталась собака. Мохнатый песик словно чувствовал неприятность, которую мы доставляли его хозяевам, укоризненно поглядывал на меня черными умными глазами, положив голову на широкие лапы, так что длинные красивые ушки легли на пол.

Зина Шершевич сидела в кресле, прикрыв глаза. Я не решалась беспокоить больную вопросами, но видела, что она изпод ресниц краешком глаза наблюдает за мной.

Шершевич где-то там показывал свои владения, но я была уже склонна к мысли, что Любарской здесь нет. Не могла же, в самом деле, взрослая женщина прятаться где-нибудь под кроватью, как в старинном бульварном романе.

В комнате было тихо, никто не нарушал молчания. Песик, видимо, успокоившись, вдруг встал, переменил место. Теперь его продолговатая мордочка почти упиралась в стеллаж с книгами, смешной коротенький хвостик подергивался. Время от времени пес шумно втягивал в себя воздух и дружелюбно чихал, обрубок хвоста ходил ходуном.

Слава тоже наблюдал за собакой и, я заметила, к чему-то приглядывался на стеллаже.

Возвратившийся вскоре в комнату Антон был мрачен, зато Шершевич заметно пове-

селел. Любарской с ними не было. Шершевич обратился ко мне:

— Ну вот, вы теперь знаете мою «страшную» тайну, — он криво усмехнулся, показав на неподвижно сидевшую жену. — Зина очень больна. Может жить только на даче. Конечно, домашний уход дороже, приезжают врачи, нанимаю сидеть с ней разных женщин, тех, кто согласится. Разных женщин, — повторил он. — Не это ли ввело в заблуждение соседей? Думаю, да, именно это. И, не правда ли, меня можно пожалеть? — он смотрел на меня, но взгляд не вязался с просьбой о жалости — был колючим, злым. — У вас ко мне будут еще вопросы? — добавил он свысока.

— Да, — кивнула я, — вопросы будут. В том числе о Сватко.

— Разрешите тогда увести жену, — попросил он.

Я молча кивнула. Шершевич, как раньше, придерживая за талию и что-то шепча, повел жену в другую комнату. Собака повернула было за ними, но дверь захлопнулась, и пес, постояв, вернулся на прежнее место у стеллажа.

— Осмотрели все, даже гараж и территорию. Нет аптекарши. Вы не могли ошибиться? — спросил Антон у Браво.

Тот покачал головой:

— Нет, я не ошибся. Серая «Волга» стояла здесь ночью. А Любарская жила как минимум два дня. Я видел сам. Ренату Леонидовну знаю. Они и раньше бывали здесь, эти женщины. Не пойму, зачем он отрицает? Хотя бы про Любарскую сказал, — искреннее недоумение было в голосе свидетеля.

Пора было заканчивать. Я присела к столу, чтобы заполнить протокол обыска, и попросила Антона:

— Скажи ему сам. Неужели он так и не понял, что случилось?

Антон недовольно пожал плечами, но когда Шершевич вернулся, сухо сказал:

— Виктор Викторович, сегодня утром погибла Сватко...

Шершевич просто осел на диван у камина, схватился за голову:

— Где? Как? — прошептал он.

«Неужели можно так играть? — подумала я, глядя на него. — Нет, он не прикидывается». У меня сердце заныло от одной только мысли, что я причинила боль человеку.

Я вышла из-за стола, подошла к Славе, который, не обращая на нас никакого внимания, все это время находился у полок, где были книги, фужеры, какие-то безделушки.

И тут внезапно стеллаж медленно-медленно отошел от стены, образовав щель. Слава прижался к стене и вставил в проем ногу. Мягко, как огромная кошка, к движущемуся стеллажу прыгнул капитан Волна, они встали рядом — тоненький Слава и мощный Антон, который, я видела, выдвинул вперед плечо, прикрывая товарища.

Я оцепенела, а тут вдруг от двери раздался громкий хохот, заставивший меня вздрогнуть и оглянуться. Дверь, за которую только что выходил Шершевич со своей женой, была открыта, и Зинаида стояла в

проеме. Одной рукой она зажимала себе рот, от чего смех казался странно прерывистым и жутким. Другой рукой женщина показывала на стеллаж.

Шершевич, вскочив, бросился к жене, а я оглянулась на стеллаж и увидела, что из-за него вышла донельзя смущенная невысокого роста полноватая миловидная женщина.

Антон посторонился, пропуская ее, и изумленно воскликнул:

— Рената Леонидовна, что вы там делаете?

— Вот вам и весь фокус, — заметил Браво, сохранивший полное спокойствие во время этих необычных событий.

Любарская между тем обратилась прямо к капитану, словно не замечая никого вокруг:

— Что вы сказали? Погибла Сватко?

Так вот что выманило Любарскую из тайного укрытия! Известие о гибели Сватко!

— Да, — ответил Антон, — она погибла.

— Когда? Где? Мы расстались сегодня утром!

— Что я говорил! — опять торжествующе заметил Браво.

— Выясняются обстоятельства... — уклонился от объяснений оперуполномоченный. — А вот вы как здесь оказались?

— Ах, — махнула рукой Любарская, — надоело мне все это. Смертельно надоело. Но как же Галя? Как же так? — и заплакала.

— Рената Леонидовна помогает мне ухаживать за Зинной, — слышался за моей спиной голос Шершевича, — но рекламу из этого мы делать не хотим. Жена больна, вы видели сами. И не всегда хороша официальная медицина. Порой дружеское слово, участие для Зины лучше, чем укол. Да и на уколы Рената мастер.

Каждое слово Шершевич чеканил, каждое выделял. И я поняла: да он Ренату учит, позицию ей подкачивает прямо у нас на глазах! Поняла это и Любарская, повернула к Шершевичу лицо, покрывшееся от волнения красными пятнами:

— Оставьте, Виктор, — устало сказала она, — оставьте, пожалуйста. Вы слышали, Галя погибла. А вы? Игра эта перешла все границы приличия... и благоразумия.

Склонив к плечу голову, она промокнула слезы воротничком длинного красного халата и обратилась теперь уже ко мне:

— Вы, наверное, следователь Тайгина?

— Да.

— Простите меня. Я собиралась к вам, честное слово. Но вот Виктор Викторович... он сказал: зачем тебе нервничать, не ходи на допрос, пусть все само утрясется, а ты пока полей Зину, ей хуже стало... Ей действительно хуже... Он меня и увез... Да и Галя просила... Ну скажите же наконец, что с ней случилось?

— Автокатастрофа, — коротко ответила я.

— С Галей? Не верю! Она за рулем 20 лет. Виктор? — она повернулась к Шершевичу, но тот лишь молча пожал плечами и отвернулся. — Нет, вы ответьте мне, Виктор, — настаивала Любарская. — Вы

утром ее провожали. Отвечайте мне, Виктор, как могло такое случиться?

312
Ответа Любарская не получила. Я составляла между тем самый странный за всю свою следственную практику протокол: на даче Шершевича обнаружилась потерпевшая Любарская. Тайник осмотрели. Это был небольшой закуток, где уместились лишь кресло да полочка над ним, с термосом, в котором еще не остыл кофе.

Расстроенная Любарская рассказала, что спряталась в закуток по договоренности с Шершевичем, когда тот подал от калитки условный знак: три коротких звонка и один длинный. То-то маршировал вас у ворот Шершевич. Никто не должен был нам открыть, просто он выжидал, пока укроется Рената.

— Но зачем? — не выдержала и спросила я, хотя вначале твердо решила все вопросы оставить к допросу, тщательному и продуманному.

Шершевич завозился было в своем углу на диване, но Рената Леонидовна не обратила на него внимания, опустила глаза и промолвила:

— Но ведь я не совсем точно была на следствии... И в суде тоже... Дело в том, что Гулину я деньги не давала...

Сердце мое так и подскочило в груди. Гулины! Наконец-то вышла я на прямую линию — Гулины! «Ну же, — мысленно торопила я замолчавшую Любарскую, — ну же, говори, говори». Но вслух этого не произнесила, боясь спугнуть признание.

— Не подумайте, — встрепенулась Рената, — что все неправда. Нет, я деньги давала за двигатель, только Паршину дала, юристу. Он мне сказал — для инженера, для Гулина нужно. Много ли я понимаю? Нужно, я и дала.

— Но Гулин-то, Гулины? — не выдержал Антон. — Вы ведь на него указали прямо: деньги дала Гулину — вот и все.

Рената Леонидовна вновь потупилась — такая негннная заблудшая овечка.

— Виктор Викторович, а потом и Галя просили Паршина не впутывать. Зачем, мол, человеку неприятности, раз деньги не для него. Я и подумала: действительно, зачем? Вот и сказала, что деньги дала прямо Гулину. Подумала, ну какая разница? На суде, правда, когда Гулина увидела, жалко его стало, просто ужас. Но Виктор уверил меня, что, если я назову юриста, посадят и того рядом с Гулиным. Вот в какую историю я попала, — вздохнула она, — а тут еще новый вызов, и Зина заболела, да и Галя тоже...

— Что Галя? — переспросила я. Губы мои пересохли от волнения. Недаром искали Любарскую! Недаром. Чует мое сердце, будет с Паршиным новый разговор. Ах, Рената Леонидовна! Или выправду так навивна, или не в меру хитра? Так что же хотела она сказать о Гале и осеклась, глянув в угол дивана. Осеклась и молчала под тяжелым, исподлобья взглядом Шершевича. А помолчав, словно школьница, спросила:

— Ведь лучше, что я рассказала правду? Пусть отвечает и Паршин. Вы сами, Виктор, говорили...

— Дура, — прервал ее Шершевич, — молчи, лярва, не забывайся. Молчи.

При этих словах меня снова охватило странное чувство, словно я присутствую на незнакомом спектакле и совсем неожиданные роли играют окружающие: Славик, резким рывком бросившийся к полкам, необычно грустный Антон Волна, забывший свои поговорки, эта женщина, появившаяся из стены и поведавшая о лжи с таким наивным видом, словно за этой ложью не крылась судьба человека, и, наконец, Шершевич... Откуда у respetабельного и законопослушного директора блатной жаргон?

Любарская растерянно оглядывала нас, боясь, видимо, посмотреть на Шершевича. И замолчала.

Антон вынул из папки аккуратную стопку листов, и по почерку я узнала — это акт ревизии, написанный Радомским. Видимо, напечатать акт не успели, и капитан прихватил с собою рукописный текст. Волна подтвердил мою догадку.

— Это акт ревизии станции технического обслуживания автомобилей «Радуга», — сказал он, — здесь перечислены серьезные махинации. Ваша, Виктор Викторович. А потому вам придется поехать с нами.

Шершевич резко встал.

— Но моя жена, она не может остаться одна, — попытался увильнуть Шершевич. — Я приду к вам завтра, даю слово.

Капитан уже взялся за телефон:

— За вашей женой присмотрят в больнице. Сейчас я решу этот вопрос. Думаю, ей там будет не хуже. Во всяком случае ее будут лечить специалисты, а не аптекари, — ответ Антона прозвучал резковато, но я его понимала.

Антон и Слава остались с Шершевичем ожидать врачей, а я с Любарской отправилась в город.

В машине мы молчали. Но когда стали подъезжать к месту гибели Сватко, я вдруг подумала: поговорю-ка с Ренатой Леонидовной в неофициальной обстановке. Вопрос есть вопрос, у него свои накладки. Но можно ведь побеседовать по душам.

Еще издали заметив черный островок обгоревшей травы, я тронула водителя за плечо:

— Остановите, пожалуйста. — И предложила Любарской: — Давайте выйдем.

Рената Леонидовна все поняла, едва увидела следы недавней аварии.

— Здесь? — шепотом спросила она меня. Серые глаза были тревожными, лицо искажена гримаса страдания.

Я молча кивнула.

— Гая, Галечка, — зашептала Любарская, — как же ты? Нет, — вдруг зарыдала она, — не хочу, нет, нет...

Подступил опять к горлу проклятый ком, захотелось тоже заплакать, чтобы кто-то утешил, был рядом, поглаживая плечо, как я Ренате...

Первой опомнилась Рената.

— Спасибо, — сказала она, — спасибо, что я здесь. Теперь я все поняла. Я исправлю ошибку — свою и Галину. Расскажите, как это случилось?

Вслушав мой рассказ, она пожала плечами:

— Галина гибель непонятна. Почему в

машине оказался этот проклятый газ? Зачем?

Ах, Рената Леонидовна, хотела бы я знать, почему и зачем.

А Любарская продолжала:

— Мы сделаем так: я отдам вам Галина дневник. Вчера она принесла мне его и просила хранить. Сказала: «Здесь моя жизнь».

ГЛАВА 18

Эта ночь надолго запомнится мне. Я прожила в эту ночь жизнь другой женщины.

Собственно, это был не дневник, а записи в большом красном блокноте-ежедневнике. Галина Михайловна Сватко начала вести записи с тех пор, как осталась одна. Виачале повзрослели и разлетелись рано рожденные дети, затем ее оставил муж. Это подвело черту под одним этапом жизни, о котором женщине и некогда было писать: семья требовала заботы.

Ни одной даты в записях. Только события обозначали существование, только воспоминания и чувства, доверенные красному блокноту.

Я читала исповедь одиночества, историю душевного взлета и морального падения. Сватко была рядом со мной всю эту ночь. Мы вместе пережили предательство. Потом любовь. Осеннюю, последнюю, радостную и горькую. Забыта прошлая боль, она шла без оглядки за любимым, не замечая ничего вокруг, глядя на все его глазами. Не заметила, когда помощь переродилась в подлость. Не спохватилась, шла следом, не свернула с проторенной негодяем дорожки.

И только последние страницы полны новой горечи и муки.

Вот эти слова, уже прочтенные мною:

«Так быть не должно. Все отдам ему, даже свою жизнь. Но только свою. Чужой жизнью располагать я не вправе. А получилось, что я уничтожила человека».

Виктор, победитель, зачем тебе эта победа? Зачем такая победа над человеком, пусть и причинившим тебе зло? Может, ты и не победитель вовсе, а тоже жертва? Тебя опутали, обманули? Хочу верить, что это так. Завтра я открою тебе глаза. Кроме меня этого никто не сделает. И потом, Рената. В какое положение мы поставили Ренату?! Ты сказал мне: «Сделай доброе дело». Но добрые дела не делаются таким грязным способом. Разве доброе дело я сотворила? Я лжесвидетель. Но это я — ты располагал моей совестью, как и жизнью. Только моей, а сколько замешано здесь? Нет, завтра мы с тобой все решим по чести, по совести, чего бы это ни стоило. Так будет лучше. А если ты не решишься, скажу я. Тот человек невиновен. Мы должны ответить за то, что с ним сделали...»

Запись на этом обрывалась, даты под ней не стояло.

Когда написала это Сватко? О разговоре со мной — ни слова. Не сочла существенным или не успела записать?

Какие события произошли после этого? Почему она отдала дневник подруге?

Новые вопросы... Измученная и потрясенная, я закрыла толстый блокнот — пора было и мне отдохнуть,

313

Но сон не шел, я вновь зажгла лампу, взяла в руки блокнот, полистала, в который раз прочла последние страницы.

Значит, Галина Михайловна сама назвала себя лжесвидетелем. Выходит, о Гуляне она сказала неправду. Но как же заявления, деньги, понятия — неужто все это провокация?!

Само слово — провокация — было мне отвратительно. Но за этим словом стояли события и люди. Что будет, что будет?! Как мог Захой не почувствовать, не заподозрить?!

Доказательства вины Гуляна ему были принесены, что называется, на блюдечке с голубой каемочкой. Сама эта легкость дела, услужливость заинтересованных людей должна была насторожить, но...

Мне захотелось чаю, я встала, переложила блокнот на стол так, что он вдруг раскрылся на последней, чистой странице. Картонная белая корочка вложена была в красивую обертку, и мне показалось, что она отстаёт, чуть приподнимается над картоном.

Я сунула палец в красный карманчик! Точно! Пальцы нащупали жесткий сгиб. И вот я уже разворачиваю сложенный четверо листок, мелко исписанный знакомым уже почерком.

Он был адресован мне!

И все стало на свои места, получило объяснение. Все, кроме смерти самой Галины Михайловны. Письмо делало эту смерть еще более трагичной, более загадочной.

Скорей бы наступило утро, когда можно, наконец, действовать.

Позвонила Антону, мысленно готовя извинение, но телефон не ответил. Буйнову звонит в такое время просто неприлично.

Я промаялась так до рассвета и вышла на гулкую пустую уллицу как раз к первому свежееумному веселому троллейбусу.

В тиши кабинета думалось легко, словно и не было бессонной ночи. Я принялась печатать документы. Постановление о назначении почерковедческой экспертизы. Нужно подтвердить, что письмо и дневник написаны рукой Сватко, хотя сама я в этом не сомневалась.

Интересно, понадобится ли очная ставка Паршина с Любарской или ему достаточно будет сказать о показаниях женщины?

Паршин — юрист, сумеет оценить обстановку. Думаю, и очной ставки не потребуются, расскажет Паршин сам, куда употребил деньги Любарской и как состряпал оговор.

Постановление об освобождении Гулина из-под стражи напечатала быстро. Он будет свободен. Это первое, что я сделаю, когда начнется рабочий день. Хорошо бы сообщить жене, ведь Гулин болен, пусть его встретит жена.

Нашла номер телефона, позвонила.

— Лидия Ивановна, прошу вас приехать ко мне. Да, прямо с утра.—И не удержалась, добавила, хотя права такого, строго говоря, не имела, потому что прокурор еще ничего не знал и постановление мое не утвердил: — Хорошие для вас вести.

В ответ послышался всхлип, резанувший по сердцу.

Я готовилась к докладу Буйнову, подбирала все факты — не упустить бы чего, когда дверь без стука открылась и явился передо мной сам Антон Волна, свежий, улыбающийся и довольный.

— Привет,— весело сказал он, прихлопнул широкой ладонью лежащие на столе бумаги, — все скрпнишь пером, Наталья? А мы, милиция, у тебя, как золотая рыбка: дайте то, подайте это, сделайте наоборот.

— Антоша! — обрадовалась я. — Ты подумай только, что я сыскала!

— Да господи-боже, какие у тебя могут быть дела за ночь, а вот у нас...

Антону не терпелось выложить свои новости, но мои данные, я считала, были важнее всего, и я съехидничала:

— Ну-ну, давай. Посмотрим, кто из нас лучше поработал.

— Я коротко, — сказал Антон. — Итак, налицо оговор.

Опять это противное слово. Да, сегодня ему суждено прозвучать не раз.

Капитан между тем продолжал:

— Шершевич признался, а куда он денется! Здано Янович разложил их по полочкам, весь их подпольный бизнес, ты знаешь.

Я молча кивнула.

— Так вот, Гулли, придя к ним на службу, заподозрил неладное, попытался проверить. И, святая душа, со своими подозрениями к Шершевичу пришел. Как же, руководитель — презумпция, так сказать, невиновности! А эта невиновность по уши застряла в дерьме. Ох, прости, — извинился Антон. — Шершевич запаниковал и к Паршину, он у них в доле и главный консультант. Этот иезуит и придумал комбинацию со взяткой. И женщин не пощадили, втянули в преступление, — грустно усмехнулся капитан, — мужчины называется, тьфу! Все в ход пустили, даже любовь...

Антон замолчал, и я так же молча протянула ему письмо Сватко.

«Молчать я больше не вправе», — начал читать Антон, и лицо его все больше грустнело, хмурилось.

— Н-да, — промолвил он, возвращая мне листок, — как все это печально. И что будем делать? Новая предстоит работа. Да какая!..

Мы еще помолчали, потом Антон вновь оживился:

— А ведь мы разными путями, но к одному выводу пришли, Наташа. Одна цель достигнута. С Гулиным — полная ясность. Они, Шершевич то есть с Паршиным, теперь только руководство делают и поделить не могут.

Капитан рассмеялся.

— Знаешь, противно как. Шершевич говорит: юрист опутал. А Паршин слюной брызжет: директор, мол, всему виной, даже машинку тайно от меня спрятал, вывезти хотел — это теперь у него главный довод. Как пауки в банке грызутся.

— А ведь вначале Паршин все на себя брал, — напомнила я.

— Да что он брал-то? Кражу только и брал. Не думал, что Шершевича достанем, еще, поди, надеялся: у того везде рука, выручит из беды. А как прижало, так каждый на другого валит. Во психология!

За разговорами мы не услышали шагов в коридоре.

— Вот они где, голубчики, — ворчливо сказал прокурор, входя в мой кабинет, — я тебя как просил, Наталья Борисовна? Информируй меня, не томи. А ты?

— Василий Семенович, — стала оправдываться я, — поздно было сперва, а потом слишком рано...

— То поздно, то рано... — перебил меня Буйнов. — Что у вас?

— Оговор! — враз произнесли мы с Антоном, и рука Буйнова потянулась к бритой голове, стала поглаживать, разминать затылок...

Выслушав нас, Буйнов сказал:

— Гулина сегодня же освободить. С приписками и хищением на «Радуге» справиться будет несложно. На первый план выходит гибель Сватко.

Он помолчал, опять погладил затылок и продолжил:

— А не казнила ли она себя сама, пережив такое потрясение: крах всех иллюзий относительно Шершевича, страх нового одиночества, угрызения совести?..

Буйнов поглядел на нас, ожидая, может быть, возражений.

Но мы молчали.

— Потому и передала дневник Любарской, письмо вложила... Или все же? Если верить письму — а почему мы не должны ему верить, раз факт оговора подтвердился? — так если верить письму, решительный разговор состоялся, и Сватко поддержки у Шершевича не получила. Шершевич же опасался разоблачения... С Гулиным-то вы как круто расправились! Да еще нашими руками. — Горечь была в словах прокурора. — Короче, — он встал, — заканчивайте эпизод с Гулиным и с новым планом расследования — ко мне.

И вышел.

— Эпизод с Гулиным, — повторила я. — Слышал, Антон? Дело Гулина уже только эпизод, значит, мне же работать по нему и дальше. А как?

— Обмозгуем, — серьезно ответил Антон, — не журишь, обмозгуем. Вон какие дела раскрутили, справимся и с этим.

Оставив мне протоколы допросов и очной ставки Шершевича и Паршнина, он ушел «подбирать хвосты», как выразился сам. Встретиться мы договорились вечером.

Все документы были готовы, в коридоре ждала меня Гулина, с которой я собиралась переговорить до отъезда, но вдруг противный и не желавший покидать мой кабинет уродец-телефон внутренней связи потребовал меня к прокурору. А там ждал меня новый сюрприз.

Василий Семенович, разгоряченный и злой, показал мне на стул, приглашая садиться, а сам продолжал разговор с мужчиной, по-хозяйски удобно сидевшим за приставным столом. При моем появлении мужчина оглянулся, и я узнала его: Лебедев, тот исполкомовский куратор «Радуги», что обещал мне неприятности. Быстро же прискакал, значит, уже о чем-то осведомлен.

— Повторяю в присутствии следователя, которому вы в нарушение закона уже угрожали, — говорил Буйнов сердито, — что

никаких сведений по делу Шершевича («Шершевича», — отметила я про себя), мы вам давать не вправе. Закон — это раз. А вам, — прокурор сделал ударение на этом слове, — следует подумать еще и об этике. Партийной и служебной.

— Я полагаю своей обязанностью, — заговорил Лебедев, — и партийным долгом знать, что происходит в подконтрольном мне учреждении. Я за него отвечаю, там всегда был полный порядок, это предприятие у нас в числе передовых, и Виктор Викторович на хорошем счету...

— Наталья Борисовна, что на «Радуге» с планом? Коротко информируйте товарища. В двух словах, — попросил прокурор.

— Ревизия показала, что станция технического обслуживания автомобилей «Радуга» не выполняла своего назначения. План реализации услуг населению не выполнялся, размер приписок уточняется. Приписки, искажения отчетности, служебные подлоги и хищения — вот букет преступлений на этом предприятии. И венчает этот букет организованная провокация, оговор невинного человека. Вот все, что можно пока обнародовать, — ответила я.

— Но позвольте, — голос Лебедева дрогнул, — какое это имеет отношение ко мне? Я коммунист и не позволю...

Я пожала плечами, а Буйнов сказал:

— Вы просили информацию от следователя, вы ее получили. А какое все это имеет отношение к вам, пока неизвестно. Так, Наталья Борисовна?

— Да, — подтвердила я.

— Вы свободны, — отпустил меня прокурор.

Никогда не забыть мне огромных, в поллица, глаз Гулиной, услышавшей правду о муже.

— Я знала, — лишь выдохнула она и бессильно опустила на стул.

Когда я предьявляла хмурому молодому доктору постановление об освобождении Гулина, морщинки на переносице доктора разбежались в стороны, он глянул на меня весело, доброжелательно, смешно сказал: «Это совсем другой табак», — и убежал куда-то. Вернулся он ко мне с Гулиным.

Я поднялась навстречу:

— Иван Сергеевич, объявляю вам постановление об освобождении из-под стражи и прекращении в отношении вас дела в связи с отсутствием события преступления.

Я старалась говорить твердо, но голос мой от волнения дрогнул, не мог не дрогнуть.

— От имени прокуратуры приношу вам извинения за незаконный арест и разъясняю вам право на возмещение ущерба, причиненного этим арестом. Виновные лица понесут ответственность.

Гулин растерянно оглянулся на доктора, словно ища подтверждения моим словам, и доктор крикнул ему:

— А я что говорил?!

Иван Сергеевич молча кивнул, руки его тряслись.

...В прокуратуре меня ждал Буйнов. Я доложила об освобождении Гулина, и прокурор сказал:

— Подготовьте справку о причинах не-

законного ареста. Закожий подал рапорт на увольнение, но это его не спасет. Будем принимать меры, самые серьезные. И не позже завтрашнего дня — план расследования. Вы назначаетесь старшей следственной-оперативной группы.

Иного я и не ожидала. Конечно, мне придется доводить это расследование до конца.

К вечеру приехал Антон с молодым следователем милиции, которого я уже видела на месте гибели Сватко. Лейтенант Шубин успел получить важные документы. Газовый баллон, взорвавшийся в багажнике машины Сватко, за два дня до несчастья Галина Михайловна получила в мастерской по правке баллонов газом. Сама она его туда и сдала, Шубин отыскал корешок квитанции. Я внимательно прочла показания соседки, которая просила Галину Михайловну об этой услуге.

Потом Шубин положил передо мной заключение экспертизы: старый вентиль баллона имел дефект и не выдержал длительной тряски в багажнике.

Значит, развернувшиеся события помешали Сватко выполнить просьбу соседки, и она возила с собой этот старый баллон, пока не произошла трагедия! Несчастный случай. Нелепость ценою в жизнь. И Шершевичу, утверждавшему, что он даже не знал о баллоне, можно верить. Я молча глянула на Антона, тот развел руками:

— Сама понимаешь, я должен был проверить все. Самые худшие варианты. Конечно, Шершевич негодяй, но я рад, что к этой смерти он непричастен.

Молодец Антон. Имеет смелость признать ошибки. В нашем деле это особенно важно.

На третий день после этих событий мне передали письмо Сватко, с опозданием пришедшее по почте. Уже будучи мертвой, Галина Михайловна расставила все наконец по своим местам. В дневнике я нашла тогда неполный вариант этого письма. Аккуратным ровным почерком Сватко сообщала, что готова к любой каре за ложное обвинение Гулина и вовлечение в лжесвидетельство своей ничего не подозревавшей подруги. К любой каре...

Мне кажется, я поняла и еще одну загадку, мучившую меня: почему Галина Михайловна передала дневник Любарской. Видимо, готовясь нести ответ, Сватко надеялась сохранить свои переживания в тайне от чужих людей. Хотела, чтобы дневник подождал, пока можно будет сделать в нем запись о счастье...

В тот же день я собрала оба письма, дневник Сватко и образцы почерка, что нашлись в отделе кадров, и сама повезла в экспертизу. Я не решалась признаться даже себе, что после всего происшедшего мне хотелось увидеть того занятого эксперта и вновь шоймать его взгляд, не жалеющий, просто доброжелательный.

Не решалась признаться и сердито сказала Антону, который подвез меня к зданию экспертизы на своем «жигуленке»:

— Время не терпит, попрошу побыстрее сделать.

Антон укатил, а я прошла по узкому темноватому коридору, где разгуливал гнусный запах жженой резины — изучают что-

314

В знакомой лаборатории за столом сидел мальчик лет пяти. Круглоголовый, с аккуратной русой челкой на лбу. Прикусив от старания нижнюю губку, он рисовал что-то, похожее на самолет, из которого густо сыпались грибы-парашютисты.

На мое приветствие мальчик серьезно ответил:

— Здравствуйте.

— Вы эксперт? — шутливо спросила я, подходя к столу.

— Нет, — ответил он строго. — Эксперт мой папа. А я рисую. В садике карантин, а бабуля болеет — у нее сердце. Вы к папе пришли?

— К вам я пришла, к обоим, — опять пошутила я, но при этом в глазах ребенка вспыхнул огонек интереса, он спрыгнул со стула, с грохотом уронив его.

— Саша, не дури там, — послышался голос из-за прикрытой двери, и тут же, вытирая руки полотенцем, к нам вышел эксперт. Увидев меня, смущенно извинился, кивнул на сына и пояснил: — Не с кем оставить. Бабушка приболела, в садике карантин... А мамы у нас еще нет, — добавил он негромко.

Я опустила глаза, чувствуя, что эта последняя фраза приглашает меня в их жизнь, где была, видимо, своя история и трагедия. Сердце опять дрогнуло, и я поняла, что и тут мне предстоит вмешаться.

Своим чередом шла милосердная жизнь.

Кто поедет в Сан-Ремо?

На состоявшемся недавно конкурсе вокально-инструментальных ансамблей управления внутренних войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири вопрос так не стоял. Но, как знать, может, среди его участников были новые звезды, которые взойдут со временем на эстрадном небосклоне подобно нашим известным исполнителям Юрию Антонову, Михаилу Муромову, служившим когда-то во внутренних войсках.

Принять участие в конкурсе изъявили желание десятки коллективов, но такое счастье выпало немногим, только лучшим. Среди них группы «Ответ» и «Гунеш», «Скорость» и «0-пять», «Время» и «2 часа»...

«Визитная карточка» — так назывался первый тур конкурса. Каждый творческий коллектив исполнял три номера. Жюри определило финалистов. Среди них — БИА «Скорость» (руководитель прапорщик А. Липсман) и «Время» (руководитель капитан А. Туфанов).

Чьи выступления запомнились в первом туре конкурса? Песня А. Туфанова «Слезы». В ней — боль за судьбу нашего поколения, гражданская позиция автора и его товарищей по творчеству. Майору И. Груднову, исполнившему песню собственного сочинения «Здравствуй, мама» на «афганскую» тему, зал аплодировал стоя.

Виртуозной игрой на гитаре завоевал симпатии и аплодисменты зрителей рядовой И. Носов, солист и руководитель группы «2 часа». Его называли «первой гитарой Байкальского конкурса». Игорь и его товарищи исполняют музыку в стиле рок.

Интересную программу привез на конкурс ВИА «Скорость». Коллектив существует не первый год, у него свое творческое лицо.

Финалисты представили на суд зрителей 30-минутные программы. Каждый творческий коллектив постарался найти оригинальное режиссерское решение, выдержать избранную сюжетную линию.

На фоне выступления других программ группы «Время» выделялась динамизмом, высоким художественным уровнем, мастерством и артистичностью исполнителей. «Морская ламбада» в исполнении старшины 1-й статьи А. Комарова и старшего матроса А. Васильченко даже вызвала некоторое замешательство в жюри. Правильно оценить этот номер помогли дружные зрительские аплодисменты.

Группа «Время» по праву стала обладателем диплома I степени.

Если бы жюри определяло самый «технический» ансамбль, то им наверняка стал бы ВИА «Скорость». Еще в активе этого коллектива — удачно подобранный репертуар, умение донести до зрителя душу песни.

Третье место в финальной части конкурса группы «0-пять» следует отнести к большой творческой удаче коллектива, в чем немалая заслуга лидера группы майора И. Груднова.

Успех победителей закономерен. Он во многом отражает отношение к художественной самодеятельности в их воинских коллективах. Например, в части, где служит майор И. Груднов, при клубе работает три (!) вокально-инструментальных ансамбля, женский хор под руководством старшины сверхсрочной службы С. Романова, есть любительская киностудия.

Ансамбль «Скорость» тоже не единственный самодеятельный творческий коллектив в части. Там успешно действует театр-студия «Дзержинец», самодеятельный клуб «Диалог».

В клубе, которым руководит капитан А. Чашухин, есть помимо ВИА «Ответ» «Театр эстрады и цирка» (руководитель сержант Н. Попов).

Доброго слова заслуживают не только лауреаты финального конкурса, а также и те, кто принимал непосредственное участие в большой подготовительной работе — офицеры-политработники майор А. Коряк, подполковник В. Михайлин, майор А. Прохвицкий, подполковник С. Юнусметов.

Мы не говорим конкурсу: «Прощай!». Через год новая встреча, новый музыкальный праздник!

Майор С. МУРУГОВ,
инструктор политотдела внутренних войск
МВД СССР по Дальнему Востоку
и Восточной Сибири,

3/15

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

Если в дальней поездке лобовое стекло «засалилось» от жирной грязи и следов насекомых, а никакого специального очистителя с собой нет, поможет простой способ. Разорвите сигарету и табаком протрите стекло; оно прекрасно очистится.

Замок пятой двери на ВАЗ-2102 и некоторых других автомашин не защищен от летящей из-под колес грязи и воды. Самая простая защита — надеть на замок пластмассовую крышку от лекарственного препарата «Ингалипт» в аэрозольной упаковке или от другого подходящего по размерам.

Во время заправки автомобиля на АЗС, когда вынимаете пистолет из горловины бака, капли бензина попадают на крыло и оставляют пятна на поверхности.

Чтобы предупредить это, советуем вырезать из камеры (лучше из мотоциклетной — она тоньше) фартук по размеру лючка с отверстием и надеть на горловину бака. После заправки фартук легко убирается в лючок и не мешает закрываться крышке.

Сильно загрязненный маслом и пылью двигатель автомобиля или мотоцикла можно быстро вымыть раствором стирального порошка (полпачки на ведро горячей воды), подавая его садовым опрыскивателем или острой струей. После ополаскивания холодной водой двигатель имеет отличный вид.

В «Запорожце» будет значительно тише, если между спинкой заднего сиденья и бензобаком проложить лист поролона толщиной 40 мм. Такую подушку нужно проложить по всему размеру спинки. Желательно укрыть таким же поролоном пол под задним сиденьем,

поврежденные детали из полиэтилена (например, расширительный бачок, бачок стеклоомывателя, поплавков датчика указателя уровня топлива на «Жигулях») можно отремонтировать пайкой.

Обычный электрический

паяльник и «припой» из кусочков того же полиэтилена — и трещины либо отверстия как не бывало. В пути, если нет паяльника, можно обойтись нагретыми до нужной степени отверткой, ножом или пробойником, только обязательно чистыми.

НИЧТО НЕ ВЕЧНО

а — нормальный износ протектора: нет ступенек между соседними дорожками;

б — правое переднее колесо (вид сзади): повышенный износ наружных дорожек, внутренний край каждой дорожки выше внешнего. Причина — слишком велик угол схождения колес;

в — правое переднее колесо (вид сзади): повышенный износ внутренних дорожек, наружный край каждой дорожки выше внутреннего. Причина — отрицательный угол схождения колес;

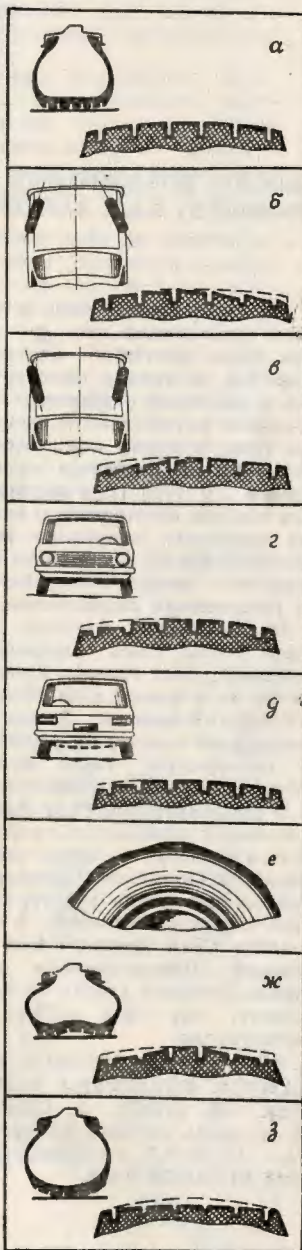
г — правое переднее колесо (вид сзади): повышенный износ внутренних дорожек, между ними заметна ступенька. Причина — отрицательный угол развала колес;

д — правое заднее колесо (вид сзади): повышенный износ внутренней дорожки, между ней и соседней дорожкой заметна ступенька. Причина — отрицательный угол развала задних колес (возможный прогиб задней балки);

е — любое колесо: местный износ в виде отдельных пятен. Причина — неуравновешенность колеса, реже — неоднородность резины протектора;

ж — любое колесо: повышенный (без ступенек) износ крайних дорожек, средняя дорожка выступает. Причина — пониженное давление воздуха;

з — любое колесо: повышенный (без ступенек) износ средних дорожек. Причина — повышенное давление воздуха.

скульптор своего тела

ДЕСЯТЬ УПРАЖНЕНИЙ АРНОЛЬДА ШВАРЦЕНЕГГЕРА ПОМОГУТ ВАМ ЗАЛОЖИТЬ ФУНДАМЕНТ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТЕЛА

На сегодняшний день в профессиональном культуризме есть две ярчайшие звезды. Одна из них — Арнольд Шварценеггер. Он не только знаменитый спортсмен, но и известный киноактер. Ему 42 года, он родился в небольшом австрийском городке Грац, в семье полицейского. В детстве Арнольд не отличался ни силой, ни здоровьем. В 1963 году высокий, худой юноша занялся атлетизмом и четыре года спустя становится чемпионом мира среди любителей. На него обратили внимание руководители профессионального культуризма и предложили перебраться в Америку.

Честолюбивый Арнольд дал себе пять лет, чтобы стать миллионером. Первый крупный успех пришел к нему в 1970 году, когда он впервые стал обладателем титула «Мистер Олимпия». Затем еще пять лет подряд он никому не уступал этого звания. В семидесятых годах началась карьера Шварценеггера в кинематографе.

В восьмидесятом году Арнольд вернулся на помост официальных соревнований и добился триумфа — вновь завоевывает титул «Мистер Олимпия». Сегодня он самый титулованный среди культуристов: семикратный «Мистер Олимпия». В этом году президент США Джордж Буш назначает Арнольда Шварценеггера председателем Президентского совета по физподготовке и спорту: еще одна победа культуриста и культуризма.

ПО МНОГОЧИСЛЕННЫМ ПРОСЬБАМ ЧИТАТЕЛЕЙ ПУБЛИКУЕМ КОРОТКИЙ ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ А. ШВАРЦЕНЕГГЕРА И Д. ХОУЛЛА «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КУЛЬТУРИСТА». АРНОЛЬД РАССКАЗЫВАЕТ О БАЗОВЫХ УПРАЖНЕНИЯХ.

«Я расскажу о 10 упражнениях, предназначенных для основных мышечных групп. Выполняя их, вы заложите фундамент для развития тела — мышечные объемы. Упражнения следует выполнять три раза в неделю, после каждого тренировочного дня — день отдыха. Теория довольно проста. Для восстановления и роста мышц требуется 48 часов.

Часто культуристы выполняют легкие, я называю эти упражнения цыплячьими, потому что не верят основным упражнениям или в свои силы. А успех во многом зависит от волевого настроя, от уверенности в правильности системы. Не стоит терять времени на поиски экзотической пищи и «секретных» упражнений. Главное — не то, какие выполнять упражнения, а то — как их выполнять.

В начале занятий советую каждое упражнение выполнять в трех сериях по 8—10 повторений. Таким образом, тренировка будет длиться 45—60 минут. Это позволит сохранить между сериями 30-секундные интервалы.

1. Жим лежа. Лучшее упражнение для увеличения массы верхней части тела, особенно грудных мышц. Применяя довольно широкий хват, опускайте штангу до касания грифа груди на уровне сосков. При опускании штанги — вдох, при выжимании — выдох. Применяйте принцип добавления веса: от серии к серии штанга становится все тяжелее. Вес подбирается таким образом, чтобы в первых подходах можно было выполнить по 8 повторений, в последнем — 6.

2. Подтягивание на перекладине. Хват широкий, Упражнение расширяет широчай-

шие мышцы и воздействует на всю плечевую область. Используя широкий хват, подтянитесь до уровня, когда подбородок окажется над перекладиной. Опустайтесь медленно, на вдохе. Я предпочитаю делать 10 повторений, но иногда к поясу прикрепляю дополнительный вес и выполняю несколько серий по 6—8 повторений.

3. Жим штанги сидя. Лучшее упражнение для развития передней дельты. Хват штанги на 13 см шире, чем плечи. Упражнение можно выполнять и стоя, тем не менее я предпочитаю сидя: такой способ уменьшает нагрузку на нижнюю часть спины. Советую применять пояс штангистов.

4. Подъем штанги на бицепсы. Одно из основных упражнений для развития мышц рук. Вначале рекомендую хват штанги, равный ширине плеч, позже вы можете поискать наиболее подходящую для вас ширину. Как и в других упражнениях, начните с веса, который после пятого повторения трудно одолеть. Упражнение увеличивает и силу, и объем мышц, поэтому не бойтесь поднимать тяжелый вес. Во время выполнения движения локти должны оставаться неподвижными, иначе в работу включатся дельты, нагрузка на бицепсы уменьшится.

5. Французский жим (т. е. жим, при котором руки от плеча до локтя неподвижны. Движение только в локтевом суставе на разгибание.—Ред.) штанги стоя. Расстояние между руками около 25 см. Предплечья держите как можно ближе к голове и в неподвижном состоянии. Если локти расходятся, уменьшите вес отягощений. Медленно опустите штангу за голову и силой трицепса возвратите в исходное положение. Не позволяйте локтям двигаться.

6. Приседания со штангой на плечах. Развивает мышцы бедер. Пятки при выполнении упражнения могут находиться на земле полностью или же можно подложить под них подставки. Правило дыхания: при опускании делайте глубокий вдох, а при подъеме—выдох. Полезно это упражнение перед зеркалом, что поможет сохранять равновесие и держать спину ровной. Если вы сгибаетесь, то можете получить травму.

7. Сгибание ног. Выполняется на станке. Упражнение хорошо воздействует на заднюю часть бедра — двуглавую мышцу. Пятки поднимайте как можно выше, а затем медленно опускайте вес. Движение должно происходить только в коленном суставе.

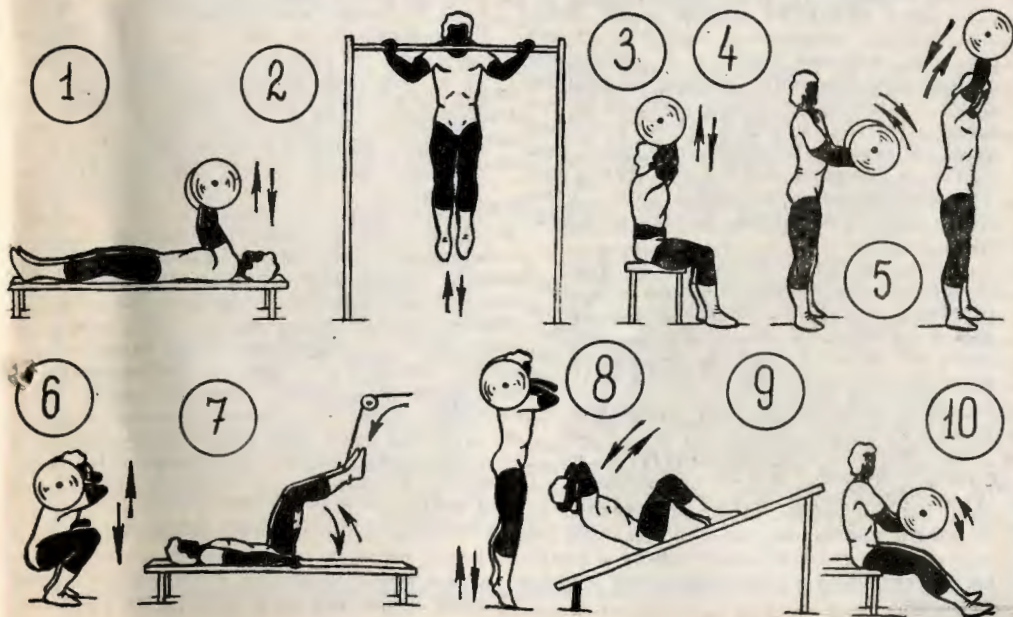
8. Подъем на икры. Выполняется стоя. Обычно носки ног располагаются параллельно друг другу. Распространенная ошибка: использование слишком больших весов, которые не позволяют чисто выполнить движение. Делайте 5 серий по 15 повторений.

9. Подъем туловища лежа на наклонной скамейке. Упражнение развивает мышцы пресса. Ноги согнуты в коленях (при необходимости ступни ног можно привязать к скамейке.—Ред.).

10. Сгибание запястий. Развивает мышцы предплечья. Предпочитаю выполнять сгибание сидя на скамейке. Хват узкий. Локти следует держать вместе. Эти мышцы, так же, как и мышцы икр, развивать нелегко, поэтому следует увеличить количество подходов и повторений.

Не бойтесь боли в мышцах, это означает, что они растут».

Рис. Е. ГЛАДКОВА.

«ПАМЯТЬ ПОЛЬШИ»

Навеки частица моего сердца осталась в Польше. В конце Великой Отечественной войны в бою за освобождение ее народа от гитлеровских фашистов погиб мой единственный брат — гвардии лейтенант Леонид Бобров. Было ему тогда неполных 24 года. Почти 4 из них он провоявал на переднем крае. Уже без него вышел к Балтийскому морю его родной гвардейский полк.

С какими боями пробивались к Балтийскому морю советские и польские части, многие наглядно представляют по широко известному телесериалу «Четыре танкиста и собака», автором которого является участник войны польский писатель полковник Януш Пшимановский. Ровесник Лени, Януш Пшимановский — один из тех, кто помог через 45 лет после гибели брата увековечить его имя. Все годы после войны я искала место захоронения Леонида. И вот совсем недавно получила фотографию: ухоженное кладбище возле сельского храма. Ровные ряды братских могил. На высоком обелиске надпись: «Слава воинам, погибшим в 1945 году». И отдельно — широкое надгробие — плита, на которой высечено по-польски «Лейтенант Леонид Сергеевич Бобров». И красная звезда.

Хочется встать на колени и до земли поклониться прекрасным польским людям, жителям деревни Замарте и работникам Хойницкого гминного учреждения Быдгощского воеводства. И таким великим энтузиастам, как Пшимановский. Януш Пшимановский со своими товарищами Ханной Прокочук и Романом Мурани установили места захоронений и выяснили имена сотен тысяч советских воинов, дотолле «неизвестных солдат».

Пшимановский собирается приехать в Москву с уточненным списком 550 тысяч погибших на земле Польши наших офицеров и солдат. Чтобы оценить необъятность его труда и подвига, достаточно сказать, что до этого было известно имя только одного из каждых восьми убитых.

Так понял свой долг перед боевыми товарищами и освободителями польской земли полковник в отставке Войска Польского, большой писатель, автор полусотни книг, переведенных на многие языки. Он на шесть долгих лет оставил, казалось бы, неотложную литературную работу и занялся составлением и опубликованием списков погибших.

Эти списки включены в готовящееся к выходу второе издание книги «Память Польши». Первое издание, к тому же с далеко не полными тогда данными, вышло мизерным тиражом, и его сумели приобрести немногие. На второе издание, которое будет выпускать «Интерпресс» (Варшава) совместно с советским информационным агентством «Новости», объявлена неограниченная подписка во всех крупных книжных магазинах Советского Союза. Книга должна выйти к 50-летию начала Великой Отечественной войны.

Теперь каждая семья, потерявшая в Польше своего родственника, может по подписке приобрести эту книгу, открыть на странице, где поминается имя их отца, деду, брата или сестры, положить рядом с фотографией. Впрочем, в книге есть и портреты погибших воинов, короткие рассказы о них, письма, посылавшиеся составителям после того, как они объявили о своих намерениях в советских газетах и по телевидению. На книгу могут подписаться библиотеки, школы, где учились погибшие воины, учреждения, музеи.

Но составители сейчас обеспокоены тем, что недостаточно широко известно об издании этого труда. «Я убедился на практике, — пишет мне в личном письме Януш Пшимановский, — что даже после объявления по ТВ, радио и в центральной прессе не все слышали, видели, читали о проводимой нами работе. Очень важны районные газеты. Людям жить трудно и у нас, и у вас. Времени на все не хватает. А местную газету, считает он, каждый просматривает, а нет — так сосед увидит сообщение, прикесет. «Мне очень хочется, чтобы у всех семей, у которых есть в Польше могила, была дома «Память Польши». Подумайте, что надо сделать, чтобы они все о ней знали», — беспокоится Януш.

Прочитав письмо Януша, засела за расылку писем во все области нашей страны. В них я, в частности, убедительно прошу редакторов газет районных, многотиражных, независимых, «неформальных», любых напечатать информацию о готовящейся книге, чтобы ее могла прочесть каждая семья, потерявшая близких в Польше.

И еще одну просьбу Януша Пшимановского передаю читателям: польские товарищи очень надеются, что в нашей стране тоже будет составлен список польских за-

хоронений. Что найдутся человек или группа людей, которые бы пожелали посвятить несколько лет составлению книги польских могил на территории СССР. Во время минувшей войны советская земля приняла прах многих тысяч поляков.

Первые письма из Союза после своего обращения к нашим согражданам Пшимановский уже получил и опубликовал их в газете «Трибуна». Но эту работу надо продолжать. Ее должны вести все мы с вами. Долг платежом красен. Поляки долг перед нами выполнили. Теперь наш черед.

Я не знаю, внял ли уже кто-то из наших ученых призыву Пшимановского возглавить это дело. Я дала ему слово принять посильное участие в нем. Прошу, кто знает о существовании польских захоронений на территории своего села, района, области, города, прислать сообщения об этом по адресу: 121467, Москва, Г-467, до востребования, Осташевой Ларисе Сергеевне.

И что не менее важно, давайте возьмем

на себя, как цивилизованные люди, уход за каждой польской могилой. Не позволим себе забыть, что в Польше вот уже более четырех десятилетий в День поминовения 1 ноября вместе с поляками поминают погибших советских воинов, над их захоронениями служат молебны, зажигают свечи и ставят белые хризантемы.

Л. ОСТАШЕВА,

член Союза журналистов СССР.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы поддерживаем благородные и бескорыстные намерения Ларисы Сергеевны Осташевой. Хотим внести и свой вклад в дело сохранения памяти о погибших польских гражданах. Просим читателей присылать известные им сведения о польских захоронениях на советской земле в редакцию журнала, а мы постараемся связаться с Янушем Пшимановским, которого будем считать считать нас своим коллективным помощником.

От Министерства внутренних дел СССР и Главного управления командующего внутренними войсками

МВД СССР и Главное управление командующего внутренними войсками с глубоким прискорбием извещают, что 15 ноября 1990 года в автомобильной катастрофе трагически погибли начальник управления внутренних войск МВД СССР генерал-майор СОКК Альберт Сергеевич, командир соединения генерал-майор БУРЯК Анатолий Григорьевич, водитель рядовой ТОВСТУХА Олег Николаевич, и выражают искреннее соболезнование семьям, родным и близким погибших.

ПАМЯТИ ТОВАРИЦА

Горькую утрату понесли мы 15 ноября с. г. На 53-м году жизни при исполнении служебных обязанностей трагически погиб член редакционной коллегии генерал-майор Соки Альберт Сергеевич.

А. С. Соки родился 7 февраля 1938 года в г. Ярославле. С 1955 года находился на службе в Советской Армии, а затем во внутренних войсках, прошел путь от курсанта Петрозаводского военного училища до начальника управления. Был командиром взвода, роты, слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе, затем командовал батальоном, полком, дивизией. На всех должностях проявил себя умелым организатором, требовательным командиром, заботливым и чутким начальником.

Умело сочетал Альберт Сергеевич служебную деятельность с обществен-

ной работой. Делегат XXVIII съезда КПСС, неоднократно избирался народным депутатом местных Советов, долгие годы входил в состав редакционной коллегии нашего журнала. Искренний, тактичный, в высшей степени порядочный человек, он с большой ответственностью подходил к исполнению обязанностей рецензента. Читая материалы, умел находить стержневое звено, прямо, без компромиссов отстаивал при необходимости свое мнение, свою позицию, не позволяя себе ни в чем отступать от правды.

Не придет больше на заседания редакционной коллегии Альберт Сергеевич Соки, не увидим доброй улыбки, не услышим спокойного, рассудительного голоса. Светлую память о нем и боль утраты каждый, кто знал его, сохранит навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

**ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ**

■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ

КАРПОВ Б. Бой в Баганис-Айруме 2

■ ЖУРНАЛИСТ ИССЛЕДУЕТ ПРОБЛЕМУ

БУЛГАКОВ Б. «Кому бесславье, а кому бессмертие...» 10

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ 13

■ ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

КУЗЬМИН С. Истину не ловят на лету 16

МАЛЯРОВ И. Вернуть перестройку трудящимся 20

СТАДНЮК И. Учитывать исторические реалии 28

ДЕНИКИН А. После приказа № 1 (у нас в гостях журнал «Слово») 38

ЗЛОТНИКОВ Р. На бумажной подушке (фельетон) 47

КУПЦОВ В. Л. Троицкий: «Нельзя строить армию без репрессий» 63

■ ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ

УДИНЦЕВ А. Детектив о детективах 36

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ГУРОВ А., РЯБИНИН В. Исповедь «вора в законе» (опыт литературного исследования, продолжение) 50

АРЕСТОВА Л. Дополнительное расследование (повесть, окончание) 67

САЛОМАТИН В. Ко всему живому на земле (стихи) 24

Автодайджест 91

Скульптор своего тела (отрывок из книги А. Шварценеггера и Д. Хоуллы «Энциклопедия культуриста») 92

Россия — не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по способности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно!

И. ИЛЬИН.

«Что сулит миру расчленение России».

Зазвонил телефон.

— Паулус, — послышался сдавленный голос из бункера Цоссена, — у вас нет никаких соображений по поводу того, что Шапошиников вернулся в свой генеральный штаб?

В. ПИКУЛЬ.

«Барбаросса».

Бандера напутствовал своих «борцов» за единую, неделимую Украину: «Наша власть должна быть страшной... Рекомендуется уничтожать всех, кто будет оказывать сопротивление режиму...»

А. АНДРЕЕВ.

«Серый генерал».

Журнал зарегистрирован в Госкомпечати СССР 25 сентября 1990 года под № 241.

Художественное оформление Е. К. Селиковой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, Н. Ю. Семибратова.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250.
Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерии — 361-85-80.

Сдано в набор 5.10.90 г.
Формат бумаги 70x108/16.
Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 131 000 экз.

Подписано к печати 23.11.90 г.
Усл. печ. л. 8,4 + 2 вкл. 1/4 п. л.
Заказ № 2128 Цена 55 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

АДРЕС ОБЪЕДИНЕНИЯ:
МОСКВА,
ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ПРОСПЕКТ, Д. 8.
ОТДЕЛ КАДРОВ.

ПРИГЛАШАЕТ Лаву

МОСКОВСКОЕ
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ ЗАВОД»

Московское производственное объединение «Второй часовой завод» **ПРИГЛАШАЕТ** воинов внутренних войск МВД СССР, заканчивающих действительную военную службу, на работу наладчиками, операторами автоматических линий и станков с ЧПУ, электри-

ками, специалистами инструментального хозяйства и машиностроительного профиля. Лица, не имеющие специальности, обучаются избранной профессии. Во время учебы зачисленным в объединение выплачивается стипендия в размере 100—120 рублей в месяц.

В объединении имеются детские сады, ясли, пионерский лагерь, базы отдыха под Москвой и в г. Сочи, спортивный комплекс, ведется жилищное строительство. Желающие продолжить учебу имеют возможность заниматься на вечерних и заочных отделениях приборостроительных техникума и института.

Уралмаш — работа для настоящих мужчин

Вы завершаете службу во внутренних войсках. Что же дальше!

УРАЛМАШ — ЭТО ВАРИАНТ, НАД КОТОРЫМ СТОИТ ПОДУМАТЬ!

Производственное объединение Уралмаш (город Свердловск) выпускает экскаваторы, буровые установки, мощные прессы, прокатные станы и другие виды оборудования. Большой опыт, хорошие традиции, уникальные машины — своеобразная визитная карточка предприятия. Уралмаш — торговый партнер многих отечественных и зарубежных фирм.

Сегодня **УРАЛМАШУ ТРЕБУЮТСЯ:** токари, токари-нарусельщики, токари-расточники, фрезеровщики, сверловщики, подручные станочники, слесари-инструментальщики, слесари-сборщики металлоконструкций, электрогазосварщики, стропальщики, кузнецы на молотах и прессах, машинисты кранов, формовщики, обрубщики и рабочие других профессий. Если вы не имеете специальности, в объединении существует система обучения от 1 до 6 месяцев без отрыва от производства.

Гарантируем хорошую зарплату и солидную добавку к ней: 15 процентов уральского коэффициента плюс премиальные! Мы позаботимся о вашей материальной независимости: при поступлении на завод вы получите безвозмездное пособие от 200 до 1000 рублей.

Одиноким предоставляется благоустроенное общежитие. Со временем вы сможете решить проблему жилья, участвуя в строительстве МЖК или получив квартиру согласно очереди.

На Уралмаше созданы все условия для полноценного отдыха заводчан и их семей: к вашим услугам один из лучших в стране Дворец культуры и техники, клубы и кружки по интересам, кинотеатры, спортивные секции заводского стадиона, поликлиники, профилактории, дома отдыха.

Свердловск — город вузов и техникумов. Если вы стремитесь продолжать образование, Уралмашзавод поддержит вас: предприятие заинтересовано в служебном и профессиональном росте своих работников.

620012, СВЕРДЛОВСК, БУЛЬВАР
КУЛЬТУРЫ, 2.

УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ ПО «УРАЛМАШ»:
СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНАМ:
37-22-48; 37-37-42.